



Сергей Георгиевич Кара-Мурза
в Живом Журнале

<http://sg-karamurza.livejournal.com>

2010

Содержание

Содержание.....	2
Январь	4
8.01.2010. Всех поздравляю с Новым годом и Рождеством!	4
8.01.2010. Вот рассуждение, к-рое вызвало резкое неприятие. Почему?	4
8.01.2010. Старая песня - слегка по-новому /Культурная травма и качество жизни/.....	8
8.01.2010. Старая песня - слегка по-новому-1 / К проблеме падения рождаемости в России: фактор культуры/	11
9.01.2010. По теме угроз: случай гипостазирования.....	16
10.01.2010. Комментарий к сюжету	22
10.01.2010. Про фильм С.Говорухина «Ворошиловский стрелок»	24
10.01.2010. «Ворошиловский стрелок» -2.....	27
11.01.2010. Отвечаю на несколько реплик текстом 2007 года /Уроки Октября и уроки поражения/	30
11.01.2010. Вот еще текст для ответа на ряд постов /Русский коммунизм/	35
11.01.2010. Выступление на слушаниях в ГД по поводу /50-летия XX съезда КПСС/.....	39
11.01.2010. Еще кусок главы - к теме разговора /Государство и антигосударственные силы в России/.....	39
12.01.2010. Был "круглый стол" в газете "Завтра"/Три задачи Сталину/.....	46
13.01.2010.: К теме милиции. Статья 1995 г.....	48
16.01.2010. Легальность и легитимность	52
16.01.2010. Уточним понятия. Кризис легитимности.....	53
17.01.2010. Отвечаю на несколько реплик.....	57
17.01.2010. Эрозия легитимности после 2000 г.: фундаментальные факторы	58
17.01.2010. Легитимность и политическая культура	60
23.01.2010. Большое спасибо за поздравления. И небольшой.....	69
26.01.2010. Старый долг: о семинаре у С.С. Сулакшина	70
26.01.2010. Семинар: доклад, часть 1 /Жизнеспособность России как цивилизации/.....	70
26.01.2010. Семинар: доклад, часть-2я.....	75
26.01.2010. Семинар: доклад, 3-я часть.....	82
26.01.2010. Семинар: Вопросы докладчику и ответы.....	88
26.01.2010. Семинар: выступление А.В.Бузгалина.....	93
26.01.2010. Семинар: ответ А.В. Бузгалину.....	95
26.01.2010. Семинар: выступление А.Н. Окары.....	96
26.01.2010. "Семинар": Ответ А.Н. Окаре	99
26.01.2010. Семинар: выступление Чернавского	100
26.01.2010. Семинар: ответ Д.С. Чернавскому	100

26.10.2010. Семинар: выступление А.В.Шубина	102
26.01.2010. Семинар: ответ Шубину	104
26.01.2010. Семинар: выступление Неклессы	106
26.01.2010. Семинар: ответ Неклессе	109
26.01.2010. "Семинар": Ответ на разные реплики.....	111
27.01.2010.Если кому-то надо сослаться на материалы семинара	112
Март.....	113
24.03.2010.Кому интересно - мое интервью о Зиновьеве.....	113
29.03.2010. Видеозапись прошлогодного курса лекций	113
29.03.2010. Доклад на семинаре у Сулакшина. Дискуссия позже /Социализм и коммунизм в России: история и перспективы/	113
Апрель	116
4.04.2010. Образ мыслей.....	116
4.04.2010. Интервью башкирам /о терактах/	119
4.04.2010. Интервью словакам	121
4.04.2010. Ответ читателю о религии.....	123
4.04.2010. Интервью "Русскому журналу"	124
4.04.2010. Интервью белорусскому журналу	126
23.04.2010.Кому интересно - пресс-конф ко дню рождения Ленина в РИА-новости	128
23.04.2010. Спичрайтеры Президента перешли на язык социал-дарвинизма	128
23.04.2010. Замечательно само начало речи.....	128
23.04.2010. Да и это интересно	128
23.04.2010. А вот как мы теперь понимаем конкуренцию	128
24.04.2010. О Законопроекте №308243-5.....	128
26.04.2010. Кстати, политкорректно о терроризме.....	130
Май	132
7.05.2010. Всех поздравляю с Днем Победы. Интервью к случаю	132
27.05.2010. О планах введения налога на жилье	134
Июнь.....	136
16.06.2010. Вчера был на премьере спектакля "Арена жизни	136

Январь

8.01.2010. Всех поздравляю с Новым годом и Рождеством!

Спасибо за поздравления.

Опять прошу прощения - исчезал надолго. Еле выкарабкался, как-то сошлись работы, а той ловкости уже нет. В общем, вылез без больших потерь.

возвращаюсь в родное сообщество. Постараюсь искупить и пр.

8.01.2010. Вот рассуждение, к-рое вызвало резкое неприятие. Почему?

Ясно, что сам классовый подход не отвечает типу угроз для России. Преодоление нашего кризиса возможно лишь в рамках цивилизационного проекта. Кто же автор и носитель такого проекта? Надклассовая и надэтническая абстрактная общность, которую Н.Я. Данилевский назвал «культурно-исторический тип» [3].

Данилевский предложил признаки для различения «локальных» цивилизаций, носителем главных черт которых и является культурно-исторический тип. Цивилизация представляется как воображаемый великан, «обобщенный индивид». Данилевский видел в этом типе очень устойчивую, наследуемую из поколения в поколение сущность – народ, воплощенный в обобщенном индивиде. Он считал невозможной передачу главных принципов («смыслов») цивилизации одного культурно-исторического типа другому. Заимствование верхушечных структур культуры одной цивилизации от другой происходят, по выражению Данилевского, в форме трех видов — «колонизации», «прививки» и «удобрения».

Колонизация - механический перенос структуры с одной культурной почвы на другую («пересадка с одного места на другое посредством цивилизации»). Метафора прививки трактуется негативно - «прививка не приносит пользы тому, к чему прививается», дичок становится средством для черенка (как это было, по мнению Данилевского, в реформах Петра). «Удобрение» оценивается положительно — это «способ воздействия цивилизации на цивилизацию», действие которого схоже с «влиянием почвенного удобрения на растительный организм», или «влиянию улучшенного питания на организм животный». Но главное для нас в этой концепции заключается в том, что во всех случаях воздействие извне осуществляется через один и тот же культурно-исторический тип. Другого «великана» (хотя бы и маленького) в данный исторический период в конкретной цивилизации не существует.

Это представление об устойчивости культурно-исторических типов развил О. Шпенглер. В книге «Закат Европы» (т. 2, раздел «Исторические псевдоморфозы») он дал метафорическую концепцию неудачных цивилизационных контактов России с Западом как «модернизации». О. Шпенглер применил термин «псевдоморфозы», взятый из минералогии.

Так называют явление вымывания кристаллов минерала, включенных в скальную породу, а затем заполнения этой пустой формы раствором другого минерала. Он кристаллизуется в «чужой» форме, так что его «внутренняя структура противоречит внешнему строению». Такими были, по мнению Шпенглера, реформы Петра Великого, которые загнали нарождающуюся русскую культуру в формы старой, развитой культуры Запада.

Шпенглер пишет: «Историческими псевдоморфозами я называю случаи, когда чужая древняя культура тяготеет над краем с такой силой, что культура юная, для которой край этот - ее родной, не в состоянии задышать полной грудью и не только что не доходит складывания чистых, собственных форм, но не достигает даже полного развития своего самосознания. Все, что поднимается из глубин этой ранней душевности, изливается в пустую форму чуждой жизни; отдавшись старческим трудам, чьи чувства костенеют, так что где им распрямиться во весь рост собственной созидательной мощи? Колоссальных размеров достигает лишь ненависть к явившейся издалека силе ...»

Псевдоморфоз у всех нас сегодня на виду: петровская Русь... Прimitивный московский царизм - это единственная форма, которая в пору русскости еще и сегодня, однако в Петербурге он был фальсифицирован в династическую форму Западной Европы. ... Народ, назначением которого было – в течение поколений жить вне истории, был искусственно принужден к неподлинной истории, дух которой для исконной русской сущности был просто-напросто непонятен. В лишенной городов стране с ее старинным крестьянством распространялись, как опухоли, города чужого стиля. Они были фальшивыми, неестественными, неправдоподобными до глубины своей сути» [4].

В свое время эта концепция подверглась критике русскими философами, а сегодня вновь стала популярной, хотя вся эта конструкция опирается всего лишь на метафору. О любой известной истории цивилизации можно сказать, что она – псевдоморфоз (античная цивилизация Греции взяла многие формы не только у Египта, но и у черной Африки – и что из этого?).

Эти представления господствуют сегодня в России и у идеологов реформы, и у ее противников. Первые опираются на концепцию «России-как-Европы» и объясняют неудачи реформ ненужным стремлением искать какие-то «свои» подходы и формы (особый путь) вместо точного копирования западных структур. Вторые прямо исходят из модели Данилевского-Шпенглера. Но в главном эти крайности сходятся.

История XX века заставляет отказаться от концепции Данилевского-Шпенглера. И русская революция, и перестройка конца XX века с последующей реформой показали, что в действительности цивилизация является ареной конкуренции (или борьбы, даже вплоть до гражданской войны) нескольких культурно-исторических типов, предлагающих разные цивилизационные проекты. Один из этих типов (в коалиции с союзниками) становится доминирующим в конкретный период и «представляет» цивилизацию[1].

Реформы Петра, несмотря на все нанесенные ими России травмы, не были псевдоморфозами, они опирались на волю культурно-исторического типа, сложившегося в лоне российской цивилизации и начинавшего доминировать на общественной сцене. Модернизация и развитие капитализма во второй половине XIX века вызвали кризис этого культурно-исторического типа и усиление другого, вырастающего на матрице современных буржуазно-либеральных ценностей. Это было новое поколение российских западников, но вовсе не клон западных либералов (о «самобытности» российских либералов начала XX века писал М. Вебер).

На короткое время именно этот культурно-исторический тип возглавил общественные процессы в России и даже осуществил бескровную Февральскую революцию 1917 г. Но он был сметен гораздо более мощной волной советской революции. Движущей силой ее был культурно-исторический тип, который стал складываться задолго до 1917 года, но оформился и получил имя уже как «советский человек» после Гражданской войны. Все цивилизационные проекты для России были тогда «выложены» в самой наглядной форме, культурно-исторические типы, которые их защищали, были всем известны и четко различимы, все они были порождением России.

Что из этой истории важно для осмысления нашего нынешнего кризиса? Прежде всего, важно понять структуру актуального российского общества под этим углом зрения. Как раскололось успокоенное «застоем» общество, по каким линиям экзистенциальных противоречий? Кто противостоит реформам при внешней апатии и полном конформизме населения? Тут требуется деидеологизированный, «инженерный» анализ[2].

Трудный XX век Россия прошла, ведомая культурно-историческим типом, получившим имя «советский человек» (в среде его конкурентов бытует негативный, но выразительный термин *homo sovieticus*). Советские школа, армия, культура помогли придать этому культурно-историческому типу ряд исключительных качеств. В критических для страны ситу-

ациях именно эти качества позволили СССР компенсировать экономическое и технологическое отставание от Запада[3].

Общности, которые были конкурентами или антагонистами советского человека, были после Гражданской войны «нейтрализованы», подавлены или оттеснены в тень – последовательно одна за другой. Они, однако, пережили трудные времена и вышли на арену, когда советский тип стал снижать и переживать кризис идентичности (в ходе послевоенной модернизации и урбанизации). Среди этих набирающих силу общностей вперед вырвался культурно-исторический тип, проявивший наибольшую способность к адаптации. Его можно назвать, с рядом оговорок, мещанством.

К 70-м годам оно сумело добиться культурной гегемонии над большинством городского населения и эффективно использовало навязанные массовой культуре формы для внедрения своей идеологии. Советский тип вдруг столкнулся со сплоченным и влиятельным «малым народом», который ненавидел все советское жизнеустройство и особенно тех, кто его строил, тянул ляжку. Никакой духовной обороны против них государство уже и не пыталось выстроить.

Видные западные советологи уже в 50-е годы разглядели в мировоззрении мещанства свой главный плацдарм в холодной войне. Крупный философ И. Бохенский, считал, что рост мещанства станет механизмом перерождения советского человека в обывателя, поглощенного стяжательством. Как и любой общественный процесс, этот сдвиг мог быть перепрофилирован в направлении, не подрывающем главный вектор развития. Но этого не было сделано (см. [6]).

Суть философии мещанства – «самодержавие собственности». Но этот идеал собственности, в отличие от Запада, не стал буржуазным и не был одухотворен протестантской этикой. Буржуа был творческим и революционным культурно-историческим типом. Мещанин – это антипод творчества, прогресса и высокой культуры. Ему противно любое активное действие, движимое идеалами. Герцен отмечал, что мещанство не столько максимизирует выгоду, сколько стремится «понизить личности». Это – духовный вектор.

Антисоветский проект сделал ставку на активизацию мещанства как самого массового культурно-исторического типа, который был оттеснен на обочину в советский период. В отличие от тончайшего богатого меньшинства дореволюционной России (аристократов, помещиков, купцов и фабрикантов), оно пронизывало всю толщу городского населения и жило одной с ним жизнью. Доведенные до крайности установки мещанства были художественно собраны в образе Смердякова. В разных формах культурный тип мещанства представлен в русской литературе очень широко, стал на переломе веков едва ли не самым главным образом. Достоевский и Толстой, Чехов и Горький, Маяковский и Платонов – все оставили художественную летопись эволюции русского мещанства.

Революцию мещанство «пересидело»[4]. Составляя значительную часть мало-мальски образованного населения, мещанство быстро овладело знаками советской лояльности и стало заполнять средние уровни хозяйственного и государственного аппарата. Социальный лифт первого советского периода поднял статус мещанства, и уже тогда возникли ниши, где негласно стали господствовать его ценности.

Война сильно выбила творческую, активную часть общества. Мещанство, напротив, окрепло, обросло связями и защитными средствами – и стало повышать голос. Агрессивная аполитичность мещанства, демонстративный отказ от участия в любом общественном деле были действительно важным фактором социальной атмосферы – целостной позицией, которая стала подавлять позицию гражданскую.

Ход утраты культурной гегемонии советским типом – важный урок истории и актуальная для России проблема обществоведения. Здесь мы ее не касаемся, один только штрих. Этот процесс можно проследить по динамике когнитивной активности рабочих. В 1922 г. про-

должительность рабочего времени в СССР сократилась по сравнению с 1913 г. на 537 часов. Люди их использовали, первым делом, на самообразование. Затраты времени на самообразование с 1923 по 1930 г. выросли с 12,4 до 15,1 часа в неделю. С середины 60-х годов начался резкий откат. Среди работающих мужчин г. Пскова в 1965 г. 26% занимались повышением уровня своего образования, тратя на это в среднем 5 часов в неделю (14,9%) своего свободного времени. В 1986 г. таких осталось 5% и тратили они в среднем 0,7 часа в неделю (2,1%) свободного времени. К 1997/98 г. таких осталось 2,3% [7].

В общем, советский культурно-исторический тип сник в 70-80-е годы, а потом был загнан в катакомбы. Господствующие позиции заняло мещанство, в том числе криминализованное[5]. Эта смена культурно-исторического типа и предопределила резкую утрату жизнеспособности России как цивилизации. Та культурная общность, которая стала господствовать в России, не обладает творческим потенциалом и системой ценностей, которые необходимы, чтобы «держат» страну, а тем более сплотить общество для модернизации и развития.

В ближайшие 10-15 лет Россия окажется перед лицом угроз, которые лишь зародились в ходе реформ и в зрелой форме реализуются уже тогда, когда сойдет с арены поколение советских людей с их знанием, навыками и ценностями. Эти угрозы должны будут преодолевать люди нового, существенно иного культурно-исторического типа, и предвидение этой ситуации становится важной задачей.

Советский тип был загнан в катакомбы, но не исчез. Он – молчаливое большинство, хотя и пережившее культурную травму. Сейчас неважно, какое духовное убежище соорудил себе каждый из людей этого типа – стал ли он монархистом, ушел ли в религию или уповаает на нового Сталина. В нынешнем рассыпанном обществе именно эти люди являются единственной общностью, которая обладает способностью к организации, большим трудовым и творческим усилиям. Именно они могут быть собраны на обновленной матрице, ибо сохранилось культурное ядро этой общности, несущее ценности и смыслы российской цивилизации, ценности труда, творчества и солидарности.

«Сборка» дееспособных социокультурных общностей и организация диалога между ними – актуальный вопрос национальной повестки дня России. В полной мере цивилизационного реформирования России в этот раз достичь, скорее всего, не удастся. Способность к регенерации поврежденных структур у России очень велика. Цивилизация такого масштаба и с таким разнообразием элементов и связей, как Россия, представляет собой слишком большую и сложную систему, на ее слом у реформаторов не хватит ни экономических, ни культурных ресурсов. Хотя, очевидно, изуродуют сильно.

Задача в том, чтобы свести к минимуму травмы и мутации несущих цивилизационных конструкций России или, в облегченном варианте, не допустить, чтобы травмы и уродства не превзошли некоторый критический порог. Мы от него уже недалеко.

Литература

1. Федотов Г. П. Россия и свобода. В кн.: Федотов Г. П. Империя и свобода. Нью-Йорк, 1989, с. 78-79 (<http://magazines.russ.ru/october/1997/5/levin.html>).
2. Е.Н. Данилова, В.А. Ядов. Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ. - «СОЦИС». 2004, № 10.
3. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга. 1991.
4. Шпенглер О. Закат Европы. Т.2. // Самосознание европейской культуры XX века.– М.: ИПЛ, 1991., с. 30.
5. Шорохов А. Тургенев: Русский ответ откладывается... (Культурно-исторические типы Запада и Россия). - <http://www.pereplet.ru/shorohov/50.html>.

6. Новиков А.И. Мещанство и мещане. Л.: Лениздат. 1983.

7. Патрушев В. Жизнь горожанина (1965-1998). М.: Academia. 2001.

[1] *Еще раньше Данилевского, в 1857-59 гг., И.С. Тургенев изложил исключительно прозорливое и важное свое исследование — статью «Дон-Кихот и Гамлет» [5]. Он предложил концепцию западной цивилизации как сосуществование двух культурно-исторических типов. Дон-Кихот представлял старую католическую Европу, а Гамлет — нарождающееся протестантское, научно-рациональное мировоззрение (позже этот, уже зрелый, культурно-исторический тип был дан в образе Фауста). Но в XIX веке этот смысл статьи Тургенева не был воспринят.*

[2] *Не видя этих главных расколов, нельзя построить верную социокультурную карту российского общества. Поэтому все попытки собрать общности на новых, «постсоветских» матрицах заканчиваются неудачами. Поразительно безуспешными было множество попыток партийного строительства, проект создания массовой молодежной организации, создания общности «фермеров», новой общности солдат-«контрактников», нового научного сообщества. Фундаментальные причины этих трудностей не были выявлены, хотя принципиальных методологических препятствий для такого исследования не было.*

[3] *Измеряемый ООН индекс развития человеческого потенциала в СССР в 1987 году составлял 0,920, а в США 0,961. Учитывая, что по объему ВВП на душу населения СССР занимал 30 место, а США второе, можно оценить вклад образования в развитие личности.*

[4] *Надо сказать, что мещанство было врагом обеих столкнувшихся в Гражданской войне сторон, которые представляли разные революционные проекты. В мировоззренческом конфликте с мещанством в 20-е годы красные и белые ветераны были по одну сторону баррикад.*

[5] *А.С. Панарин считал, что главной, может быть, чертой сознания мещанства является его стремление к нарушению легальных норм поведения. Преступившая личность отличается от законопослушной личности с таким типом сознания не структурой своих потребностей и мотиваций, а лишь специфической нонконформистской решительностью.*

8.01.2010. Старая песня - слегка по-новому /Культурная травма и качество жизни/

Культурная травма и качество жизни

Выступая 5 сентября 2005 г. в Большом Кремлевском дворце с программным заявлением перед всей «властной верхушкой», В.В. Путин сказал: «Основной целью нашей с вами деятельности, ключевым вопросом государственной политики является существенное повышение качества жизни граждан России».

Каков же общий фон качества нашей жизни сегодня? Этот фон - жизнь в постоянном тяжелом стрессе (75% россиян) и жизнь в постоянном страхе (50%). Медики говорят даже о массовом нарушении динамического стереотипа - способности ориентироваться в социальном пространстве и времени. Это приводит к физиологическим нарушениям (ослабление иммунитета), что выражается в аномально высокой заболеваемости и смертности. Культурная травма и качество жизни

Большинство граждан испытывают постоянные душевные муки, видя вокруг себя страдания своих соотечественников, выброшенных реформой на социальное дно - бездомных и нищих, проституток и беспризоринок. Они стали важным элементом структуры нашей

повседневности. Кто-то надевает маску равнодушия или цинизма, кто-то утешает свою совесть подаванием, но все это слабая анестезия.

По главным индикаторам благосостояние самой массовой социальной группы за 18 лет срок резко снизилось, эта часть общества обеднела и скатилась вниз по лестнице социальных статусов. Люди стали намного хуже питаться и одеваться, меньше потреблять платных услуг и продуктов культуры, меньше ездить и отдыхать. У большинства ухудшились условия работы, труд стал менее содержательным и сложным, полученные ранее квалификация и творческие навыки не востребованы. Быстро сокращается и упрощается структура потребностей.

Таким образом, объективно структуры повседневности большинства населения России претерпевают регресс, причем темп его таков, что люди не успевают привыкнуть. Это вызывает культурную травму.

Как это влияет на субъективное ощущение качества жизни? Личные оценки снижаются вслед за объективными показателями с большим временным лагом, они запаздывают. Люди не желают трезво оценить ухудшение своего статуса, они психологически защищаются от реальности, завышая самооценку. Они преувеличивают устойчивость и ценность инерционных частей своего благосостояния (например, жилья, квалификации, социальных связей) и не желают видеть их эрозии. Между тем этот процесс имеет нелинейный характер.

В 1999 г. была перейдена пороговая точка в динамике ветшания жилищного фонда России. Оставленное после 1991 г. без капитального ремонта, жилье «дозрело» до такого состояния, в котором темп старения качественно изменился - в огромных количествах реально идет переход жилья в категорию ветхого и аварийного.

С городской инфраструктурой (тепловые сети, водопровод и канализация) положение не лучше. Большая часть их мощности выработала свой ресурс, но ни капитального ремонта, ни прокладки новых сетей практически не ведется. Страна превращается в трущобу, и это порождает страх перед будущим.

Эта ситуация чревата большими рисками. На всех лежит ответственность за этот поворот, поэтому люди считают себя обязанными терпеть ухудшение, пока не истечет негласно установленный срок, пока не будет истрачен кредит времени, отпущенный реформаторам. Беда в том, что ни общество, ни власть не обладают инструментами, чтобы измерять остаток этого кредита и скорость его иссякания. Обвал может произойти в любой момент. Люди живут под гнетом неопределенности. Это – важный фактор отказа от рождения детей.

Второй блок показателей качества жизни выражает актуальную безопасность людей. Чем больше угроз ощущает человек, тем выше сдвигаются эти показатели вверх по шкале приоритетов. За последние 15 лет они ползут вверх безостановочно, иногда скачкообразно. Структура угроз, перед которыми оказался житель России и его близкие, за годы реформ кардинально изменилась. На первый план вышли угрозы социальные, которые до реформы вообще не фигурировали в числе актуальных. Более того, все эти угрозы вошли именно в атмосферу повседневной жизни, их образ знаком большинству.

Массовым является страх перед бедностью, которая может свалиться на голову по независящим от личности причинам. Безработица, смерть или увечье кормильца, утрата сбережений, стихийное бедствие - все эти угрозы бродят рядом с нами, а привычные социальные системы защиты от них ликвидированы реформой. Более того, реформа парализовала производство, а никакая добыча не может его заменить как источник жизненных благ для большой страны. Тяготы по поддержанию изношенной техносферы власть решила возложить на население, и над всеми повис дамоклов меч немислимых платежей (налог на не-

движимость, исчисляемый по ее рыночной стоимости, обязательное страхование жилья, тарифы). Этот меч опускается постепенно, но опускается.

Другая угроза - преступное насилие. С ним за годы реформ столкнулась уже едва ли не каждая семья, и это оставляет рубец, который ноет постоянно. Масштабы насилия поражают. Десятки тысяч человек пропадают за год без вести. Разбой и грабеж с насилием стали обычным явлением. Появились новые виды преступного насилия, которые еще недавно не были даже предусмотрены уголовным кодексом - похищение людей, взятие заложников, убийства по найму, едва прикрытое рабовладение. В судебной практике многие из этих преступлений трактуются в рамках действующих статей Уголовного кодекса, что лишь маскирует угрозу, мешает осознать масштабы этой угрозы для государства и общества. А ведь речь идет о становлении в лоне России постмодернистской криминальной цивилизации. Она энергична, склонна к экспансии, является частью глобальной сети и активно врастает во власть.

Положение усугубляется тем, что государство и общественные организации, на которые граждане могли возлагать свои надежды в советское время, находятся в полуразобранном состоянии или вообще ликвидированы. В Москве 75% жертв разбойных нападений не заявляют о них в правоохранительные органы - считают это бесполезным. Более того, для некоторых категорий граждан существенным стал риск стать жертвой насилия со стороны самих этих органов.

Как, например, можно ожидать высокой рождаемости, если в 2003 г. даже в Москве 50% опрошенных первой проблемой своей жизни назвали «страх за свое будущее, будущее своих детей» (а в Северной Осетии такой страх назвали первой проблемой 60% - еще до трагедии в Беслане). Ведь это ощущение не устранить увеличением детского пособия, это фундаментальный фактор.

Объективно, качество жизни в таких условиях является очень низким. От массового психоза страну выручает лишь исключительная культурная устойчивость населения и инерция советского мировоззрения и советского школьного образования. Люди перешли к совершенно иному, нежели в стабильное время, образу жизни и критериям оценки - к критериям военного времени. Трудно сказать, насколько вообще правомерно в такое время обычное понимание самого термина «качество жизни».

Восприятие опасностей, в общем, никогда не является адекватным. Какие-то страхи нагнетаются политиками и телевидением (например, страх перед терроризмом) и в восприятии людей преувеличены, к другим люди легко привыкают и их недооценивают. Видимо, в целом большинство населения считает опасности для личности в России неприемлемо высокими и мириться с таким положением не собирается.

Иными словами, в этот «переходный период» люди не ведут нормальную жизнь, а переживают его. В такие периоды рождаемость всегда снижается.

Наконец, третий комплекс показателей качества жизни отражает возможности проектировать свою жизнь, строить планы на будущее и иметь доступ к ресурсам для реализации этих планов. Здесь имеет место очевидный и бесспорный регресс.

Быстро снижается качество и доступность образования, ухудшается здоровье населения и сокращается доступ к сложной медицинской помощи, меняется тип того культурного воздействия, которое оказывали на человека СМИ, телевидение, кино. Эти общественные институты целенаправленно сокращают поток сообщений, созданных по типу «университетской» культуры, и заменяют их на продукты культуры «мозаичной» - формируется «человек массы», с невысокими притязаниями. Для молодых людей «старой» культуры невыносима мысль, что их дети перейдут в качественно иной, «чужой» тип культуры - а они не

смогут им помочь. Они не чувствуют себя вправе завести детей при этой своей беспомощности.

Жизнь обедняется, личность принижается, и этот процесс идет с ускорением. Качество жизни снижается, хотя жертвы этого процесса все менее способны это чувствовать. То, что раньше было народом, разделяется на классы - сначала по отношению к собственности и гражданским правам, теперь и по типу культуры. При этом надо заметить, что и господствующее меньшинство («элита») оказывается вырожденным и неспособно быть носителем элитарной культуры.

Все эти группы показателей соединяются в сознании людей в интегральное ощущение фундаментального неблагополучия. Это выражается в том, что более половины населения отвечает, что «в жизни стало меньше счастья» и что «страна идет в неверном направлении». Проект реформ не принят большинством общества, он противоречит его разуму, здравому смыслу и совести. Значит, на этом пути улучшения качества жизни ожидать не приходится. И предпринимаемые именно для этого «национальные проекты» вызывают не энтузиазм и надежды, а тяжелое ощущение беспомощности. Они, предполагая некоторые денежные вливания, нисколько не касаются главных бед, которые пожирают нашу жизнь и жизнь нашей страны.

Видимо, власть совершила ошибку, подняв проблему качества жизни. Но раз уж это сделано, надо пойти на серьезный откровенный разговор. Если этого не будет, власть активизирует развитие угрозы отчуждения общества от государства. Это – одна из фундаментальных угроз.

8.01.2010. Старая песня - слегка по-новому-1 / К проблеме падения рождаемости в России: фактор культуры/

К проблеме падения рождаемости в России: фактор культуры

11

В 1993 г. в издательстве «Наука» вышла книга «Население Советского Союза. 1922-1991». Это изложение динамики демографических процессов в нашей стране. В главе 11 даны три варианта прогноза на 2000 г. – «оптимистический», «пессимистический» и «демографическая катастрофа». Последний вариант считался маловероятным[1].

Что же авторы обозначили термином «катастрофа»? Снижение ожидаемой продолжительности жизни мужчин-горожан в 1995 г. до 63,1 года (с 65,4 года в 1988 г.). А что же произошло на самом деле? Уже в 1994 г. этот показатель упал до 57,9 лет! На 4,2 года жизни ниже того, что считалось катастрофой. Всего за два с половиной года после написания книги - но такая ситуация даже в воображении не могла привидеться демографам. Так что катастрофа – научное и подтвержденное опытом определение нашего состояния.

В упомянутой книге демографы в прогнозе «демографическая катастрофа» считали, что рождаемость в городе упадет с 15,4 (на 1 тыс. населения) в 1988 г. до 10,8 в 1995 г. На деле же она упала до 8,6!

Ряд российских демографов отвергают тезис о демографической катастрофе в России на основании того, что и на Западе наблюдается спад рождаемости. Они считают, что низкая рождаемость – признак «высокого уровня жизни», и этот признак Россия в ходе реформы уже приобрела. В целом с этим согласиться нельзя – динамика рождаемости обнаруживает разрыв непрерывности – резкий обвал, вызванный быстрыми кардинальными изменениями жизнеустройства (рис. 1 и 2).

Тем не менее, необходимо осмыслить опыт Запада, ибо в реформировании России у Запада заимствовано очень многое, причем гораздо более фундаментальное, нежели «высокий уровень жизни». Придание этому фактору статуса причины сокращения рождаемости не имеет оснований. Между ними существует корреляция, но причинно-следственной связи

нет. Правильнее рассуждать так: в ходе реформ мы переняли у Запада нечто такое, что привело к падению рождаемости. Это – общее предположение, и в этом смысле наша демографическая ситуация может иметь общие с Западом причины.

Демография регистрирует убыль коренного населения в развитых странах Запада по причине резкого сокращения рождаемости. Рождаемость в Европе снизилась до отметки 1,34 ребенка на женщину. В некоторых странах Европы, в частности, в Италии уровень рождаемости составил 1,1. Уровень рождаемости, необходимый для простого воспроизводства населения, составляет 2,1 рождения на женщину.

В прессе можно прочитать такие прогнозы: «Европа исчезает как социокультурный организм, к 2050 г. она сократится на 100 млн. человек» (без учета иммиграции – на 120 млн.)). Все страны Запада пытаются восполнить спад рождаемости замещающей миграцией - «импортом людей». Европейский рекорд держит Швейцария, где каждый пятый житель - иностранец. В ФРГ живет 10 млн. турок, но, по расчетам демографов ООН, к 2050 г. население страны сократится с 82 до 58,8 млн. человек. Всего в странах Западной Европы в 1999 г. родились около 4 млн. детей, причем 3 млн. - у иммигрантов.

Поскольку на Западе, в общем, достигнут высокий уровень личного благосостояния («потребления»), а в бедных странах семьи охотно производят новую жизнь и радуются детям даже впроголодь, становится чуть ли не общепризнанным вывод, что материальное благополучие подавляет материнский «инстинкт». И кажется даже благоразумным решением, что женщина стала откладывать материнство на более поздний возраст или вовсе отказываться от рождения детей.

В общем, этот ход рассуждений неверен. Известно, например, что население богатых исламских стран (Саудовской Аравии и т.п.) вовсе не следует примеру Запада. Более того, и на самом Западе богатое меньшинство вовсе не собирается «вымирать» - многодетные семьи там обычное дело.

Утрата «материнского инстинкта» – болезнь именно среднего класса буржуазного общества. И болезнь эта является болезнью духа, не предопределяемой непосредственно уровнем материального благосостояния. Эта болезнь среднего класса в ходе вестернизации распространяется и среди тех слоев населения бедных стран, которые возомнили себя средним классом и приняли его мировоззренческие установки – даже если по западным меркам их можно было бы причислить к бедноте.

Уругвай – небольшая страна, оазис благополучия в Латинской Америке. Там почти изжит бедность, чем гордятся и либералы, и социал-демократы, по очереди меняющиеся у власти. Но в декабре 2000 г. в Уругвае был опубликован доклад, согласно которому более 50% детей в Уругвае проживали ниже уровня бедности. Выяснилось, что рождаемость в семьях среднего класса упала настолько, что основная масса детей оказалась в семьях бедного меньшинства. Благополучная («европейская») часть населения Уругвая вымирает, а бедная часть быстро растет – при общем экономическом благополучии.

Средний класс – основа буржуазного общества, генератор и носитель «духа капитализма». Богатое меньшинство приобрело характер сословия, почти аристократии, оно утратило «буржуазность». Важная черта мироощущения среднего класса – антропологический пессимизм. Это – неверие в человека, в его благое предназначение.

Причины этого пессимизма многообразны, но на Западе в момент становления буржуазного общества они ударили по человеку одновременно – чего не произошло в других культурах. На мышление человека Запада наложилось несколько «волн страха». На источник этого «страха индивида» указывает психолог Э. Фромм: «Человек, освободившийся от пут средневековой общинной жизни, страшился новой свободы, превратившей его в изолированный атом».

Реформация не только разъединила людей и превратила человека в атом (индивида), но в своем радикальном выражении (кальвинизм), прямо отняла у людей веру в спасение души – для вечного блаженства предназначены лишь «избранные». Макс Вебер в своем главном труде «Протестантская этика и дух капитализма» пишет: «Это учение в своей патетической бесчеловечности должно было иметь для поколений, покорившихся его грандиозной последовательности, прежде всего один результат: ощущение неслыханного дотоле внутреннего одиночества отдельного индивида... Вместе с тем эта отъединенность является одним из корней того лишенного каких-либо иллюзий пессимистически окрашенного индивидуализма, который мы наблюдаем по сей день в «национальном характере» и в институтах народов с пуританским прошлым».

Этот индивидуализм был прямо направлен против семьи. Решение родить ребенка – это акт любви, веры в счастливое будущее этого ребенка и в спасение его души. «Пессимистически окрашенный индивидуализм» сильнейшим образом подавлял этот порыв, и как только во второй половине XX века появились простые и эффективные противозачаточные средства, число рождений пошло на убыль.

Мы видим, что этот пессимистический духовный фон жизни на Западе стараются подавить различными способами. Иногда этому способствуют периоды процветания, иногда, наоборот, кризисы и даже бедствия типа войн. Иногда массу людей увлекают приступы фанатизма, как во времена фашизма, в благополучное время – сексуальные революции или приступы потребительской лихорадки. Но за все этим Э.Фромм видит нарастающую некрофилию – так он называет то проявление антропологического пессимизма, которое выражается в неприязни к живым структурам, к зарождению и пестованию жизни. И напротив, тягу к разрушению или хотя бы к зрелищу и вообще образу разрушения, что красноречиво отразилось в культуре (кино, телевидение, музыка, мода).

Известно, что православное общинное мироощущение было жизнерадостным. Оно было наполнено верой в лучшее будущее. Важно наблюдение А.В. Чаянова: в русском крестьянстве совершенно не было мальтузианства, запрета на «размножение бедных», а в сознании крестьянства Франции оно было очень сильно. Еще более жизнерадостным было космическое чувство советского человека – мы именно обладали «уверенностью в завтрашнем дне», что никак не сводилось к сытости.

Исследователь фашизма Л. Люкс пишет по этому поводу: «Коммунисты не поняли европейского пессимизма, они считали его явлением, присущим одной лишь буржуазии... Теоретики Коминтерна закрывали глаза на то, что европейский пролетариат был охвачен пессимизмом почти в такой же мере, как и все другие слои общества. Ошибочная оценка европейского пессимизма большевистской идеологией коренилась как в марксистской, так и в национально-русской традиции».

На короткий период и в сознании народов Центральной Европы, втянутых в орбиту «советского лагеря», возобладал антропологический оптимизм. Но там, где население радикально вырвали из «полусоветского» состояния и вернули в лоно «среднего класса», в отношении к рождению детей произошли коренные изменения. Это показал опыт ГДР. В 1994 г. был опубликован важный доклад: за четыре года после воссоединения Германии рождаемость на восточных землях упала более чем вдвое! Как сказано в докладе, «социальная нестабильность и отсутствие будущего привели к головокружительному росту добровольной стерилизации восточных немцев — более чем на 2000% за четыре года». Формулировка неверна – социальная стабильность (сытость) была обеспечена крупными субсидиями. Но вернулся западный страх перед бытием, антропологический пессимизм.

Глотнув этого страха и этого пессимизма, стали меньше рожать и женщины России.

Культурная программа реформы.

Человек живет в искусственном мире культуры. Важная его часть – мир вещей. Он связан с миром идей и чувств. Воздействуя на отношение людей к вещам, можно изменить и их отношение к людям и к своей собственной жизни. Отношение людей к вещам – один из главных фронтов борьбы за души людей.

Человек создан культурой, и его потребности – также продукт культуры. Любой народ, чтобы сохраниться, должен обеспечить безопасность «национального производства потребностей» от вторжения чужих «программ-вирусов». Обновление системы потребностей как части национальной культуры должно вестись в соответствии с критериями, которые нельзя отдавать на откуп «чужим».

Последние двадцать лет граждане России были объектом небывало мощной и форсированной программы по созданию и внедрению в общественное сознание новой системы потребностей. Это было одно из главных орудий «демократической революции». Маркс, создавая свою теорию революции, сделал вывод: «Радикальная революция может быть только революцией радикальных потребностей». Быстрое изменение системы потребностей (и материальных, и духовных) толкает общество к революционному изменению жизнеустройства, вплоть до самоотречения народа.

В ходе этой программы сначала молодежь, а потом и основную массу граждан втянули в то, что называют «революцией притязаний». То есть, добились сдвига к принятию российскими гражданами постулатов и стереотипов западного общества потребления. В России произошло, по выражению Маркса, «ускользание национальной почвы» из-под производства потребностей, и они стали формироваться на Западе. Такие народы Маркс сравнил с аборигенами, чахнувшими от европейских болезней. Западных источников дохода нет, западного образа жизни создать невозможно, а потребности западные.

Масса людей в России стала вожделеть западных стандартов потребления. Так жить нельзя! – вот клич человека, страдающего от невыполнимых притязаний. Чтобы получить шанс, пусть эфемерный, на обладание вещами «как на Западе», надо было сломать многие устои «прежней жизни», отбросить многие заданные ею «обязанности». И первая, самая наглядная обязанность, мешающая потребительству – это обязанность каждого воспроизводить себя и народ в следующем поколении. Она и была отброшена – в числе очень многих других обязанностей и повинностей.

Когда идеологи и «технологи» реформы планировали и проводили эту акцию, они преследовали конкретные политические цели. Но по здоровью страны был нанесен удар, несопоставимый с конъюнктурной задачей – был создан порочный круг угасания народа.

Мы оказались в «экзистенциальной» ловушке – как и перед революцией начала XX века. До начала XX века почти 90% населения России жили с уравнильным крестьянским мироощущением («архаический аграрный коммунизм»), укрепленным Православием (или уравнильным же исламом). Благодаря этому культуре России было чуждо мальтузианство, так что всякому рождавшемуся было гарантировано право на жизнь.

Даже при том низком уровне производительных сил, который был обусловлен исторически и географически, ресурсов хватало для жизни растущему населению. В то же время было возможно выделять достаточно средств для развития культуры и науки – создавать потенциал модернизации. В начале XX века, под воздействием импортированного зрелого капитализма это устройство стало разваливаться, но кризис был разрешен через революцию. Она сделала уклад жизни более уравнильным, но и более производительным. На этом этапе также не было мальтузианства, так что население росло и осваивало территорию.

В 70-80-е годы большинство населения обрело тип жизни «среднего класса». В массовом сознании стал происходить сдвиг от советского коммунизма к социал-демократии, а потом и либерализму. В культуре интеллигенции возник компонент социал-дарвинизма, он

стал просачиваться в массовое сознание. Право на жизнь стало ставиться под сомнение - сначала неявно, а потом все более громко.

Одновременное снятие норм официального коммунизма и иссякание коммунизма архаического (при угасании Православия) изменило общество так, что сегодня, под ударами реформы, оно впало в демографический кризис, обусловленный не только и не столько социальными, сколько мировоззренческими причинами. Еще немного – и новое население России ни по количеству, ни по типу сознания и мотивации уже не сможет не только осваивать, но и держать территорию. Оно начнет стягиваться к «центрам комфорта», так что весь облик страны будет быстро меняться. Такие проекты уже предлагаются (см. например: «Россия: принципы пространственного развития. ЦСИ ПФО. 2004». - http://www.glazychev.ru/projects/2004_DocladProstRazv.htm).

Переход к импортированным из иного общества «несбыточным» потребностям – это социальная болезнь. Болезнь эта страшна не только страданиями, но и тем, что порождает порочный круг, ведущий к саморазрушению организма. Разорвать этот круг нельзя ни по-такая больному – частично удовлетворяя его несбыточные потребности за счет сограждан, – ни улучшая понемногу «все стороны жизни».

Философ А.С. Панарин трактует этот большой сдвиг в сознании как “бунт юноши Эдипа”, бунт против принципа отцовства, предполагающего ответственность за жизнь семьи и рода (рис. 3).

Исход зависит от того, сможет ли та часть интеллигенции, что осознала опасность и сохранила силы для действия, собрать то зеркало, в котором каждый сможет увидеть себя и свою судьбу, как частицу судьбы народа. Государство могло бы сильно помочь этому делу, но пока что оно, скорее, ему мешает.

Криминализация российского общества

Положение таково. В 1987 г., последний год перед реформой, в РСФСР от убийств погибло 11,3 тыс. человек (с учетом смерти от ран и травм) и произошло 33,8 тыс. грабежей и разбоев. В 2006 г. от преступных посягательств погибло 61,4 тыс. человек и получили тяжкий вред здоровью 57 тыс., а число грабежей и разбоев достигло 417 тыс. Число таких преступлений, видимо, стабилизируется на высоких уровнях. В 2007 г. от преступных посягательств погибло 54 тыс. человек, получили тяжкий вред здоровью 52,9 тыс., зарегистрировано 340 тыс. грабежей и разбоев. Число тяжких и особо тяжких преступлений уже много лет колеблется на уровне 1,8 млн. в год (к тому же, по общему мнению специалистов, регистрируется примерно треть реального числа таких преступлений).

Ведь это - новое явление. Был у нас в 60-70-е годы преступный мир, но он был замкнут, скрыт, он мас-ки-ровался. Он держался в рамках теневой экономики и воровства, воспроизводил-ся без расширения масштабов. Общество – и хозяйство, и нравственность, и органы правопорядка – не создавало питательной среды для взрывного роста этой раковой опухоли.

Причины ее нынешнего роста известны, и первая из них - социальное бедствие, к которому привела реформа. Из числа тех, кто совершил преступление, более половины составляют теперь «лица без постоянного источника дохода». Большинство из другой половины имеют доходы ниже прожиточного минимума. Так изменились социальные условия - реформа «выдавила» массу мо-лодежи в преступность.

Преступность – процесс активный, она затягивает в свою воронку все больше людей, преступники и их жертвы переплетаются, меняя всю ткань общества. Бедность одних ускоряет обеднение соседей, что может создать лавинообразную цепную реакцию. Люди, впавшие в крайнюю бедность, разрушают окружающую их среду обитания. Этот процесс и был сразу запущен одновременно с реформой. Его долгосрочность predetermined уже

тем, что в ходе реформы в России сильнее всего обеднели именно дети (особенно семьи с двумя-тремя детьми). Это - массивный социальный процесс, который не будет переломлен небольшой «социальной» помощью. В 2005 г. по отношению к 2000 г. распространенность алкоголизма среди подростков увеличилась на 93%, а алкогольных психозов на 300%. Большая масса подростков стала вливаться в преступный мир.

Но только от бедности люди не становятся ворами и убийцами – необходимо было и разрушение нравственных устоев. В России возникли новые культурные условия жизни, когда множество молодых людей идут в банды и преступные «фирмы» как на нормальную работу. Преступное сознание заняло господствующие высоты в экономике, искусстве, на телевидении. Этот сдвиг – важный предмет современной философии. На Западе уже в середине неолиберальной волны был сделан вывод, что цена ее оплачивается прежде всего детьми и подростками.

Американский социолог К. Лэш пишет в книге «Восстание элит»: «Самым тревожным симптомом оказывается обращение детей в культуру преступления. Не имея никаких видов на будущее, они глухи к требованиям благоразумия, не говоря о совести. Они знают, чего они хотят, и хотят они этого сейчас. Отсрочивание удовлетворения, планирование будущего, накапливание зачетов - всё это ничего не значит для этих преждевременно ожесточившихся детей улицы. Поскольку они считают, что умрут молодыми, уголовная мера наказания также не производит на них впечатления. Они, конечно, живут рискованной жизнью, но в какой-то момент риск оказывается самоцелью, альтернативой полной безнадежности, в которой им иначе пришлось бы пребывать... В своем стремлении к немедленному вознаграждению и его отождествлении с материальным приобретением преступные классы лишь подражают тем, кто стоит над ними».

Именно это, и в гораздо большей степени, произошло в России. Без духовного оправдания преступника авторитетом искусства не было бы взрыва преступности. Особенностью нашего кризиса стало включение в этическую базу элиты элементов преступной морали - в прямом смысле. Преступник стал положительным лирическим героем в поэзии - таков был социальный заказ элиты культурному слою.

Но преступник – это культурный тип, который воздерживается от того, чтобы иметь и воспитывать детей. Это – охранительный культурный механизм. В глубине души у преступника сохраняется чувство греховности, и он не имеет права на ребенка, он оберегает своего ребенка от собственного примера.

Вследствие этого в России сильно сократилось и продолжает сокращаться число мужчин, готовых иметь семью и детей. Ежегодно к уголовной ответственности привлекается 1 млн. мужчин в возрасте старше 18 лет, совершивших преступления. Из них к лишению свободы приговаривается примерно 350 тысяч. Примерно столько же выходит ежегодно из мест заключения. Число мужчин в возрасте 18-60 лет в России 44 млн. В этом возрасте, когда и вступают в брак и становятся отцами мужчины, они пребывают 22 года. За этот срок около 8 млн. из них выходят из тюрьмы. Почти 20% мужчин травмированы совершенным преступлением и пребыванием в местах заключения.

[1] Оптимистическим был и прогноз ООН для СССР. В докладе «World Population Prospects. 1988» (N.Y., 1989, p. 555) продолжительность жизни в 2005-2009 гг. должна была составлять у нас 70,4 года для мужчин и 78,2 года для женщин.

9.01.2010. По теме угроз: случай гипостазирования

Разберем подробнее важный случай соединения аутистического мышления со склонностью к гипостазированию. Он стал причиной сбоя в рациональности, который перерастает в угрозу для государственности России. Это явление возникло в ходе большой кампании

перестройки, ставящей целью представить советское государство как преступное. Эта кампания опиралась на всегда присутствующее в общественном сознании опасение, что монополия государства на легитимное насилие может быть использована какой-то частью «силовых структур» или их отдельных представителей в преступных целях – с нанесением вреда обществу, населению и государству в целом.

Этот риск всегда существует, государство всегда принимает меры, чтобы свести его к минимуму, меры эти всегда кажутся недостаточными. Преувеличение этого риска и нагнетание страха перед «преступным насилием власти» - одно из важнейших средств подрыва легитимности государства. Но эта кампания велась во время перестройки с такой интенсивностью, что повредила важные структуры рационального мышления и государственных служащих, и высшего эшелона управления, и значительной части общества. Это дает себя знать и сегодня.

В конце ноября 2009 г. Министр внутренних дел Р. Нургалиев сделал очень важное (хотя, видимо, неудачное по форме) заявление. СМИ передали его так: «Глава МВД напомнил россиянам о праве дать отпор милиционеру. Министр внутренних дел Рашид Нургалиев напомнил, что любой гражданин России, который не является преступником и который ничего не нарушил, может дать сдачи милиционеру, напавшему на него без причины, сообщает «Интерфакс». Об этом он заявил на встрече с курсантами Московского университета МВД РФ, которая прошла на базе ОМОН в Подмосковье.

По словам Нургалиева, такие действия будут расцениваться как самооборона. «Мы все равны, а гражданин равен вдвойне», - отметил министр. Нургалиев также подчеркнул, что если милиционер напал на законопослушного гражданина, то он сам является преступником в форме. По словам министра, такого человека «надо изолировать и посадить» [38][1].

На это заявление был немедленно (4 декабря) получен ответ гражданского общества: «Житель Перми нанес черепно-мозговые травмы двум сотрудникам милиции, выкрикивая, что глава МВД РФ Рашид Нургалиев «разрешил бить милиционеров». Пресса уточнила: «Сначала нетрезвый 24-летний пермяк избил своего брата. Потерпевший вызвал домой наряд милиции. Когда милиционеры прибыли в квартиру, дебошир набросился на них, оправдывая свое поведение словами Нургалиева. После этого сотрудникам правоохранительных органов потребовалась госпитализация. Против пермяка возбуждено дело по статьям УК 318 («Применение насилия в отношении представителя власти») и 319 («Оскорбление представителя власти»). Ему грозит до пяти лет лишения свободы» [40].

Весь этот инцидент был представлен как курьез, и дело было замято. Между тем, оно дает нам ценный учебный материал. Он ни в коей мере не бросает тень на профессиональную деятельность Р. Нургалиева как министра, речь идет о явлениях в сфере общественного сознания.

Вспомним, как создавалось в «новом мышлении» понятие о преступных действиях власти и как оно гипостазировалось, обретая облик самостоятельной и почти осязаемой сущности.

Важным срезом перестройки был подрыв авторитета и самосознания армии и правоохранительных органов СССР как систем, обеспечивающих безопасность государства и общественного строя. Были спровоцированы (с участием преступного мира и западных спецслужб) очаги насилия под этническими лозунгами. Одновременно «демократические силы» срывали выполнение государством своей обязанности пресекать и предотвращать такие конфликты – поднялся вопль: «Нельзя применять силу против своего народа!»

А.А. Собчак писал: «За десятилетия сталинизма глубоко укоренились в нашем общественном сознании антигуманные представления о безусловном приоритете ложно понимаемых государственных интересов над общечеловеческими ценностями... Необходим

общий законодательный запрет на использование армии для разрешения внутривнутриполитических, этнических и территориальных конфликтов и столкновений» [39].

Во время вспышек насилия в Ферганской долине, Сумгаите, Нагорном Карабахе армия и правоохранительные органы сначала делали попытки пресечь действия провокаторов и преступников – и тут же из Москвы поступала команда отступить. Насилие вспыхивало с удвоенной силой, государство, не выполнив своей обязанности подавить очаг насилия, теряло авторитет, а в Москве проводились демонстрации против «преступных действий военщины».

Одной из крупных провокаций против государства и армии стали события в Тбилиси 9 апреля 1989 г., их расследование депутатской комиссией под председательством А.А. Собчака и обсуждение его доклада на I Съезде народных депутатов. Этой теме посвящена большая документальная и аналитическая литература, здесь мы выделим лишь один вопрос. В ходе этой операции и была создана концепция преступных приказов и преступных действий военнослужащих, которые выполняют эти приказы. К созданию этой концепции были привлечены очень большие политические силы, действия которых в нормальной ситуации следовало бы считать противозаконными. Например, СМИ широко транслировали «доклад Собчака», но не было опубликовано заключение Главной военной прокуратуры, которая проводила расследование тех событий [2].

После событий в Тбилиси началось интенсивное внушение приоритета демократических идеалов перед воинской дисциплиной, велась идеологическая кампания, внедряющая мысль, что солдат не должен выполнять приказы, идущие вразрез с «общечеловеческими ценностями». Использовалась технология разрушения армии, испытанная еще в феврале 1917 г. и тогда приведшая страну к гражданской войне.

Эта кампания достигла максимума во время событий августа 1991 г. в Москве. Тогда в Москве было объявлено чрезвычайное положение и был учрежден временный орган, взявший на себя полноту власти – ГКЧП. В город были введены армейские части, но на третий день выведены, а члены ГКЧП арестованы. Судя по всему, речь идет о крупномасштабной провокации, результатом которой стала ликвидация СССР и передача власти в России группе Ельцина. Она и начала «шоковую терапию» - демонтаж общественного строя и хозяйственной системы.

Здесь для нас важна одна сторона дела – подрыв монополии государства на насилие. Всякое насилие человека в форме государственных силовых структур было объявлено преступным и, как следствие, началась криминализация насилия, стирание грани между насилием легитимным и преступным.

В ночь на 21 августа произошел символический эпизод. В транспортном туннеле на пересечении Калининского проспекта (ныне улица Новый Арбат) и Садового кольца (улица Чайковского) погибли три молодых москвича: Дмитрий Комарь, Владимир Усов и Илья Кричевский.

По Садовому кольцу двигался военный патруль в составе роты на боевых машинах пехоты (БМП), который, кстати, направлялся именно для охраны «Белого дома». На въезде в туннель колонну БМП ждала преграда - поперек дороги были выставлены пустые троллейбусы. Бронетехника обошла их справа, но при выезде из туннеля баррикада из троллейбусов полностью преграждала путь. Прочно была заблокирована теперь и дорога назад. На БМП стали бросать бутылки с зажигательной смесью. Несколько человек прыгнули на БМП, чтобы закрыть брезентом смотровые щели. Все это и привело к трагедии. Двое москвичей были задавлены, один погиб от рикошетной пули, когда экипаж стал стрелять в воздух.

В заключении следственной группы прокуратуры как Москвы, так и Российской Федерации, которая расследовала происшествие, говорилось: «Когда колонна БМП, вышедшая на

патрулирование, встретила на своем пути баррикады и подверглась нападению гражданских лиц, это расценивалось военнослужащими как попытка захвата боевой техники, оружия и боеприпасов. Когда же были подожжены блокированные в туннеле боевые машины с находившимися в них боекомплектами снарядов и патронов, а жизнь военнослужащих подверглась непосредственной опасности, применение ими оружия являлось способом защиты, соответствующим характеру и степени опасности нападения».

Таким образом, было совершено нападение на военнослужащих Советской Армии, находящихся при исполнении служебных обязанностей и действовавших в соответствии с законами СССР. Согласно следствию, не было состава преступления и в действиях других военнослужащих, причастных к инциденту: командира Таманской дивизии генерал-майора В. Марченкова, командира полка полковника А. Налетова, командира батальона капитана С. Суровикина. Такова юридическая сторона дела. Однако преступниками были представлены именно военнослужащие, а совершившие на них нападение лица объявлены героями. И М.С. Горбачев издал Указ о присвоении трем погибшим москвичам звания Героя Советского Союза!

Идея «не подчиняться преступным приказам» и «оказывать сопротивление преступной власти» стала общепринятой догмой, и государство рухнуло. Именно здесь – истоки странного заявления Р. Нургалиева. Созданный целенаправленно двадцать лет назад провал в рациональном мышлении общества и офицерства оказался незакрытым.

Этот угрожающий провал не закрыт, прежде всего, из-за политической трусости. Чтобы его засыпать, надо честно пересмотреть всю эту операцию перестройки, включая абсурдные награды тем, кто погиб, поджигая армейские БМП перед телекамерами иностранных агентств. Это надо было сделать, пусть даже устроив пышные перезахоронения этих «героев демократии», пусть даже рядом с убиенным царём. Это было бы по другой части, не подрывающей государственность. Да, это мученики Августовской революции, положившие свои жизни на ее алтарь – но как можно присваивать им высшую награду государства, которое они уничтожали!

Аналогичным событием, положившим начало Февральской революции, был такой эпизод. 27 февраля 1917 г. учебная команда лейб-гвардии Волынского полка отказалась выйти для пресечения “беспорядков”. Начальника команды, штабс-капитана, солдаты выгнали из казармы, а фельдфебель Кирпичников выстрелом в спину убил уходящего офицера. Этому было придано символическое значение — командующий Петроградским военным округом генерал-лейтенант Л.Г. Корнилов лично наградил Кирпичникова Георгиевским крестом — наградой, которой удостоивали только за личное геройство [37]. Это награждение нанесло тяжелый удар по армии.

Вернемся в 90-е годы. В результате постоянных повторений в понятие «преступные приказы» все так привыкли, что стали воспринимать как целостную и почти очевидную сущность. Сказал эти магические слова, и ситуация сразу становится ясной, нет необходимости ее исследовать, выявлять разные связи и отношения, из которых она соткана, встраивать ее в контекст.

Р. Нургалиев призвал к самообороне гражданина против «человека в милицейской форме» в таких случаях: «Если этот гражданин не преступник, которого задерживают. Если человек идет и ничего не нарушает». Он исходит из того что в такой ситуации преступность действий милиционера (неважно, по своей инициативе или выполняя преступный приказ) выявляется как очевидная сущность. Это – редкостный случай гипостазирования с риском тяжелых последствий. Сложнейшая проблема обязанности государства применять насилие, не допуская утраты монополии на это право и в то же время минимизируя злонамеренное использование этой монополии представлено в карикатурном виде – путем предложения просто эту монополию отменить. Если ты считаешь, что милиционер приближа-

ется к тебе с преступными намерениями, бей его первым! Если ты считаешь, что экипаж БМП выполняет преступный приказ – подожги эту БМП!

Эта проблема встала с появлением современной армии и полиции и современного права. В России уже Петр I ввел положение, что исполнению подлежит лишь приказ «пристойный и полезный государству». Дисциплинарный устав Красной Армии 1919 г. предписывал подчиненному не исполнять явно преступный приказ и немедленно докладывать об этом по команде. Этому же требовало Положение о службе в Рабоче-Крестьянской милиции 1925 года.

Этот принцип принят и в законодательстве западных стран. И везде он является декларативным. Потому что наряду с ним в уставах и в законах утверждается обязательность приказа для подчиненного. Так, в России обязательность приказа для военнослужащих определяется федеральными законами «О воинской обязанности и военной службе», «О статусе военнослужащих», Закон РФ «О милиции». Таким образом, здесь возникает известная в философии проблема несоизмеримости ценностей. Она не имеет простых решений (в частности, такого, которое предложил Р. Нурғалиев).

Разработка этой проблемы была подстегнута работой Международного военного трибунала в Нюрнберге. Там было принято, что в случае выполнения преступного приказа наказанию подлежит и начальник, отдавший приказ, и его исполнитель. Позже были введены два уточнения. 1) Приказ является законным, если он отдан лицу, обязанному его выполнить, в рамках компетенции, с соблюдением надлежащей формы. 2) Приказ является законным, если он не противоречит действующим нормативным актам и носит обязательный характер (то есть, в случае его невыполнения подчиненный несет ответственность - дисциплинарную, административную или уголовную).

Понятно, что проблема этим не решается - даже когда приказ отдан компетентным лицом с соблюдением формы, его исполнение не исключает ответственности, если очевиден его преступный характер. Закон гласит: «Лицо, которое совершает правонарушение, выполняя официальный приказ, отданный компетентными властями, не подлежит уголовной ответственности, ... если только подчиненный добросовестно не предполагал законность этого приказа, и он выполнил его».

Но оценка законности отданного приказа — сложный процесс, он зависит от возможности получить и обдумать необходимую для оценки информацию, от юридической подготовки исполнителя, его способности правильно истолковать приказ в свете действующих законов. Поэтому в законодательстве большинства стран принято ключевое требование, что незаконность приказа должна быть явной. При этом незаконность приказа должны осознавать оба – и начальник, и исполнитель. Это и есть признак заведомости.

В реальной практике наличие всех условий заведомости – вещь редкая. Поэтому разъяснения этой статьи законов очень скудны, и руководствоваться ими бесполезно. Говорится, что «преступным является, например, приказ о казни мирных жителей». Но даже и в этих примерах очевидность не является абсолютной – различие между мирным жителем и боевиком во многих типах вооруженных конфликтов проблематично.

Таким образом, ни законы, ни уставы не могут дать формального ответа на вопрос, что является приоритетом – приказ или необходимость соблюдать закон. Преступность или законность действия «человека в форме» не являются сущностями, которые участники коллизии видят одинаково, как нечто данное объективно. Это каждый раз есть явление, «сотканное» множеством условий и отношений. Как правило, достаточно подробный и тем более юридический анализ ситуаций проводится фактически по завершении событий, а в момент получения и исполнения приказа такой возможности нет.

Даже новый строевой устав вооруженных сил РФ, введенный в действие 1 июня 2006 г., оставляет нерешенным вопрос об ответственности за исполнение преступных приказов.

Один из разработчиков устава генерал-майор Александр Моисеенко сделал такое заявление: «Приоритет отдается приказам, и ответственность за преступные приказы должен нести только командир. Подчиненный обязан исполнить приказ, а если он считает его незаконным, то имеет право после его выполнения обжаловать действия командира в суде» [41].

Это - единственно возможный способ разрешения несоизмеримости ценностей и противоречия между необходимостью выполнять приказы и невозможностью, в большинстве случаев, моментально оценить его законность. Эта оценка переносится в более адекватные для нее условия. Тем самым снижается социальная цена ошибки, которую вполне может совершить представитель власти, по сравнению с ошибкой индивида.

Для нашей проблемы типичной коллизией может быть нападение сотрудника милиции на гражданина, более или менее грубое. Оно может быть немотивированным («преступным»), а может иметь целью задержание подозреваемого в совершении преступления. Строго говоря, совершая задержание, в том числе с применением насилия, сотрудник милиции всегда исходит из презумпции невиновности. Высокая вероятность ошибки заложена в «программу» действий этой части правоохранительной системы. Задержали по ошибке – и выпустили.

Если ошибся и допустил грубость сотрудник милиции, на него может быть наложено дисциплинарное взыскание, а в случае превышения полномочий – и возбуждено уголовное дело. Если же индивид, ссылаясь на совет министра, «окажет сопротивление» и уйдет от разбирательства, то на свободе, возможно, останется именно преступник.

Следовательно, в момент конфликта между представителем власти и гражданином право оценки законности действий абсолютно и однозначно отдается именно представителю власти. Законопослушный гражданин обязан подчиниться и не сопротивляться – это и есть монополия государства на насилие[3].

В этом пункте Р. Нургалиев совершил фундаментальную ошибку, которая является результатом многолетнего гипостазирования концепции преступной власти и преступных приказов. Ошибочная установка широко распространена в сознании населения, военнослужащих и, как видим, даже в высшем эшелоне власти. Это создает риск тяжелых конфликтов, снижает дееспособность вооруженных сил и укрепляет мотивацию к девиантному поведению. Это – угроза для России.

Склонность к гипостазированию несколько не изжита. Нас эта опасность подстерегает постоянно. Используя понятие, обозначающее явление, мы часто забываем, что понятие – инструмент, отсекающий от реального содержания явления множество черт. Неявное знание и здравый смысл позволяют быстро «разворачивать» в уме это содержание, но очень часто этого не делают – впадают в гипостазирование.

[1] Подчеркнем, что свое заявление министр сделал явно под давлением «общественного мнения». В сообщении прессы уточняется: «Неправомерные действия сотрудников милиции в последнее время вызывают все больше критики как со стороны депутатов Госдумы и правозащитников, так и со стороны обычных граждан. В среду, 25 ноября, член генсовета партии «Единая Россия» Андрей Макаров даже предложил ликвидировать МВД, так как реформировать или модернизировать эту структуру, по его мнению, невозможно» [38].

[2] Так, «комиссия Собчака» сделала ложные выводы о том, что причиной смерти погибших при разгоне митинга людей были ранения, нанесенные саперными лопатками и воздействие отравляющих веществ. Следствие опровергло эти выводы на основании экспертизы внутренних органов и одежды погибших. В проведении экспертизы участвовали

эксперты ООН. Не было и ранений саперными лопатками. 18 человек погибли в давке, один «погиб от сильного удара о плоский предмет. Этот боевик-каратист намеревался в прыжке обеими ногами пробить цепь солдат. Но цепь расступилась и нападавший упал, получив смертельное ранение головы» [42]. Доклад следствия не был доведен до сведения общественности, до сих пор источником массовой информации остается «доклад Собчака».

[3] Мы не рассматриваем ситуации, в которой граждане ведут борьбу с властью, которую считают несправедливой.

10.01.2010. Комментарий к сюжету

По поводу сюжета с Нургалиевым высказаны два противоположных мнения. Стоит довести позиции до логической полноты. Вот эти мнения:

1. Лично мне заявление Нургалиева странным или случайным не кажется. Наоборот заявления и действия действующей на сегодня власти до ужаса похожи на "перестройку"... И действия власти по подрыву легитимности существующего государства вообще (которой в сущности то и нет) и легитимности на применение насилия в таком контексте совсем не кажутся странными. Ведь что же происходит? Государство, в лице высших государственных руководителей, в сущности, ведёт атаку на государство же... Возможной целью очередной "перестройки" может являться трансформация государства в новую форму, переходу к новому типу отношений с населением и т.д.

2. Если слова Нургалиева понимать как подтверждение права граждан защищаться против немотивированной или явно противозаконной агрессии сотрудников милиции, не связанной с осуществлением ими правоохранительной функции, то он совершенно прав. Его слова вполне соотносятся как с буквой и духом закона, так и со здравым смыслом.

Есть еще мнение не по главному вопросу, не о чистых моделях, а по дефектам исполнения

Задержали по ошибке – и выпустили.

Ага, щаз. Как там было у Солженицына - это что же, сотрудники зря старались, задерживая?...

С учётом того, что капитализм мы построили по советским книжкам, репрессии у нас явно будут по Солженицыну. Впрочем, нынешний процент оправдательных приговоров можете сами посмотреть в сети.

Мы о дефектах пока не будем говорить. Они есть еще, кое-где, порой...

По мнению 1 я думаю так.

Сам Нургалиев так глубоко не копал. Есть правило: «не искать злого умысла там, где дело можно объяснить глупостью», глупость здесь в хорошем смысле слова, как антипод сознательной провокации. Но это – субъективная сторона дела. А объективно, во власти, похожа, есть установка поддерживать потенциал для любого маневра в случае дестабилизации положения. Есть радикальные варианты, испытанные в Латинской Америке (да и в США в некоторые периоды). Самый радикальный – отказ от монополии на легитимное насилие. Спровоцировал людей на самосуд – и, симметрично, допускаешь «самоорганизацию» неформальных паравоенных образований. Ну что ты будешь с ними делать! Живое творчество масс! Это – стабилизация лет на десять. Этот ресурс использовал ельцинизм.

Строго говоря, СССР ликвидировали именно так. Попытки государства подавить насилие неформалов объявили преступными. Власть отказалась от монополии на насилие – и сразу рухнула. Кульминация – звание Героев Советского Союза погибшим в туннеле. Никто этого звания отменять не собирается, экипажи БМП, которые подожгли в туннеле, де факто трактуются как преступные, хотя юридически они действовали законно. Кто же их приговорил? «Суд народа».

Если эта идея «овладевает массами», то государство из коррумпированного становится преступным, и у него развязаны руки. Несколько лет можно использовать террор при наличии всех атрибутов демократии. А потом можно ввести внешнее управление, которому население будет рукоплескать. Так было и в Чили и в еще более чистом виде в Аргентине. Бразилия выскользнула, т.к. большая страна, у военных пробудилось национальное чувство и они договорились с левыми.

Идея права на сопротивление власти – основа «оранжевых революций».

В этом деле большую работу провел Говорухин своими фильмами, которая раскручивала сама власть.

По мнению 2. Оно не жесткое, а эмоциональное. Вот основополагающее для этого суждения понятие:

«право граждан защищаться против немотивированной или явно противозаконной агрессии сотрудников милиции, не связанной с осуществлением ими правоохранительной функции».

Что это за право? Его только предлагается ввести явочным порядком, об этом и речь. В действующем праве, согласно определению государства, закон вводит запрет на «оказание сопротивления власти». То есть, индивид, по закону (да и по здравому смыслу) не наделен полномочиями судить, является ли «агрессия сотрудников милиции» противозаконной или нет.

Тем более индивид не может судить, являются ли действия власти (милиционера) немотивированными. Индивид может только предполагать или подозревать. Для максимально обоснованной квалификации действий милиционера требуется служебное расследование или следствие и суд.

Ничего «явного» в таких случаях нет, мотивация действий всех участников (если нет сознательного злого умысла) определяется восприятием. Оно реально обманчиво, аргументом не является, и закон, запрещающий индивиду действовать под влиянием своего возбужденного восприятия, - большой прогресс. Причем прогресс в интересах индивида. Потому что его ресурсы в конфликте с вооруженным представителем власти ничтожны. Я уж не говорю о ресурсах насилия. Но даже и ресурсы последующего разбирательства неравны.

Противозаконность действия милиции предположительны, противозаконность «оказания сопротивления власти» - очевидный факт.

Объективно, слова Нугралиева – провокация. Субъективно, я в такие его сложные планы не верю. И тут полезно вспомнить, почему эсеры повесили Гапона. До сих пор неизвестно, кто спланировал провокацию Кровавого воскресенья. Она привела к «выкидышу» революции 1905 г., но и погубила монархию. И правительство, и армия, и рабочие организации оказались не готовы к таким политтехнологиям, их всех обвели вокруг пальца. Но авторы этого замысла точно рассчитали. Подание петиций царю были запрещены законом. Гапон уговорил идти с петицией, ибо это «по совести и по здравому смыслу». На деле – ни то, и ни другое. Петиционное право не по глупости отменили, а потому, что при нарастании кризиса монархия с ним явно не справилась бы. И это право отменили даже для дворян.

Что в нынешней РФ означало бы «получить у государства чуточку права на насилие»? Полное бесправие населения. Закон «умоет руки». Мне странно, что этого не видят.

К этим соображениям приложу старый текст о том же. Извините, кто его уже читал.

10.01.2010. Про фильм С.Говорухина «Ворошиловский стрелок»

Прекрасным примером эффективной эксплуатации и канализирования стереотипов в манипуляции сознанием служит фильм С.Говорухина «Ворошиловский стрелок» (1999 г.). Общество приняло его благосклонно, тем более что любимый народом артист М.Ульянов «вернулся к своим» и играет в нем роль ветерана, мстящего «новым русским».

Режиссер создает образы, сильно действующие на чувства. Это разрушает психологическую защиту против внедрения ложных идей. Главные идеи фильма неявны, они скрыты под эмоциями и действуют на зрителя через подсознание. Вместе они составляют определенную политическую и философскую концепцию.

Основной стереотип, который возбуждает фильм - чувство мести, которое удовлетворяется героем-одиночкой. Это стереотип, лежащий в основе почти половины голливудских фильмов, и сам по себе предельно идеологизирован, но в случае актуального российского фильма важно еще, куда канализирует автор этот стереотип, из кого он создает образ врага. Сегодня, когда на честного человека в России обрушилось столько зла и горя, возмездие становится у нас важной проблемой бытия. Зло должно быть наказано, иначе души жертв не успокоятся! Но кем и как? Что можно и чего нельзя? Когда возмездие, воплощенное через месть, становится преступным? Эти вопросы мучают людей, и они жадно хватают любой ответ. Потому и фильм С.Говорухина нашел такой отклик в душе.

Сам фильм - типичное социальное клише, заметного художественного значения он не имеет. Характеры его представляют собой штампы, служащие лишь иллюстрацией к «идее». Образ реальности абстрактен, он вполне мог бы быть привязан к иной действительности - скажем, советской. Только вместо ларечника, который изнасиловал девушку, надо было бы ввести сына директора овощной базы. А в остальном все «общественные отношения» и их восприятие персонажами даны вне времени и пространства. И раньше сынки номенклатуры, бывало, насиловали девочек, а папаши сынков покрывали. В общем, «так жить нельзя».

Давление «идеи» видно и в том, что поступки героев психологически не мотивированы и не адекватны реальности. Вот завязка: девушка, выросшая в обстановке «великой криминальной революции», когда опасность стать жертвой преступления даже преувеличена в массовом сознании, вдруг доверчиво идет в квартиру к подвыпившим молодым людям и сама начинает выпивать с тремя отнюдь не симпатичными подонками, а они ее насилуют. Причем приглашают ее без обмана - им требуется «женское присутствие». Весь двор знает, что по средам в этой квартире устраивают оргии, а она этого не знала?

Столь же необъяснимо поведение трех молодых преступников после группового изнасилования. Они не были пьяны или интеллектуально недоразвиты, но после совершения особо тяжкого преступления (в собственном доме!) не делают ни малейших усилий, чтобы скрыть его следы и хотя бы разойтись. Бывает такое дерзкое поведение, когда преступление совершается в обстановке полной безнаказанности, в подавленной социальной среде. Но здесь - совсем другая обстановка. И двор, и даже милиция в целом враждебны этой троице, и никаких оснований чувствовать себя в безопасности у них не было - так это выглядело в фильме. Более того, после откровенной встречи с возможным мстителем и даже после первого акта мести преступники нисколько не меняют своего поведения. Так тупы «новые русские»?

В фильме нет социального мотива - режиссер его устраняет. Пенсионер не может отомстить «новым хозяевам жизни» уже потому, что не имеет таких денег на винтовку. Герой С.Говорухина за полчаса добывает у банкира Вани 5 тыс. долларов, он - не чужой в этом новом мире. Дочь его возит товары из Турции, а насильник сидит в ларьке, они одного поля ягоды. Да и милиция на его стороне. Не случись такой незадачи, что отец одного из насильников - милицейская шишка, не пришлось бы герою и сидеть в засаде с винтовкой.

Зритель на волне эмоций сам возвышает штамп до столкновения «честный труженик - против преступного капитала». На кого же канализирует чувство мести режиссер?

В качестве «носителей зла» - социальных фигур, на которых концентрируется внимание зрителя, - выбираются те, которые уводят внимание от реальных социальных виновников нашей социальной катастрофы. Более того, общественные типы, играющие активную роль в разрушении стабильного жизнеустройства, представлены в фильме с явной симпатией, в положительном свете (это банкир Ваня и бандиты, торговцы оружием). Носителями зла стал ларечник с рынка и представители «номенклатуры» (полковник милиции, следователь и прокурор).

Представление носителями зла близких, осязаемых социальных или этнических фигур (обычно в связи с убийством или изнасилованием) - испытанный способ возбудить простые, черно-белые чувства и канализировать общественную ярость в сторону фундаментализма. Тем самым внимание уводится от действительных общественных противоречий. Появление талантливых идеологов, занятых такой работой, всегда - большая удача манипуляторов. Трудно говорить с людьми, которые очарованы эмоционально сильным художественным образом.

Конечно, среди ларечников попадают типы, способные изнасиловать девушку. Но выбор социального образа преступников сделан С.Говорухиным не случайно, тут есть «идея». Верна ли она? Думаю, что нет, не ларечники и студенты - растущая угроза безопасности для простых граждан, их дочерей и внуков. Торговля - временная социальная ниша для сравнительно благополучных людей. Эти люди в основном держатся за свое положение и не имеют сильных мотивов, чтобы вступать в конфликт с обществом и законом. В действительности главный источник угрозы сегодня - деклассирование молодежи, появление целых возрастных когорт подростков, выброшенных из жизни, не имеющих легальных доходов и возможности поддерживать социально приемлемые отношения полов. Опасность для девушек России - появление у нас «цивилизации трущоб» с большими массами озлобленных на весь мир, обедневших и неуравновешенных юношей. Тех, кто был лавочником, рабочим или студентом, а теперь он - никто. Для общества все более опасны его собственные жертвы, которые вызывают у зрителя ненависть и сострадание одновременно.

Второй «коллективный враг народа» в фильме - «коррупцированная номенклатура». Она изображена так абстрактно, что даже непонятно, почему она становится на сторону насильников. Примешаны родительские чувства полковника милиции, но это ведь исключительное совпадение, а без него поведение руководства всей правоохранительной системы просто необъяснимо. Они все - на содержании у лавочника? Они испытывают к нему классовую солидарность? Они все - порочны? Видимо, всего понемногу, ибо образ «номенклатуры» в фильме монолитен и отрицателен. Здесь нет просвета, потому-то герой фильма покупает у бандитов винтовку и начинает мстить сам.

Коррупцированной верхушке правоохранительной системы противопоставлены ее честные «низы». Это - столь же примитивный способ направить ярость граждан в русло фундаментализма с формулой «честный человек против номенклатуры». Что говорить, это - одна из самых разработанных и эффективных методик манипуляции сознанием, она стала основой бесчисленного множества голливудских фильмов и прекрасно послужила при избрании Ельцина президентом. С.Говорухин настолько упростил эту формулу, что ни одну фигуру из номенклатуры не сделал союзником «честных низов», довел свою концепцию до тоталитарной манихейской чистоты. Зачем усложнять!

Фильм предлагает модель криминализации нынешнего общества. Она недостоверна, и линия фронта проходит совсем не так и не там. Положение более страшно. Вот обычная ситуация: в поселке или микрорайоне живет неоднократно судимый «авторитет», координирующий рэкет в своей зоне влияния. У него на окладе - участковый уполномоченный, а

может, и кто-то в отделении милиции. Взаимный уговор - в своем районе не шалить. Но если кто-то из подконтрольных бандитов, собирающих налог с лавочников, по пьянке изнасилуется беззащитную девушку, то именно добрый лейтенант постарается уговорить ее родственников не лезть на рожон. А полковник милиции, следователь и прокурор, возможно, будут уговаривать их подать заявление: «Без этого мы не сможем посадить бандитов в тюрьму». Это не значит, что участковый подонок, а «номенклатура» неподкупна - просто у нее совсем другой срез коррупции, она в доле не с лавочниками, а с банкирами.

Беззащитность простого человека в реальной жизни намного полнее и безысходнее, нежели представляет фильм. Именно «низовой» защитный пояс бандитов блокирует попытки простого человека найти правду и уж тем более попытки отомстить преступникам на свой страх и риск. И это делается проще и эффективнее, нежели делает коррумпированный полковник в фильме С.Говорухина.

Наконец, третья и, возможно, самая важная часть концепции С.Говорухина - отрицание идеи права, разновидность стереотипа антигосударственности. Этот антиправовой стереотип всегда дремлет в массовом сознании, и режиссер его оживляет и на нем играет. Идея права представлена в фильме почти как несовместимая с совестью и достоинством. Все положительные герои фильма желают возмездия преступникам, но с первых же шагов отвергают право. Капитан милиции, ненавидящий «новых русских», сразу же вышибает из них признания с помощью «физического воздействия» и угроз. Угрозы его действительны - в его распоряжении уголовники, в камеру к которым он может бросить подозреваемого (с соответствующей сопроводительной информацией), а может и не бросить. И режиссер, и зритель - безусловно на стороне этого капитана, на стороне справедливости. На стороне справедливости, отрицающей право. Но разве толпа, линчующая «насильника-негра», не следует чувству справедливости? Ведь линчевание - это не ругательство, это воплощение в жизнь целой философской концепции Линча.

Девушка, жертва насилия, требуя возмездия, не желает пройти необходимого обследования. Да, это неприятно и унижительно - но как же без этого? Нельзя же требовать от правосудия, чтобы оно было изначально на стороне истца. Режиссер упрощает дело, представив следователя неприятным пошляком. Ну а если бы это был чуткий и симпатичный человек? Ведь он сказал бы те же самые слова, и они вовсе не выглядели бы абсурдными: «Девушка! Вы, прежде чем подавать заявление в милицию, смыли все следы преступления. Свидетелей нет. Почему я, а потом и суд, должны верить именно вам?». Что он еще мог сказать?

Да и прокурор, представленный как мерзкая личность, говорит герою вполне разумные слова: «Я советую вам лучше воспитывать детей и внуков». Ведь в следующем кадре мы видим дочь героя - продукт явно неправильного воспитания. А что воспитание внучки было неправильным, и она не была готова к жизни - разве это не очевидно? Но фильм сделан так, что разумные слова зритель воспринимает как оскорбляющие человеческое достоинство. Это - удар по сознанию художественными образами.

Правосудие изначально строится как состязание сторон, иначе оно превращается в произвол. Но герой фильма не желает состязаться, хотя у него есть доказательства. Хорошие люди сами состязаться не умеют? Найми адвоката, деньги есть. Но нет, герой на эти деньги покупает винтовку. Зритель - целиком на его стороне. Он идет за болотным огоньком Говорухина в страшную трясику.

Отрицание права под знаменем справедливости в фильме соблазнительно. С.Говорухин, убежденный враг советского строя, соблазняет зрителя именно отблеском этого строя - в совершенно ином государстве. Да, советское государство расправлялось с преступниками, во многом опираясь на идею справедливости. От этого страдали и невинные люди, но эту жертву народу приходилось нести - правовое государство западного типа было нам просто не по карману. При этом в целом советское государство гораздо лучше защищало че-

ловека от преступников, чем западное, и жертв произвола также у нас было меньше, чем на Западе. Потому, что наша справедливость тогда опиралась на особое (традиционное) право, подконтрольное совести. Но государство Ельцина - это не советское государство, здесь общая совесть официально отменена, и здесь отступить от принципов права значит просто отдать гражданина на произвол преступников (в том числе в милицейской форме).

К тому же советское государство создало несколько автономных друг от друга систем контроля над милицией. Лишь в особых случаях все эти системы (партийная, административная, общественная) могли сговориться и закрыть глаза на произвол. Ради такого рядового случая, какой представлен в фильме, подобной координации возникнуть не могло. В нынешнем государстве множественность и автономность систем контроля устранена. Слава богу, еще держится контроль культуры, общей морали, но уповать на него не приходится. В интересах простого человека - стоять на идее права и укреплять ее. Фильм С.Говорухина ее подрывает.

Вторая причина, по которой преобладание справедливости над правом в советское время было приемлемо, состояла в практическом отсутствии сильной организованной преступности. И участковый уполномоченный, и капитан из отделения милиции имели реальную возможность поступать по совести - они не были зажаты в рамки соглашения с местной бандой. Сегодня милиции приходится балансировать в очень сложных условиях, чтобы свести страдания населения к минимуму - в рамках возможного. Наложение жестких норм права было бы для честной милиции огромной поддержкой. Сегодня отказ от правового государства и от демократии, призыв к «благотворной диктатуре» и правосудию «по совести» - на руку преступности и ее самым высоким покровителям.

10.01.2010. «Ворошиловский стрелок» -2

Фильм и его критика вызвали читательскую дискуссию в прессе, по нынешним меркам оживленную. Был высказан ряд важных навеянных фильмом мыслей. Вот главные для темы данной книги.

Мысль первая. Она в том, что образ врага Говорухин очертил верно. В фильме нормальному человеку противостоят «новые русские». Но это - не социальная группа, это даже не люди (это «нелюди», инопланетяне). Вот что пишет в газету читатель К.: «Фильм - о том, что если мы не будем защищаться, то они нас съедят. Не потому, что плохие, а потому, что - волки, нелюди, антисистема. И герой Ульянова это вовремя понял и действовал адекватно ситуации».

Ясно, что дело серьезнее, чем следует просто из благосклонного восприятия фильма. Мы, похоже, в массе своей оторвались от понятий марксизма и не освоили никакого другого стройного учения. Проскочив рациональные общественные понятия, радикально настроенные люди действительно ринулись в фундаментализм, составив себе идею, будто на нас напала некая раса «нелюдей», рать дьявола. Тот же К. пишет: «Боюсь, что у нас сей вирус не впервые и без хирургии тут не обойтись. Или Вы думаете, что за последние 1000 лет дьявол сильно подобрел?». Это пишет человек неверующий, научного склада. Допустим, дьявол - метафора, но она уместна во всей конструкции К. Когда мы представляем наши общественные противоречия как борьбу с дьяволом (а мы, конечно, на стороне божественной силы) - это и называется фундаментализм.

Сам К. уверен, что речь идет именно о нелюдях, а не о социальной группе (иногда он говорит о них как об «этнотесе», но это можно заменить словом «раса»). Тип нелюдя, по мнению К., хорошо дан в фильме в образе Чуханова (владельца ларька), и К. делает сильное утверждение: «Совершенно неважно, насколько он богат. Он и на зарплате инженера таким останется». Это - усложнение формулы Говорухина, поскольку тот все-таки одел нелюдя в ненавистный социальный костюм. Если бы девушку изнасиловали ребята из депо, в котором работал ее дед (а такое бывает), то фильма бы не получилось - трудно было

бы показать пенсионера, стреляющего в работяг. Но К. не хочет упрощать - нелюди есть в разных классах, хотя, видимо, концентрируются все же среди богатых.

Действительно, аномальная жестокость и хамство «новых русских» делают соблазнительной концепцию, согласно которой они принадлежат не к общему человеческому роду, а к небольшому подвиду, который произошел от хищных человекообразных обезьян. Это - не люди, а звери в человеческом облике, и взывать к их морали бесполезно, ее у них просто нет, хотя они владеют языком и имеют рассудок. Такие идеи развивает в целой серии книг Б.Диденко («Цивилизация каннибалов», «Хищная власть» и др.). Чтение это еще более соблазнительное, чем фильм Говорухина, но это - не научная теория, а идеология. Даже новую теорию надо принимать с осторожностью, а эта идея прямо ведет к убийственным политическим выводам. Без хирургии не обойтись! А чтобы нелюдь тебя не съел, надо его опередить («они везде тебя достанут, пока ты сам вперед не достанешь их»).

Как же выявить нелюдей, тем более что кое-кто из них сидит на зарплате инженера и одеждой не выделяется? К. дает простой рецепт: «Решительность не есть легкость хватания за обрез. Решительность есть следствие ясного осознания реальности и правды». Чего ж тут не понять. Ясно осознал правду - и жми на спусковой крючок. Раньше это называлось «классовое чутье», но в нем было все-таки больше смысла - классы хоть чем-то осязаемым отличаются. Буржуи носят цилиндр, а рабочие кепку, «правда» же есть вещь более скользкая.

Уверенность в том, что «ясно осознать правду» - плевое дело, тоже есть признак фундаментализма. Гамлет, казалось бы, имел надежные доводы против своего дяди-убийцы, и то ставил опыт за опытом, вплоть до того, что свою жизнь положил как приманку - только бы получить абсолютно надежное доказательство, чтобы свершить суд. А герою Говорухина было достаточно одного кивка головы ошарашенной изнасилованной девушки.

Сам выбор изнасилования как основы драмы имеет в фильме Говорухина символический характер. Вот, мол, как эти нелюди нас... Связь этого символа с социальным образом «новых русских» ложная. Появление этого класса вовсе не вызвало роста таких преступлений. Наоборот, в 1990 г. в России было 15 тысяч изнасилований или покушений на изнасилование, в 1997 г. 9,3, а в 1998 г. 9 тысяч. Кстати, в 1998 г. за это было осуждено (и приговор вступил в силу) 7,2 тысячи насильников. Право действует, хотя и хуже, чем раньше. Но не в этом же дело, речь идет именно о символе.

Мысль вторая. Поскольку речь идет не о людях, то и право тут вообще не при чем. К. пишет о хищности «новых русских»: «С этим невозможно бороться правовыми средствами. И никакая милиция здесь не поможет - не ее это дело даже. Милиция способна охранять население от преступников, а не одну часть населения от другой». Так что Говорухин выглядит даже соглашателем - он идею права отвергает, а на самом деле ей тут вообще нет места. Речь идет об охоте на волков, о ликвидации оборотней, которые поселились среди людей.

Казалось бы, упоминание суда Линча оттолкнет людей от философии фильма. Оказывается, нет, суд Линча многие оправдывают, но считают, что для нас он мягок - слишком много в нем права. Тот же К. пишет в газете: «Суд Линча не расправа, а упрощенный порядок судопроизводства... Оно было быстро на жестокую кару, но было милосердным - потому что карало не многих (поскольку его боялись)... Конечно суд Линча, высшая мера рабоче-крестьянской гуманности или что-то подобное... А как Вы себе иначе представляете у нас сейчас правосудие?».

Еще десять лет назад трудно было представить себе, что в России будут ходить положительные мифы о линчевании. Ведь известно, что в конце XIX века год за годом число казненных в США по «суду Линча» примерно вдвое превышало число казненных по приговору законного суда. Главное в этом судопроизводстве было не то, что «карали не мно-

гих», а то, что карали обычно «не тех». И инициаторами, собирающими толпу, нередко были сами преступники.

Фильм Говорухина и такая реакция на него показывают, что в России в части общества складывается последовательная концепция борьбы на уничтожение, основанная на социальном расизме - представлении о противнике как не относящемся к человеческому роду. Удивляет, что она находится уже в весьма зрелом состоянии, и Говорухин, держа нос по ветру, точно ответил на запрос рынка. Дал эстетическое подкрепление идеологической концепции.

Отметая саму мысль, что с «нелюдями» можно бороться правовыми методами, существенная часть зрителей демонстрирует удивительно быструю архаизацию сознания. Заметно снизилась способность выстраивать альтернативные версии событий и ставить себя на место других. Люди, посмотрев фильм, чудесным образом, благодаря магии кино, оказались «свидетелями» преступления трех парней. Они видели все! И они возмущаются следователем, который требует доказательств. Представить себя на месте человека, который не видел преступления, они не в состоянии. Ведь если бы фильм рассказывал, как хитрая бабенка с целью шантажа обвиняет парня в том, что он ее изнасиловал, и того сажают в тюрьму (довольно обычное дело), то они бы, наверное, так же возмущались и бабенкой, и следователем.

Мысль третья. Она в том, что никакого правового государства в России нет, что у нас уже идет полномасштабная война, а «правовые» рассуждения лишь подрывают мораль бойцов. «Правовое государство в России было расстреляно из танковых пушек.., Россия погрузилась в воровской беспредел» и т.д. В этом видна утрата способности измерять явления. Легко используя метафору «беспредела», люди сами себя уверяют, что утрата права в России является абсолютной, а потому и нет никакого смысла сохранять и укреплять те остатки государственности, которые у нас еще сохранились. Мол, хуже уже не будет.

У этих людей просто воображения не хватает, чтобы представить себе что-то более страшное, чем жизнь в России. Отсюда и тоталитаризм их мышления. Но давайте привлечем здравый смысл. Как это «беспредел»? Да, государство подорвано, множество преступлений не раскрывается, но нелепо говорить, что хуже и быть не может. Тот же зритель пишет, что в Чечне бандиты отнимали дома, убивали среди бела дня, запросто похищали людей. Разве это не хуже? В 1999 г. в России совершено 1,8 млн. тяжких и особо тяжких преступлений. Установлено 1,5 млн. преступников (между прочим, среди них 945 тыс. безработных - не одни лишь богатые). За 9 тысяч изнасилований и покушений на изнасилование в тюрьму отправили 7,2 преступников.

Да, страшная картина. Но она может быть несравненно страшнее - как в той же Бразилии, не говоря уж о Колумбии. Слом нынешнего неустойчивого равновесия, отказ от укрепления нынешней пусть плохой, но еще живой правовой системы ударит по честным людям несравненно сильнее, чем по преступникам.

Фильм Говорухина - типичный голливудский фильм (и там главная тема примерно половины фильмов - месть). В нем достоинство подменяется правом сильного. Три подонка изнасиловали девушку, ибо считали, что они - сильнее. Ан нет! Дед оказался сильнее, он купил винтовку и расстрелял подонков. К. пишет о нелюдях, что герой Говорухина восстал, «и все их всеилие рухнуло в момент». Это голливудские стереотипы так приятно нам дело представили, в жизни кончается по-другому (да и в фильме, если продолжить сюжет, такой идиллией кончиться не может).

Говорухин для простоты убрал из картины одну фундаментальную вещь, которая всегда присутствует в таких драмах как общественных явлениях. Она в том, что при этой праведной мести почему-то всегда приходится погубить и кого-то невинного. Убивал Раскольников старуху-процентщицу - подвернулась под топор безобидная Лизавета. Бросали

народовольцы бомбу в царя - заодно взорвали мальчика из лавки. Когда латиноамериканские писатели описывают своих самоотверженных товарищей, которые ценой своей жизни уничтожают кровавого палача, то почему-то тут же гибнет то мальчишка-чистильщик, то старик-нищий. И в этом у них - главная трагедия. В фильме этим и не пахнет. А взял бы режиссер и для реализма поставил за машину, которую взорвал зажигательной пулей его герой, незамеченного им ребенка. Пусть бы показал, как бежит этот охваченный пламенем ребенок

В фильме сильная личность наказывает за изнасилование. Это - обычный прием таких фильмов, связанные с таким насилием эмоции безотказны. Судя по всему, этот старик, если бы у него вытащили кошелек, расстреливать вора не стал бы - он не сквалыга. А для другого кошелек дороже невинности внучки. Где граница разрешенного? В письмах зрители прямо предлагают Говорухину снять еще несколько подобных фильмов, даже дают резюме сценариев. Вот один из сценариев: «Суд присяжных в небольшом городе оправдывает группу безработных юношей, убивших и ограбивших владельца Мерседеса-600, т.к. у них не было выбора - либо голодная смерть, либо смерть того, кто лишил их возможности честно зарабатывать себе на пропитание». Так сказать, «Берегись автомобиля - 2000».

Главный результат идеологического воздействия таких фильмов - создание у наших терпящих социальное бедствие людей приятной иллюзии, будто у них всегда есть простой и безотказный выход - индивидуальный террор. Это - утешение сродни вере в награду на небесах. Это и есть аутизм - подмена реалистичного мышления грезами. Раньше угнетенные люди придумывали себе легенды о благородных разбойниках, которые накажут «владельцев Мерседеса-600».

К чему подталкивает идея индивидуальной мести (даже не террора, а всего лишь мести), которую вбросил в сознание фильм Говорухина, как идея общественная? Как идея, направляющая мысли зрителя в определенное русло? К тому, что усилия в организации людей для общего сопротивления не нужны и невозможны. В фильме нет даже и намек на то, чтобы помогать другому, хотя бы мстить за другого.

В конце XIX века появились в России интеллигенты с горящими сердцами, которые решили жить «по Говорухину» - судить и карать нелюдей. Возникла культура «справедливого» террора, ответ был симметричным, и пошло-поехало. Сегодня опять есть заказ - раскрутить старое колесо. Скажут, что таких людей еще немного. А зачем их надо много? Дом и от одной спички загорается.

11.01.2010. Отвечаю на несколько реплик текстом 2007 года /Уроки Октября и уроки поражения/

Уроки Октября и уроки поражения

В эти дни 90 лет назад произошла Октябрьская революция. Она прорвалась в ту брешь, что пробила Февральская революция. Русская революция повернула мировую историю и целый век во многом определяла ее ход - и в материальном, и в духовном смысле. Она породила целую цепь революций, которые слились в мировую революцию крестьянских стран - в Китае, Индонезии, Индии, Вьетнаме, Алжире, Мексике - по всему «незападному» миру. Зеркало русской революции - Лев Толстой, а не Маркс.

Такого масштаба революции - великие свершения народов и их культур. То, что многие в России сегодня отрешиваются от русской революции или стараются принизить ее значение - признак редкостной глупости. Да и вся антисоветская риторика последних двадцати лет - свидетельство глубокого интеллектуального регресса. Дело ведь не в том, нравятся

тебе или не нравятся такие катастрофы. Если они порождены твоим народом, их надо знать и понимать, а не пытаться от них спрятаться за черным мифом. Нам сегодня тем более надо хладнокровно изучить русскую революцию, потому что она продолжается. Чем лучше мы ее поймем, тем менее тяжелые удары получим от ее дубины.

Мы учили, что в Феврале в России произошла буржуазно-демократическая революция, которая свергла монархию. Это факт, который признают и «правые», и «левые», и «патриоты». Дальше – каждый дудит в свою дудку. Правые огорчаются: хитрые большевики вдруг устроили переворот и сорвали весь прогресс – ни тебе рынка, ни демократии, какую-то Азиопу устроили. Только сегодня удалось взять реванш и обобрать «совка». Патриоты огорчаются, что вдруг, как чёрт из табакерки, в Октябре выскочили евреи и установили свою безбожную власть. Только сегодня, наконец, удалось достойно, с хоругвями, перезахоронить великого русского патриота эсера Каппеля. Он, убегая от проклятых столыпинских переселенцев, в Сибири провалился в лужу и умер от простуды. Но теперь этим переселенцам показали кузькину мать. Вот ликвидируют, наконец-то, РАО ЕЭС, помянут они Матёру!

Все это – наивный детский реваншизм, несбыточные иллюзии. Эти наши «бывшие» - дешевое пушечное мясо нынешних акул глобализации. Их жалкий лепет этим акулам уже не нужен, и их ждет та же участь, что и восторженную интеллигенцию перестройки – отбросят, как грязную тряпку. За ними идут бульдозеры – транснациональные корпорации и их «недостойный двойник», глобальный преступный мир с его силовыми структурами. Вот с кем придется вести долгую партизанскую войну загнанным в болото наследникам «совка» - если хотят выжить как народ. Выжить можно, это иго будет гораздо короче татарского. Наши победители – большое племя, уже пошла в нем цепочка неблагоприятных мутаций.

Но чтобы выжить, надо осознать самих себя. Тут серьезное препятствие, дудка советского официоза. Она дудит вот что: Февральская революция под руководством большевиков переросла в социалистическую пролетарскую революцию. Однако силы «старой России» собрались и летом 1918 г. при поддержке империалистов начали контрреволюционную гражданскую войну против советской власти.

Вот с этой дудкой и надо разобраться, она и помогла довести нас до 1991 года. Эта картина русской революции неверна - не в деталях, а в главном. Не могла Февральская революция «перерасти» в Октябрьскую, поскольку для Февраля и царская Россия, и советская были одинаковыми врагами. Для Февраля обе они были «империями зла», как для Рейгана с Горбачевым.

Возьмем суть. С конца XIX века Россия втягивалась в периферийный капитализм, в ней стали орудовать европейские банки, иностранцам принадлежала большая часть промышленности, нефть и уголь. Этой волне глобализации сопротивлялось монархическое государство – строило железные дороги, казенные заводы, университеты и науку, разрабатывало пятилетние планы. Оно пыталось модернизировать страну и не справилось - было повязано и сословными обязательствами, и долгами перед западными банками. Как говорили западные мыслители, попало в историческую ловушку и выбраться из нее уже не могло.

Главным врагом монархического государства была буржуазия, которая требовала западных рыночных порядков и, кстати, демократии – чтобы рабочие могли свободно вести против нее классовую борьбу, в которой заведомо проиграли бы (как это уже произошло на Западе). Крестьяне (85% населения России) к требованиям буржуазии были равнодушны, но их допекли помещики и царские власти, которые помещиков защищали. Рабочие были для крестьян «своими» - и буквально (родственниками), и по образу мыслей и жизни. В 1902 г. начались крестьянские восстания из-за земли, потом возникло «межклассовое единство низов» - и произошла революция 1905 г. Крестьяне отшатнулись от монархии и повернули к революции из-за столыпинской реформы. Только после 1905 г. боль-

шевики поняли, к чему идет дело, и подняли знамя «союза рабочих и крестьян» - ересь для марксизма. Но без его прикрытия обойтись было нельзя, на языке марксизма мыслила русская интеллигенция («мозг нации») и Запад.

А буржуазия с помощью Запада возродила масонство как межпартийный штаб своей революции (в 1915 г. главой масонов стал Керенский). Главной партией там были кадеты (либералы-западники), к ним примкнули меньшевики и эсеры. Это была «оранжевая» коалиция того времени. Большевики к ней не примкнули и правильно сделали. Этот урок надо бы и сегодня помнить.

Итак, в России созрели две не просто разные, а и враждебные друг другу революции: 1) западническая, имевшая целью установить западную демократию и свободный рынок, 2) крестьянская, имевшая целью закрыть Россию от западной демократии и свободного рынка, не допустить раскрестьянивания. На Западе вторая революция потерпела поражение, а на периферии - победила или оказала влияние на ход истории.

Обе революции ждали своего момента, он наступил в начале 1917 г., когда война, на которую погнали Россию, развалила государство. Масоны завладели Госдумой, имели поддержку Антанты, а также генералов и большей части офицерства (оно к тому времени стало либеральным, монархисты-дворяне пали на полях сражений). Крестьяне и рабочие, собранные в 11-миллионную армию, два с половиной года в окопах обдумывали и обсуждали проект будущего. Они теперь были по-военному организованы и вооружены. В массе своей это было поколение, которое в 1905-1907 гг. подростками пережило карательные действия против их деревень и ненавидело царскую власть.

Февральская революция была переворотом в верхах, проведенным Госдумой и генералами. Но она стала возможной потому, что ее поддержали и банки, скупившие хлеб и организовавшие голод в столицах, и солдаты. Порознь ни одной из этих сил не было бы достаточно. Во всех революциях требуется участие госаппарата.

Либералы-западники, пришедшие к власти, разрушили государство Российской империи сверху донизу и разогнали саму империю. Это развязало руки революции советской, грязную работу сделала буржуазия и ее прислужники, можно было строить и восстанавливать.

Уникальность революции 1917 г. в том, что сразу стали формироваться два типа государственности – буржуазно-либеральная (Временное правительство) и «самодержавно-народная» (Советы). Эти два типа власти были не просто различны по их идеологии и социальным проектам. Они находились на двух разных и расходящихся ветвях цивилизации. То есть, их союз в ходе государственного строительства был невозможен. Разными были фундаментальные идеи, на которых стоят государства - прежде всего, представления о мире и человеке.

С Февральской революции, когда произошел слом старой государственности, и началась вялотекущая гражданская война. Но не с монархистами – вот что важно понять! Это была война «будущего Октября» с Февралем. В апреле 1917 г. крестьянские волнения охватили 42 из 49 губерний европейской части России. Эсеры и меньшевики, став во главе советов, и не предполагали, что под ними поднимается неведомая теория государственности крестьянской России, для которой монархия стала обузой, а правительство кадетов - недоразумением. «Апрельские тезисы» Ленина дали этому движению язык, простую оболочку идеологии. Стихийный процесс продолжения Российской государственности от самодержавной монархии к советскому строю, минуя либерально-буржуазное государство, обрел организующую его партию (большевиков). Поэтому рядовые монархисты (и черносотенцы) после Февраля пошли именно за большевиками. Да и половина состава царского Генерального штаба.

Монархия капитулировала без боя. С Февраля в России началась борьба двух революционных движений. Более того, на антисоветской стороне главная роль постепенно переходила от либералов к социалистам – меньшевикам и эсерам. И те, и другие были искренними марксистами и социалистами, с ними были Плеханов и Засулич. В это же надо наконец-то вдуматься! Они хотели социализма для России, только социализма по-западному, «правильного». А у нас народ был «неправильный». Так что нынешние «сторонники Февраля» пусть не воображают, что болеют душой за «историческую Россию».

В Грузии красногвардейцы социалистического правительства, возглавляемого членом ЦК РСДРП Жорданием, сразу начали расстреливать советские демонстрации. А лидер меньшевиков Аксельрод требовал «организации интернациональной социалистической интервенции против большевистской политики... в пользу восстановления политических завоеваний февральско-мартовской революции».

Имело место параллельное развитие с начала XX века двух революций, стоящих на разных мировоззренческих основаниях. Меньшевики-марксисты считали Октябрь событием реакционным, контрреволюцией. В этом они были верны букве марксизма, прямо исходили из указаний Маркса и Энгельса. В советское время марксизм «вульгаризировали» - всю антисоветчину из него выкинули. Для того момента правильно сделали, но перед перестройкой мы оказались беззащитными. Эсеры и объявили Советам гражданскую войну, а подполковник Каппель был их первым командиром.

Силы, пришедшие к власти в результате любой революции, если их не свергают достаточно быстро, успевают произвести перераспределение собственности, кадровые перестановки и обновление власти. Новая власть получает кредит доверия. А значит, уже вскоре контратака сходу оказывается невозможной. Это понял Ленин и точно определил тот короткий временной промежуток, когда можно было сбросить буржуазное правительство без больших жертв. Это надо было сделать на волне самой Февральской революции, пока не сложился новый государственный порядок, пока люди находились в ситуации выбора, но уже угасли надежды на то, что Февраль ответит на чаяния подавляющего большинства – крестьян. В этом смысле Октябрьская революция стала шедевром революционной мысли.

Трагедией было то, что не удалось оторвать эсеров от кадетов и слишком силен был в них революционный дух. Гражданская война «белых» против Советов не имела целью реставрировать монархию. Это была «война Февраля с Октябрем» - столкновение двух революционных проектов.

Философским основанием Октября был общинный крестьянский коммунизм (покрытый тонкой пленкой марксизма, но сейчас не о пленке). Революцию совершили общинные крестьяне (авангардом была их молодая часть в солдатской шинели) и рабочие из крестьян, мобилизованные на заводы во время войны. Это было подавляющее большинство русского народа, высокоорганизованное (в общине, армии и трудовом коллективе завода) и на пике духовного и культурного подъема. По словам Грамши, этот тип русского человека как будто вобрал в себя духовную энергию трудящихся всего мира, накопленную за 300 лет. В нем был огромный потенциал, к нему тянулись трудящиеся всех народов России (да и всего мира).

Эта часть народа подобрала себе самую подходящую из имеющихся партий, назначила командиров и даже набрала отряды этнических маргиналов для выполнения грязной работы, без которой не обходятся революции. Именно в свой проект она загнала и отобранных вождей (Ленина, Троцкого, Сталина и пр.). Как сказал об этой истории Брехт, «ведомые ведут ведущих».

Таким было ядро русского народа в первой половине XX века. Судить его с либеральными критериями сытого интеллигента горбачевской формации или со шкурными критерия-

ми нынешнего «рыночника» – глупо. С этим ядром советской власти удалось вновь собрать империю, сплотить ее в новом типе межэтнического общежития, провести модернизацию села и индустриализацию, создать прекрасную школу, науку и армию. В общем, построить новаторские и высокоэффективные институциональные матрицы, которые сделали СССР сверхдержавой и обеспечили воспроизводство и приращение здорового и образованного народа в независимой стране с высоким уровнем безопасности от главных видимых на тот момент угроз.

За первыми шагами на этом пути наблюдал Кейнс, величайший западный экономист XX века (в 20-е годы он работал в Москве). Он сказал, что в России тогда была главная лаборатория жизни, что Советская Россия, как никто, близка и к земле, и к небу. Вот в чем была сила советского строя, пока он не вырастил своих могильщиков.

Советский проект был выходом из той исторической ловушки, в которую попала Россия в начале века - ей приходилось одновременно «догонять капитализм и убежать от него». Было несколько путей, все их перепробовала Россия: Столыпин, либералы-западники, эсеры, социал-демократы, большевики и анархисты. Каждый проект был представлен без карикатуры, в главном. Тогда вырвались мы по пути, предложенному крестьянской общиной и оформленному Лениным. Сейчас у нас диалог блокирован, и от кризиса веет безысходностью. Одни уперлись в марксизм, другие в либерализм, третьи впали в детство и жуют миф о поручиках и корнетах.

А нам надо понять, почему проект, который начала Октябрьская революция и который обнаружил такую мощную силу, потерпел крах. Надо понять это, чтобы предвидеть будущее и выработать новый проект. В чем была заложена предпосылка краха, признаки которого появились уже в середине 50-х годов и приобрели системный характер в 70-е годы? Но это уже другая тема.

Факт в том, что в новых условиях, с новым господствующим культурным типом 70-80-х годов, при новых технологиях цивилизационной войны против России советский строй не справился с задачей удержания культурной гегемонии. В этом важном отношении весь проект оказался дефектным, вырожденным. То, что интеллигенция в момент кризиса не проявила спасительной рефлексии, не смогла понять и объяснить суть болезненного состояния советского общества, а, наоборот, в большинстве своем примкнула к его губителям, есть историческая ошибка интеллигенции как профессионального интеллектуального сообщества.

Следствием этого срыва являются не только разрушение страны и массовые страдания людей в период разрухи, но и риск полного угасания русской культуры и самого народа. Ибо мы сорвались в кризис в таком состоянии, что он превратился в «ловушку». Прежняя траектория развития опорочена в глазах молодежи, и в то же время никакой из мало-мальски возможных альтернативных проектов будущего не получает легитимности у населения. Мы оказались в положении цивилизации, которая подрезала свои собственные корни, но не может сосуществовать с принципами иных цивилизаций. Таков итог антисоветского поворота конца XX века.

Но исход вовсе не предопределен. Шок от культурной травмы поражения проходит – постсоветская молодежь травмы не испытала и может мыслить рационально. Персонал массивной организованной системы - госаппарата - тоже настроен жить, а единственное место на земле, где он может заработать на жизнь, это Россия. Значит, есть контингент, обладающий необходимыми качествами и мотивами для того, чтобы Россию спасти и вытащить из кризиса. Путем перебора альтернатив этот контингент неизбежно придет к выводу, что единственный способ осуществить это – восстановление главных систем советского строя. Какие при этом будут навешаны на него идеологические побрякушки, не так уж важно. Тут есть возможности для союзов и компромиссов.

Если молодежь России хочет выжить как этническая общность, она должна преодолеть внушенное ей отвращение к «совку» и рассмотреть все варианты будущего хладнокровно.

11.01.2010. Вот еще текст для ответа на ряд постов /Русский коммунизм/

Прошу прощения, если когда-то уже был выложен, но здесь он кстати

Русский коммунизм

В ходе перестройки и реформы в нашем общественном сознании был создан хаос, который превратился в особый порядок, называемый Смутой. И кризис, и хаос, и смуты – важные состояния общества, как и болезни у человека, они изучаются наукой.

Смута – это «система порочных кругов», историческая ловушка, из которой народу трудно выбраться. Свойством этого состояния является утрата способности к рефлексии – анализу предыдущих состояний. Это мешает понять происходящее (оно ведь «вырастает» из прошлого), а затем – и предвидеть будущее. Иными словами, не дает различить те возможные пути в будущее, которые идут от нынешнего перекрестка. Это трагедия: представьте себе «витязя на распутье», который от камня не видит никаких путей.

Здесь речь пойдет лишь об одном провале в нашем сознании - Смута как будто проглотила целый кусок той мировоззренческой матрицы, на которой и был собран наш народ. XX век – это несколько исторических периодов в жизни России, периодов критических. Суть каждого из них была в столкновении противоборствующих сил, созревающих в течение веков. В разных формах эти силы будут определять и нашу судьбу в XXI веке. Но весь XX век Россия жила в силовом поле большой мировоззренческой конструкции, называемой русский коммунизм. Знать ее суть необходимо всем, кто собирается жить в России, а уж тем более тем, кто желает Россию укреплять. Блок этого знания и вышибли из нашего разума за последние 20 лет.

Это была одна из главных операций психологической войны против России, начатая в 70-е годы. В 80-е годы в нее включились отечественные силы, в том числе и «патриоты», а потом и государство. В самые последние годы государство перешло к обороне, но очень вялой – его «личный состав» тоже контужен. Вся история советского проекта стала для нас черной дырой (или «черным ящиком»), а мы все стали «людьми ниоткуда» по кличке «постсоветские».

В результате трезвое знание о русском коммунизме имеют именно враги России, а те, которым без России не жить, воюют друг с другом из-за призраков. Одни не желают никакого трезвого знания потому, что возненавидели «коммуняк», другие потому, что не могут отвлекаться от защиты светлых идеалов коммунизма. И те, и другие остаются слепыми – бродят по исторической ловушке и тянут назад тех, кто пытается выбраться.

В лучшем положении сейчас студенты. «Битвы призраков» их затронули меньше, они более открыты непредвзятому знанию. Оно для них – прагматическая ценность. Я выскажусь, имея в виду именно такого читателя.

Русский коммунизм – сплетение очень разных течений, необходимых, но в какие-то моменты враждебных друг другу. Советское обществоведение дало нам облегченную модель этого явления, почти пустышку. До войны иначе и нельзя было, а потом Хрущев искажал картину из своих фракционных интересов. При Брежневе верхушка была не на высоте задачи, да и уже блокирована интеллектуалами с «новым мышлением». Они еще оставались коммунистами, но уже «евро». Главные вещи мы начали изучать и понимать в ходе катастрофы – глядя на те точки, по которым бьют.

В самой грубой форме я представляю русский коммунизм как синтез двух больших блоков, которые начали соединяться в ходе революции 1905-1907 гг. и стали единым целым перед войной (а если заострять, то после 1938 г.). Первый блок – то, что Макс Вебер назвал «крестьянский общинный коммунизм». Второй – русская социалистическая мысль,

которая к началу XX в. взяла как свою идеологию марксизм, но им было прикрито наследие всех русских проектов модернизации, начиная с Ивана IV.

Оба эти блока были частями русской культуры и имели традиции, о которых много написано. Оба имели сильные религиозные компоненты. Общинный коммунизм питался «народным православием», не вполне согласным с официальной церковью, со многими ересями, имел идеалом град Китеж («Царство Божье на земле»), у социалистов – идеал прогресса и гуманизм, доходящий до человекобожия. Революция 1905 г. – дело общинного коммунизма, почти без влияния второго блока. Зеркало ее – Лев Толстой. После нее произошел раскол у марксистов, и их «более русская» часть пошла на смычку с общинным коммунизмом. Отсюда «союз рабочего класса и крестьянства», ересь для марксизма. Возник большевизм, первый эшелон русского коммунизма. Раскол социалистов в конце привел в Гражданской войне, все «западники» объединились (под рукой самого Запада) против большевиков-«азиатов».

Во время Гражданской войны крестьяне еще различали большевиков и коммунистов (как русских и евреев). Это показано в фильме «Чапаев», но раньше мы не понимали смысла вопроса: «Василий Иванович, ты за кого – за большевиков али за коммунистов?» Фурманов понимал. После Гражданки демобилизовался миллион младших и средних командиров из деревень и малых городов – «красносотенцы». Они заполнили госаппарат, рабфаки и университеты, послужили опорой сталинизма. Конфликт между «почвенной» и «космополитической» частями коммунизма кончился кровавыми репрессиями, тонкая прослойка «космополитов» была почти сожрана, с огромными потерями для страны. Но в благополучный сытый период 70-80-х годов возродилась уже как сознательный враг – и взяла реванш. Теперь в основном в виде «оборотней» типа Гайдара.

Соединение в русском коммунизме двух блоков, двух мировоззренческих матриц, было в российском обществе уникальным. Ни один другой большой проект такой структуры не имел – ни народники (и их наследники эсеры), ни либералы-кадеты, ни марксисты-меньшевики, ни консерваторы-модернисты (Столыпин), ни консерваторы-реакционеры (черносотенцы), ни анархисты (Махно). В то же время, большевизм многое взял у всех этих движений, так что после Гражданки видные кадры из всех них включились в советское строительство.

Какие главные задачи, важные для судьбы России, смог решить русский коммунизм? Что из этих решений необратимо, а в чем 90-е годы пресекли этот корень? Что из разработок коммунистов будет использовано в будущем? Тут и нужен трезвый анализ. Главное я вижу так.

Большевизм преодолел цивилизационную раздвоенность России, соединил «западников и славянофилов». Это произошло в советском проекте, где удалось произвести синтез космического чувства русских крестьян с идеалами Просвещения и прогресса. Это – исключительно сложная задача, и сегодня, разбирая ее суть, поражаешься тому, как это удалось сделать. Японцам это было сделать гораздо проще, а уже Китай очень многое почерпнул из опыта большевиков.

Если брать шире, то большевики выдвинули большой проект модернизации России, но, в отличие от Петра и Столыпина, не в конфронтации с традиционной Россией, а с опорой на ее главные культурные ресурсы. Прежде всего, на культурные ресурсы русской общины, о чем мечтали народники. Этот проект был в главных своих чертах реализован – в виде индустриализации и модернизации деревни, культурной революции и создания специфической системы народного образования, своеобразной научной системы и армии. Тем «подкожным жиром», который был накоплен в этом проекте, мы питаемся до сих пор. А главное, будем питаться и в будущем – если ума хватит. Пока что другого источника не просматривается (нефть и газ – из того же «жира»).

Сразу выскажу свое убеждение в том, что проект реформ, предполагающий опору только на структуры западного типа (гражданское общество и рынок), обречен у нас на провал. Если у реформаторов будет достаточно сил, чтобы держать традиционную культуру в хрипящем полужадушенном состоянии, то Россия как цивилизация и как большая страна будет ликвидирована. По крайней мере, на обозримое будущее. Только Запад смог осуществить проект развития, порвав с традиционным обществом, но лишь потому, что длительное время мог изымать огромные средства из колоний, а потом уже собирать со всех дань как технологический лидер. Россия такой возможности не имела и не получит.

Второе, чего смогли добиться большевики своим синтезом, это на целый (хотя и короткий) исторический период нейтрализовать западную русофобию и ослабить накал изнуряющего противостояния с Западом. С 1920 по конец 60-х годов престиж СССР на Западе был очень высок, и это дало России важную передышку. Россия в облике СССР стала сверхдержавой, а русские – полноправной нацией. О значении этого перелома писали и западные, и русские философы, очень важные уроки извлек из него первый президент Китая Сунь Ятсен и положил их в основу большого проекта, который успешно выполняется.

Из современных об этом хорошо сказал А.С. Панарин: «Русский коммунизм по-своему блестяще решил эту проблему. С одной стороны, он наделил Россию колоссальным «символическим капиталом» в глазах левых сил Запада — тех самых, что тогда осуществляли неформальную, но непреодолимую власть над умами — власть символическую.

Русский коммунизм осуществил на глазах у всего мира антропологическую метаморфозу: русского национального типа, с бородой и в одежде «а la cozak», вызывающего у западного обывателя впечатление «дурной азиатской экзотики», он превратил в типа узнаваемого и высокоцитимого: «передового пролетария». Этот передовой пролетарий получил платформы для равноправного диалога с Западом, причем на одном и том же языке «передового учения». Превратившись из экзотического национального типа в «общечеловечески приятного» пролетария, русский человек стал партнером в стратегическом «переговорном процессе», касающемся поиска действительно назревших, эпохальных альтернатив».

Надо сказать, что сейчас, всеми своими телодвижениями демонстрируя свою лояльность Западу, мы получаем в ответ не знаки уважения и любви, а более или менее вежливое презрение. Очень там тонка прослойка дальновидных людей, которые понимают значение России и ценят ее независимо от конъюнктуры, даже «всеми плюнутую».

Третья задача, которую решили большевики и масштаб которой мы только сейчас начинаем понимать, состоит в том, что они нашли способ «пересобрать» русский народ, а затем и вновь собрать земли «Империи» на новой основе – как СССР. Способ этот был настолько фундаментальным и новаторским, что приводит современных специалистов по этнологии в восхищение – после того, как опыт второй половины XX века показал, какой мощью обладает взбунтовавшийся этнический национализм.

Как только I Мировая война погрузила в кризис сословное общество и монархию России, национализм развалил Империю. Либералы Временного правительства ему помогали. Белые пытались бороться под флагом Реставрации и, по словам историка, «напоролась на национализм и истекли кровью». А коммунисты нейтрализовали этнические элиты своим предложением собраться всем народам в «республику Советов». И Красная армия везде принималась как своя, нигде националисты не смогли представить ее как иностранную. Этнический национализм элиты нерусских народов России был загнан в бутылку, где и сидел, пока его не выпустил Горбачев, добивший русский коммунизм изнутри.

Но в решении этой задачи еще важнее было снова собрать русских в имперский (теперь «державный») народ. Этот народ упорно «демонтировали» начиная с середины XIX века – и сама российская элита, перешедшая от «народопоклонства» к «народоненавистниче-

ству», и Запад, справедливо видевший в русском народе «всемирного подпольщика» с мессианской идеей, и западническая российская интеллигенция. Слава Богу, что сильна была крестьянская община, и она сама, вопреки всем этим силам, начала сборку народа на новой матрице. Матрица эта (представление о благой жизни) изложена в тысячах наказов и приговоров сельских сходов 1905-1907 гг., составленных и подписанных крестьянами России. И слава Богу, что нашлось развитое политическое движение, которое от марксизма и перешло на эту матрицу («платформу»). Так и возник русский коммунизм. Это был случай, о котором Брехт сказал: «Ведомые ведут ведущих».

Сейчас духовные потомки тех, кто тогда пошел наперекор «ведомым», вроде бы взяли реванш – ну и в каком состоянии оказался народ? Но это другая история, а тогда сборка народа была совершена быстро и на высшем уровне качества. Так, что Запад этого не мог и ожидать – в 1941 г. его Нашествие встретил не «колосс на глиняных ногах», а многомиллионная образованная и здоровая молодежь с высочайшим уровнем самоуважения и ответственности. Давайте сегодня трезво оглянемся вокруг: видим ли мы после уничтожения русского коммунизма хотя бы зародыш такого типа мышления, духовного устремления и стиля организации, который смог бы, созревая, выполнить задачи тех же масштабов и сложности, что выполнил советский народ в 30-40-е годы, «ведомый» русским коммунизмом? А ведь такие задачи на нас уже накатывают.

Это уже частность, но ведь факт, что русский коммунизм доработал ту модель государственности, которая была необходима для России в новых, труднейших условиях XX века. Основные ее контуры задала та же общинная мысль («Вся власть Советам»), но в этом крестьянском самодержавии было слишком много анархизма, и мириады Советов надо было стянуть в мобильное современное государство. Это и сделали коммунисты, и это была творческая работа высшего класса. Как глупо сегодня забывать этот опыт!

Четвертую задачу, которую решил русский коммунизм (именно в его двуединой сущности), назову совсем кратко. Он спроектировал и построил большие технико-социальные системы жизнеустройства России, которые позволили ей вырваться из исторической ловушки периферийного капитализма начала XX века, стать индустриальной и научной державой и в исторически невероятно короткий срок подтянуть тип быта всего населения к уровню развитых стран. Мы не понимали масштабов и сложности этой задачи, потому что жили «внутри нее» - как не думаем о воздухе, которым дышим (пока нас не взяла за горло чья-то мерзкая рука).

На деле все эти большие системы «советского типа» - замечательное творческое достижение нашего народа. В их создании было много блестящих открытий и прозрений, во всех них есть что-то от автомата Калашникова – гениальная простота и красота. Замечательные, великолепные создания – советская школа и наука, советское здравоохранение и советская армия, советское промышленное предприятие с его трудовым коллективом и детским садом и советская колхозная деревня, советское теплоснабжение и Единая энергетическая система.

Все это за последние двадцать лет оболгали и исковеркали. Для уничтожения «империи зла» это было необходимо. Но едва ли не самая главная для нас часть этого злодеяния заключается в том, что молодежь отвратили от знания о том, как все это работает. А ведь страшная истина заключается в том, что иных, «антисоветских» больших систем построить уже не удастся. Место занято! Можно изуродовать РАО ЕЭС или даже уничтожить ее, но построить иную, «западного» типа, уже не выйдет. Как мы видим, можно уничтожить советскую науку, но планы создания какой-то иной науки поражают своим ничтожеством, как будто в наказание кто-то с неба щелкнул разрушителей по лбу.

Все мы – наследники русского коммунизма, никакая партия или группа не имеет монополии на его явное и тайное знание. И все же, антисоветизм и антикоммунизм отвращают от

него. Я смотрю на это с горечью, и дело не в политике. Сегодня отворачиваться от этого знания глупо, а завтра будет уже убийственно.

11.01.2010. Выступление на слушаниях в ГД по поводу /50-летия XX съезда КПСС/

1. Если бы надо было выразить отношение к этому событию в одной фразе, пришлось бы просто выругать Хрущёва известными грубыми словами. Но эти слова недостаточны, хотя и адекватны.

XX съезд нанес по советской государственности удар, от которого она так и не оправилась. Хрущёв виновен в нанесении этого ущерба, команда Брежнева в том, что не провела «ремонта», Горбачев и Ельцин в том, что били в поврежденную опору и обрушили здание. Злой умысел, халатность, корысть или незнание – дело следователей и историков. Для нас главное – извлечь урок. Нам производить ремонт и укрепление.

2. Есть факты почти очевидные. Первый из них в том, что после восстановительного периода, проведенного на инерции войны, требовалась демобилизация государства и общества. Ндо было выходить из сталинизма. Тоталитаризм принимается лишь пока он необходим. Необходимость чрезвычайной организации жизни советского общества к началу 50-х годов была устранена. Поэтому сама идея XX съезда была принята как нечто разумное.

Второй факт в том, что выход из сталинизма был проведен не просто плохо, но и разрушительно. Вся эта акция подорвала легитимность советского строя и государства, резко ослабила культурную гегемонию политической системы как условие ее стабильности, породила раскол поколений и дала начало движению диссидентов. Всего этого можно было не только избежать, но и сделать XX съезд инструментом укрепления и модернизации государства.

3. Главный вывод: партийно-государственная элита и советская интеллигенция в целом были ошарашены XX съездом, не смогли нейтрализовать его разрушительного эффекта и пошли на поводу у Хрущёва прежде всего потому, что они «не знали общества, в котором жили». XX съезд обнаружил полную несостоятельность всего советского обществоведения, основанного на историческом материализме (марксизме). До этого команда Сталина компенсировала эту несостоятельность своим «неявным знанием», опытом и интуицией. Этих инструментов хватало в чрезвычайный период благодаря очевидности задач, коллективной памяти о социальных бедствиях, а также адекватности центральной мировоззренческой матрицы советского общества того периода (общинного крестьянского коммунизма). Для перехода к новому этапу и новой «постсталинской» рациональности этого было недостаточно. Вакуум был заполнен примитивным троцкизмом и мешанской философией, воплощенными в Хрущёве.

4. С тех пор положение почти не улучшилось. Брежнев после Хрущева на время «заморозил» деградацию, как сейчас после Горбачева и Ельцина ее «замораживает» Путин. Однако мы продолжаем жить в условиях незнания и непонимания нашего общества. Те силы, которые пользуются этой Смутой как мародеры, способствуют этому незнанию и непониманию, старательно разрушая все ячейки, в которых ведется работа по созданию адекватной нашей реальности обществоведения.

11.01.2010. Еще кусок главы - к теме разговора /Государство и антигосударственные силы в России/

Государство и антигосударственные силы в России

Поэт Осип Мандельштам сказал: «Власть отвратительна, как руки брадобрея». И эта вычурная метафора во время перестройки была принята нашей демократической интеллигенцией чуть ли не как откровение. Ее бубнили, как припев, в ходе антигосударственной кампании.

Что за люди! Сами побриться не способны, а руки брадобрея им отвратительны. Власть ненавидят, но так и льнут к ней, пытаются в нее пролезть, всегда ею недовольны – а попади во власть, ни одного простейшего вопроса не могут не то что решить, а и сформулировать. Все шиворот-навыворот, сплошные обиды и расколы, даже воровать толком не годятся, все на нервах, с надрывом.

Постсоветское государство России сформировалось в лоне антисоветского проекта и оказалось в исторической ловушке. Наследие политической философии, идеологии, структур и кадрового состава, полученное от режимов Горбачева и Ельцина, стало тяжелой гирей на ногах, отделаться от которой очень трудно.

Нынешний политический режим зачат в акте государственной измены, совершенной в 1991 г. Преемники «бригады Ельцина» у власти частично уже свободны от этого исторического груза, но в недостаточной степени. За их спиной стоит призрак беловежского сговора, который строго следит за тем, чтобы «преемники» не вздумали возродить державную государственность России. Они опутаны соглашениями, которые запрещают им выполнять важнейшие функции власти исходя из критериев именно такой государственности.

Важной частью программы демонтажа советского строя был подрыв авторитета государства. По замыслу “архитекторов”, государство не только должно было утратить в глазах человека всякий священный смысл - оно было превращено в коллективного “врага народа”. Проклятия в его адрес стали обязательным довеском к уверениям в лояльности демократии. Эта кампания была предельно антидемократичной, она подрывала культурные устои большинства населения.

В книге Ю. Левады “Есть мнение” на основании опросов 1989-1990 гг. сделан вывод, что “державное сознание в той или иной мере присуще подавляющей массе (82-90%) населения страны”, что это “комплекс, уходящий вглубь традиций Российской империи” [1].

С самого начала атаки на все подсистемы государства приобрели такой жесткий характер, что не вызывало сомнения - было задумано не реформирование, а слом. «Антисоветский марксист», профессор МГУ А.П. Бутенко критиковал реформы Хрущева за их половинчатость: «Антисталинизм — главная идея, мобилизационный стяг, использованный Хрущевым в борьбе с тоталитаризмом. Такой подход открывал определенный простор для борьбы против основ существующего социализма, против антидемократических структур тоталитарного типа, но его было совершенно недостаточно, чтобы разрушить все тоталитарные устои» [2]. Перестройка наконец-то направила свой пафос против «всех» государственных устоев,

Под огнем оказались буквально все элементы государства - от органов хозяйственного управления, ВПК, армии и милиции до школы и детских садов. Все это было представлено как элементы «административно-командной системы», войну против которой начал Г.Х. Попов.

Эта программа так сбивала с толку людей, что они перестали трезво рассуждать. Государственные институты, обеспечивающие жизнь страны, имеют сложную структуру и выполняют сложную систему функций. Одни из этих функций очевидны, другие еле видны, а чтобы понять третьи, надо пошевелить мозгами. Люди как будто вдруг утратили способность мысленно увидеть структуру государства и те функции, которые призваны выполнять разные его элементы.

Видные деятели перестройки открыто выступали как враги своего государства. Писатель А. Адамович (депутат Верховного Совета СССР!) в марте 1989 г. на открытии в Москве международного научного клуба даже воззвал к иностранным ученым, прося у них помощи против советского государства. Он так описал его отношения с обществом: «Одни ведомства ведут химическую войну против собственного народа и природы. Другие —

помощью мощной мелиоративной техники, третьи — почти уже атомную (Чернобыль)... Вот почему и ученые наши, которые не продали душу ведомствам, и «зеленые» наши так рассчитывают опереться на вас, мировую науку, в борьбе с ведомственным Левиафаном» [3, с. 225].

А демократическая интеллигенция с какой-то наивной безответственностью одобряла разрушение сложнейших структур государства, являвшихся замечательным творением нашей цивилизации. Причем нередко речь шла о творениях уникальных, и нет уверенности, что эти структуры вообще удастся возродить после их гибели. Люди старшего поколения помнят, например, какому избиению в прессе и с трибун были подвергнуты в годы перестройки все правоохранительные органы, армия и особенно КГБ. Кто забыл, пусть полистает подшивки газет и журналов конца 80-х и начала 90-х годов, это чтение освежает голову.

Когда видишь, как сама власть разрушает несущие конструкции государства, в воздухе висит немой вопрос: «Глупость или измена?» Допустим, глупость, но небывалая. Ведь не могли не понимать, уничтожая систему госбезопасности, что она защищает страну от очень широкого спектра угроз, а вовсе не сосредоточена на диссидентах.

Во время перестройки подверглась разрушению политическая культура нашего общества — условие существования государства. Западные политологи выделяют именно это направление перестройки, которое несло в себе предпосылки национальной катастрофы. А. Браун (США) пишет, что важнейшей ценностью советской политической культуры являлся порядок. Страх перед беспорядком и хаосом, которые в первой половине XX века принесли народу тяжелые страдания, объединял все социальные группы — рабочих, крестьян, интеллигенцию, управленцев.

Что же совершила перестройка? Произвела именно подрыв порядка и искусственное создание хаоса — с взрывом массовой преступности, кровопролития в национальных конфликтах и терроризма. Советологи сравнивают Горбачева с «Мартинусом Лютером, который стремился разрушить или существенно ослабить косные институты правящей церкви». Это большой комплимент, учитывая, что Реформация унесла в Германии 2/3 человеческих жизней [4].

Горбачев резко дестабилизировал состояние государства в целом. Тем самым он поставил крест и на самой возможности плодотворных реформ. Став президентом, он сделал именно то, что категорически противоречило главной ценности политической культуры нашего общества и историческому опыту народа. Видный американский советолог А. Брумберг признал: «Ни один советолог не предсказал, что могильщиком Советского Союза и коммунистической империи будет настоящий номенклатурный коммунист, генеральный секретарь КПСС Михаил Горбачев» [5].

Директор Института международных отношений Колумбийского университета (США) С. Бялер так определял суть действий верхушки КПСС: «Начиная перестройку, Горбачев и его помощники в руководстве инициировали процесс, который не поддается полному контролю и которым нельзя всесторонне управлять». При этом эксперты сходились в том, что подрыв государственности и искусственное создание хаоса приведут к взрыву массовой преступности, кровопролитию в национальных конфликтах и терроризму [4].

Динамика дестабилизации была предсказана экспертами довольно точно. И уже в марте 1991 г. французский обозреватель Клод Ле Борн писал в статье «Стратегический беспорядок» (журнал «Национальная безопасность»): «Что касается хаоса, то под него не подведешь рациональную основу. Можно, конечно, подобно антропологам, изучающим первобытные общества, считать его фактором обновления. Хотелось бы лишь, чтобы его всплески не слишком нас забрызгали, чтобы мы, капиталистические менторы, сумели сократить период этого испытания и чтобы, наконец, Советская Армия, которой мы так дол-

го боялись, выполняла без чрезмерного ущерба внутри собственных границ ту впечатляющую функцию, которая выпадает на долю всех армий мира».

«Архитекторы перестройки» клеймили консерватизм и государственное чувство рассудительных граждан. М.С. Горбачев писал: «Когда ты десятилетия живешь в таком обществе, то возникают определенные стереотипы, привычки, создается своя особая культура (если это можно назвать культурой - может быть, это антикультура), свои правила и даже традиции. Участью общества была боязнь перемен. Для многих стала характерной неприязнь к новым формам жизни, к свободе» [6, с. 188-189].

А следовало бы задуматься - что же плохого в том, что «в обществе возникают привычки, культура, правила и даже традиции»? Разве существует где-нибудь общество без всего этого? Наоборот, это необходимые атрибуты любого общества и любого государства. Без всего этого люди превращаются в «человеческую пыль», они не способны быть гражданами. И разве «боязнь перемен» – какой-то небывалый дефект именно советского общества? Да это элементарное условие существования общества как сложной системы!

Вот рассуждение М.С. Горбачева о государстве – рассуждение не заговорщика где-то в подполье, а президента державы: «Отличительной особенностью советской тоталитарной системы было то, что в СССР фактически была полностью ликвидирована частная собственность. Тем самым человек был поставлен в полную материальную зависимость от государства, которое превратилось в монопольного экономического монстра» [6, с. 187-188].

Эта тирада полна ненависти к государству, но лишена смысла. Почему государство, обладая собственностью, становится «монстром»? А почему не монстр частная корпорация «Дженерал электрик», собственность которой побольше, чем у многих государств? И почему, если собственность государственная, то человек «поставлен в полную материальную зависимость от государства»? В чем это выражается? Чем в этом смысле государственное предприятие хуже частного? В большинстве жизненно важных отношений оно для работников как раз намного лучше, это подтверждается и логикой, и практикой.

Нагнетая ненависть к государству, Горбачев вытаскивает троцкистский тезис об «отчуждении» работника от собственности: «Массы народа, отчужденные от собственности, от власти, от самостоятельности и творчества, превращались в пассивных исполнителей приказов сверху. Эти приказы могли носить разный характер: план, решение совета, указание райкома и так далее - это не меняет сути дела. Все определялось сверху, а человеку отводилась роль пассивного винтика в этой страшной машине» [6, с. 188].

Это – схоластика, заменяющая аргументы потоком слов. Почему же люди, имея надежное рабочее место на государственном предприятии, становились вследствие этого «отчужденными от самостоятельности и творчества»? Вот, создается страшный образ «приказов сверху». А как же иначе может жить человек в цивилизованном обществе? Печальный демон, дух изгнания, летал над грешною землей! А мы-то живем на этой земле, а для этого надо ценить ту иерархию, ту организацию общества, которая сложилась за тысячелетия – подправлять ее, но не подрезать под корень.

И как понять, что хотя «приказы могли носить разный характер», это не меняет сути дела? «План, решение совета, указание райкома, сигналы светофора и так далее» – все это разные способы координации и согласования наших усилий и условий нашей жизни. Почему же им не надо подчиняться? Почему, если ты следуешь обдуманному плану действий, ты становишься «винтиком в этой страшной машине»? Все это – квазирелигиозное отрицание государственности. При полном параличе механизмов общественного диалога люди этого типа, заполнившие СМИ и высшую школу, представляют угрозу для любого государства.

Когда такие люди пришли к рычагам власти, сразу же стала подрываться одна из главных функций государства – оборона и обеспечение безопасности страны, причем методами, небывалыми для верховных правителей.

В 2005 г. А.Н. Яковлев дал «Независимой газете» интервью. Его спрашивают: «Не жалеете, что в свое время с Горбачевым силовиков не разогнали?» И этот заслуженный агент влияния отвечает: «Я думаю, это наша ошибка. Что касается монстра, я бы его ликвидировал... Кстати, по моей записке КГБ был разделен на несколько частей» [7].

И подобные ему разрушители при власти «силовиков и чекистов» ходили в уважаемых наставниках. Как ни владей собой, постоянно будешь в состоянии когнитивного диссонанса.

Поразившее весь мир заявление М.С. Горбачева 15 января 1986 г. о программе полного ядерного разоружения СССР было неожиданностью для военных. Тогда была создана межведомственная комиссия по разоружению (“большая пятерка”). В ней нарастала напряженность, дошедшая 10 марта 1990 г. до открытого конфликта из-за того, что договоренности с США по разоружению не только не согласовывались, но даже не доводились до сведения комиссии.

Начальник Генштаба М.А. Моисеев доложил, что в результате махинаций Э.А. Шеварднадзе США получили право иметь 11 тыс. боеголовок против 6 тыс. для СССР. Не удалось обнаружить никаких сведений о подготовке решения об уничтожении ракетного комплекса “Ока”, о котором открыто вообще не было речи на переговорах. После этого конфликта комиссия была ликвидирована.

Наконец, были сознательно запущены процессы, разрушающие «империю», ту сложную систему национальных отношений, которая была кропотливо создана за 200 лет. В 2005 г. в докладе Горбачев-фонда это оправдывают так: «Не секрет, что Советский Союз был построен на порочной сталинской идее автономизации, полностью подчиняющей национальные республики центру. Перестройка хотела покончить с такой национальной политикой» [8].

Какая безответственность! При чем здесь «порочная идея» 1920 года – ко времени перестройки СССР пережил несколько исторических эпох, прошел самые тяжелые испытания. Перестройка стравивала народы! Ее «прораб» Нуйкин довольно вспоминает в связи с войной в Нагорном Карабахе: “Как политик и публицист, я еще совсем недавно поддерживал каждую акцию, которая подрывала имперскую власть. Поэтому мы поддерживали все, что расшатывало ее. А без подключения очень мощных национальных рычагов ее было не свалить, эту махину” [9]. Как это назвать? Понятно, что Горбачев представлял целое течение, усиливая его властью государства.

Идеологические кадры, которые вели подрыв легитимности государства во время перестройки, продолжили свою деятельность после ухода Ельцина – при первых же попытках В.В. Путина хоть в минимальной степени восстановить систему власти и управления. Средством новой кампании было разжигание ненависти и к власти, и к работникам госаппарата («бюрократии»). Сама же Российская Федерация после 2000 г. квалифицировалась как «полицейское государство».

В 2005 г. А.Н. Яковлев бросает В.В. Путину едва ли не главное обвинение: “Создается впечатление, что в то время, как уголовщина ленинско-сталинского режима уходит в прошлое, вой мотора корабля власти остается старым, советским” [7].

Вскользь он бросает и «черную метку» фашизма российскому государству «всех времен», независимо от политического режима: «Россия больна вождизмом. Это традиционно. Царистское государство, князья, генеральные секретари, председатели колхозов и так далее. Мы боимся свободы и не знаем, что с ней делать. Я понимаю, что тысячу лет жить в ни-

щенстве и бесправии - другого менталитета не создашь. Отсюда и появляются у нас фашистские группировки. «Идущие вместе»... Завтрашние штурмовики» [7].

И наши силовики и штурмовики снимают шляпу перед этим мудрецом.

Эта волна вновь поднялась в связи с «покушением» на Чубайса. Вот, пишут обозреватели В. Измайлов и Ю. Латынина «Новой газеты» (21.03.05): «Первое, о чем я подумал [так в тексте] после сообщения СМИ: опять по делу о теракте проходит бывший офицер спецназа ГРУ... В последнее время мы все больше говорим об «оборотнях» в погонах – сотрудниках милиции. Но впору говорить об «оборотнях» из спецназа Минобороны, в том числе и ГРУ, принимавших участие в терактах, убийствах и иных тяжких преступлениях. По печально известному делу журналиста «Московского комсомольца» Дмитрия Холодова проходили ныне оправданные офицеры-спецназовцы во главе с начальником разведки ВДВ полковником Павлом Поповских» [10].

Как это называется? «Ныне оправданных» офицеров-спецназовцев эти обозреватели называют «оборотнями из спецназа Минобороны, в том числе и ГРУ, принимавшими участие в терактах и убийствах!» Такое обращение с правом и есть одно из свойств фашизма, пока еще не пришедшего к власти.

Так же вскользь А.Н. Яковлев затрагивает и другой большой вопрос, в точности повторяя обвинение Запада: «Или чеченцы... Кто мы такие, чтобы судить-то их? Это они должны нас судить, а не мы. Это перевернутое имперское сознание! И виновата в этом власть. Власть как система, как феномен» [7].

Е. Ясин писал после ареста Ходорковского: «События вокруг ЮКОСа - это шаг к победе бюрократии над бизнесом... Это шаг от управляемой демократии к полицейскому государству» [11]. Л. Баткин звал на революцию против «империи зла»: «Разумеется, речь идет о “бархатной” или “оранжевой” революции... Вызревавший при Ельцине режим российской бюрократии, гораздо откровеннее и наглее пролгавшийся при Путине, с 2004 года вступил в исторически новую фазу» [12].

Г.Х. Попов в 2005 г. видит возврат к сталинизму в том, что власть стала снова отмечать праздник Победы: «Оказавшись почти что у разбитых корыт в обещаниях увеличить ВВП и прочих начинаниях, не имея за душой ничего такого, что могло бы вдохновить всех нас, наши лидеры однопартийного разлива собираются ухватиться за шинель Сталина и даже влезть в его сапоги» [25].

Конечно, может показаться, что эти политические трупы сами по себе не представляют непосредственной угрозы государству. Но они не выступают «сами по себе», как не выступала «сама по себе» небольшая группа диссидентов в 70-80-е годы. За ними стоит Запад, с которым нынешний режим России не имеет ни возможности, ни желания вступить в конфликт.

Интеллектуалка из «Новой газеты» Юлия Латынина просто заходится: «Режим Путина в том виде, в котором он существует сейчас, обречен. Он даже в какой-то мере анекдотичен... Никакого классового мира между бизнесом и путинскими опричниками быть не может» [13].

Такие вещи в нынешних суверенных странах пишут, только имея хорошую «крышу» в Вашингтоне. Поразительно, что вскоре после инаугурации Президент Д.А. Медведев дал «Новой газете» интервью и заявил, что очень уважает эту газету – потому, что она «никогда никому ничего не лизала». Значит ли это, что он перестал уважать «путинских опричников»? Или «лизать у Вашингтона» - это совсем другое дело, чем лизать «у всех остальных», и заслуживает уважения?

Как только в 2005 г. Москва проявила слабые попытки повлиять на ход «оранжевой» революции на Украине, директор программы Фонда Карнеги А. Аслунд, которого любят ци-

тировать российские демократические СМИ, прямо предупредил: «Нынешний режим [В.В. Путина] нежизнеспособен сам по себе. Анализ слабых мест путинского режима может существенно повлиять на политику США в отношении России. Во-первых, режим имеет все шансы скоро смениться... Снова Соединенным Штатам придется целенаправленно содействовать разрушению мягко-авторитарного режима, вооруженного ядерными ракетами» [14].

Что значит «целенаправленно содействовать разрушению режима, вооруженного ядерными ракетами», было наглядно показано во время перестройки. Этой угрозе власть могла бы противостоять, только опираясь на поддержку народа, но обратиться за такой поддержкой она не может или не хочет.

Установки «младореформаторов» 90-х годов лежат в русле той же антигосударственной программы и опираются на поддержку Запада. После «оранжевой» революции на Украине «Вашингтон пост» дал изложение интервью с Е. Гайдаром.

Газета его одобряет: «Российский экономист Егор Гайдар - бывший премьер-министр и один из самых трезвомыслящих людей в мире. Политику Путина он иногда осторожно поддерживает, иногда умеренно критикует. Однако во время своего последнего визита в Вашингтон он был особенно мрачен - не только из-за поражений, которые в его стране терпит демократия, но и исходя из того, что эти поражения чреватые вполне практически-последствиями... В России, считает Гайдар, поднимается национализм, который стал «серьезнейшей опасностью для России и всего мира» [15].

Этот симбиоз российского государства с антигосударственными силами продолжается. В недавней статье-манифесте Г.Х. Попов призывал к «муниципализации» государства, демонтажу связывающих территории центральных органов: «В организации государства главной ячейкой, как призывал еще Солженицын, должен стать не верх, а первичное звено — земство, община, уличный комитет, микрорайон. И их депутаты, их администраторы должны прежде всего работать в своих областях и уже затем — в структуре местной власти, как правило, без оплаты.

В государстве должны стать полностью независимыми финансово (за счет особых налогов) и организационно (самоуправляемые) суды, правоохранительные органы и средства массовой информации...

В связи с недостаточной эффективностью правительственных антикризисных мер я уже писал о необходимости смены правящей нами команды» [16].

Администраторы, работающие без оплаты (на «кормлении»?), «финансово независимые и самоуправляемые» суды и правоохранительные органы – это и есть антигосударственная утопия, импортируемая в Россию «пятой колонной». Заодно и напоминание «о необходимости смены правящей нами команды» - на кого? Огласите весь список ваших кадров...

Российское государство финансирует и те силы, которые подрывают государственность, действуя в сфере искусства. Например, большая часть фильмов, ведущих подрывную работу против государственности вообще и против советского и российского государства в особенности, были выпущены при поддержке госбюджета. Апеллируя к антигосударственному чувству обывателя и к голливудским стереотипам «благородного мстителя», эти фильмы хорошо принимаются нынешним массовым сознанием и продолжают его разрушение (примером служит успех фильма С. Говорухина «Ворошиловский стрелок»).

Главный редактор журнала «Искусство кино» Д.Б. Дондурей в докладе на международном симпозиуме отмечает важное качество российских фильмов 90-х годов – их крайнюю антигосударственность: «Почти во всех без исключения современных фильмах государ-

ственные институты в лице носителей их функций интерпретированы резко негативно» [17].

Таким образом, не имея возможности (а, вероятно, и желания) порвать пуповину, которая связывает нынешнюю власть России с антисоветским проектом «Горбачева-Ельцина», эта власть остается связана и с антигосударственными силами, выполнявшими этот проект. В результате власть раз за разом совершает такие ошибки, которые скорее похожи на диверсии. Россия переживает аномальную ситуацию – череду «частичных самосвержений» государственной власти в виде действий или решений, которыми власть сама подрывает собственную легитимность.

Более того, постмодернистский характер политических технологий, которые применялись при «демократизации» российского государства, привел к архаизации общественных процессов. Одним из таких проявлений стал политический луддизм, который наблюдался в ходе «оранжевой» революции на Украине. Наблюдатели отмечали: «В ходе событий в Тбилиси, Киеве и Бишкеке появились первые признаки того, что на политической повестке дня оказались уже не вопросы борьбы за власть, а борьбы с властью» [18].

Это – результат крайнего отчуждения от власти, которым пользуются «оранжевые» силы. Они мобилизуют толпу не на борьбу против конкретной политики власти, а отвергают ее как институт, образно говоря, разрушают машину государства. Ранее политический луддизм был присущ «слаборазвитым» странам, и трудно было ожидать, что он так органично впишется в политические технологии постсоветской страны с все еще высокообразованным населением (как говорят, постмодерн стирает саму грань между революцией и реакцией). Для этой формы пассивного протеста обстановка в Российской Федерации благоприятна, и он может представлять существенную угрозу для государства – бороться с ним непросто.

В этом опыте «оранжевой» революции некоторые российские политтехнологи увидели многообещающую форму политического действия. Суть ее в «организационном оформлении широкого народного движения нового типа, которое будет видеть смысл и цель своего существования не в борьбе за власть, а в борьбе с властью. Отсюда, от этого полюса, будет постоянно исходить импульс атаки на любую власть, какой бы она ни была по персонально-качественному составу или идейно-политической ориентации. В случае возникновения и организационного оформления этого полюса в России может возникнуть инструмент эффективного, не отягощенного конформизмом посредников воздействия на власть» [18].

Противоестественный симбиоз власти с антигосударственными силами, которые к тому же осознали себя как часть «глобальной элиты», - угроза для России.

12.01.2010. Был "круглый стол" в газете "Завтра"/Три задачи Сталину/

Мне прислали выступления участников, и я написал свое "выступление".

Весь "стол" тут - <http://zavtra.ru/cgi//veil//data/zavtra/09/841/21.html>

А выступление - вот оно:

СЕРГЕЙ КАРА-МУРЗА, ПИСАТЕЛЬ, ПУБЛИЦИСТ.

"Новый Сталин неизбежен. Новый Сталин грядет... Сталин — это функция русской истории, ее кумулятивный эффект... Явление Нового Сталина — неизбежный процесс, связанный с социальной тектоникой..."

Хорошо сказано! Газета "Завтра" в ударе. По-моему, именно она, а не Сталин — "функция русской истории". Она похожа на функцию уже тем, что перпендикулярна оси аргументов.

Но поговорим о "социальной тектонике", раз уж именно она родит Сталина.

Первый вопрос: она всегда рождает Сталина, хоть иногда и без усов? Или, бывает, и уродов? И как угадать, что очередной младенец — это "Сталин сегодня"? К какому вертепу нести дары? Конкретно, Путин ведь намекал, что именно он — Сталин. Да и Проханов подмигивал — почему же никто не понял? Потому что усов нет и ГУЛАГа? Усы при нанотехнологиях не проблема. А вот для ГУЛАГа нет ни зеков нужного качества, ни охраны. Системный кризис, господа.

Поскольку "Завтра" уверена, что Сталин обязательно прилетит на голубом вертолете, есть смысл оставить ему задания, как обустроить Россию. А то и впрямь сделает по указке Делягина — "вненормативное устранение любых преград". Неважно, о каких процессах речь, реализация такой философии — кирдык моментальный.

Что нам здесь надо: "нарисовать красиво" или представить себе разумные действия "неопознанного летающего Сталина", если он вдруг приземлится в Кремле? То есть, его действия не в светлом "образе будущего", а в реальной "социальной тектонике" здесь и сейчас. Я выскажусь во втором жанре.

Как мы дошли до жизни такой? Как сказал Александр Панарин, в СССР победило "восстание юноши Эдипа". Обманули советского человека — и выиграл комплекс! Ах, обмануть меня не трудно, я сам обманываться рад. В 1993 и 1996 гг. были сделаны тесты: и пушками, и выборами. Те, кто не обманулся, оказались бессильны. Бывает. С тех пор много "необманутых" выбыли по возрасту, но стала расти масса "недовольных". Им подкинули нефтедолларов. Так о какой тектонике речь? Россия должна пройти через пропасть — период потерянного поколения. Что делать Сталину, если он упадет в Кремль раньше времени? Кому он скажет: "Дорогие братья и сестры! К вам обращаюсь я, друзья мои!"?

Тот Сталин был создан советским человеком, который подспудно полвека вызревал в России. Потому и были "братья и сестры" — многомиллионный "орден меченосцев". Сейчас он в лучшем случае "в зародыше". А работать надо с теми, кто есть в наличии.

Отсюда первое послание Сталину-НЛЮ: "Приказано выжить!" Приказ почти невыполнимый, его труднее выполнить, чем волю избирателей в 1996 г. — статья Зюганову президентом.

"Тот" Сталин после 1917 г., будучи на пяточке "вершины власти", почти двадцать лет обнимался с Троцким и Ко. И это — имея надежную опору из пары миллионов красных командиров. Чего он ждал? Он давал своей опоре время обучиться, стать вровень с противником и заполнить госаппарат. Новому Сталину создать такую опору из грядущей молодежи будет труднее — нет у нее за спиной уроков войны, нет того братства и того религиозного порыва. Мы — на нисходящей ветви культуры, момент взлета неизвестен. Отсюда и второй приказ: "Продержаться до взлёта". Задача тоже почти невыполнимая, но на то и Сталин.

Другое дело, что этот взлет надо готовить, а подростков и юношей воспитывать. Тут полезных советов "Завтра" не дает. Она требует революции ("вернуться от реформ к нормальности"), но о ее движущих силах — ни гу-гу. Ни на языке классового подхода, ни на языке цивилизационного. А ведь революция — это когда "ведомые ведут ведущих". Ведомых у нас полторы сотни миллионов, да ведущих нет. Жириновский с Лимоновым? Узок круг этих революционеров! Соответственно, и ведомые не желают их вести на баррикады, и сами не идут. Возврат к нормальности откладывается до нормализации положения.

Если так, чем же не угодил нынешний тандем? Почему не считать его двуглавым Сталиным в условиях "ненормальности"? Потому, что он не хочет "в руководстве бюджетом" следовать формуле Делягина "всё для россиянина"? А может, верхи еще "могут править по-старому", без этой формулы? С Лениным спорить?

Да и вообще, все это мелочи. Альтернативы "курсу Путина" оппозиция не предложила — вот в чем дело. Ибо это оказалось гораздо сложнее, чем ожидали. Вместо того, чтобы изучить природу нашего кризиса и выработать связный проект, оппозиция "боролась за власть". Даже победила один раз, но разумно спряталась. А теперь кого прочит — Белковского в президенты? В результате две трети вообще перестали ходить на выборы, а остальные дают оппозиции чуть-чуть голосов из экологических соображений, чтобы "сохранить редкий вид".

Отсюда и "третий приказ" товарищу Сталину — собрать людей, способных выстроить новое обществоведение, которое бы объяснило состояние России и возможные способы лечения. Общество больно, а от него требуют "покаяния и революции". Нам необходимо обществоведение на научной основе.

Вместо него мы пробавлялись романтической натурфилософией, покуда было живо поколение, державшее страну на ремесленном знании, на опыте. У нас было время на эту работу, и в этом была обязанность оппозиции, но она двадцать лет давила все зародыши этой науки. Теперь надежда на нового Сталина. Может, он создаст для нее нишу, хоть в шарашке. Обращаться к новой молодежи со старыми обличениями и патетикой — значить убивать всякую надежду. Неужели "Завтра" этого еще не поняла?

Пока Сталин не объявился, советы ему на уровне здравого смысла можно публиковать или сдавать в экспедицию нынешней власти, там он потом их и заберет. Так же и критический анализ мыслей, слов и действий власти — как знания, части нового обществоведения. Здесь эти советы нет смысла выкладывать.

Можно ли допустить, что этот неопознанный Сталин сбрил усы и скрывается в Кремле? Я лично в это не верю, но не верю сердцем, исходя из личной суммы впечатлений. Разумных доводов такому неверию у меня нет. Я прикидываю, как бы должен был действовать этот Сталин, чтобы выполнить мои первые два задания: выжить и протянуть жизнь России до подхода нового дееспособного поколения. И выходит, что он бы действовал примерно так же, как Путин. Можно ли было действовать круче и говорить яснее, я лично не знаю. Не владею информацией. Я бы, скорее всего, не удержался и чего-нибудь натворил, но с меня какой спрос, я негоден.

Да, третью задачу власть не решает, создавать новое знание о больном обществе России не помогает, но и не давит зародыши этого знания так активно, как это делали "свои". И это очень и очень немало. Возможно, не давит из равнодушия. Непосредственного вреда власти это знание не наносит, а что будет дальше — ей неинтересно. Но это лирика, важен факт.

В принципе, все три задачи Сталину мы можем пока выполнять и сами — а вдруг под нашим крылышком он и вырастет. Но поди ж ты, и тут вряд ли договоримся. Нашим левопатриотическим корифеям наука не нужна, они и так всё знают. Да они, думаю, и выживут при любых режимах. На то и корифеи.

13.01.2010.: К теме милиции. Статья 1995 г.

Не осознавая утрат

Одной из опасных болезней цивилизации назвал Ницше в конце прошлого века утрату интеллектуальной совести. Эта болезнь поразила «культурный слой» и состоит она в том, что либеральная элита усвоила двойную мораль. По словам философа, интеллигент привык взвешивать явления «фальшивыми гирями», и бесполезно ему на это указывать - ему не стыдно. В перестройке и реформе это позорное качество души проявилось у «демократов» в неприличных размерах.

Особый объект - антисоветские фильмы, которые стали заполнять экран ТВ. В ночь перед выборами, когда уже была запрещена агитация, ТВ пустило один такой фильм - «Русский

рэгтайм» (1993 года). Популярныe актeры - К.Райкин, А.Ширвиндт должны были привлечь зрителя к этой агитке. Остановлюсь только на одной мысли фильма о делах 1974 года. Она в том, что советское общество якобы породило жестокий, репрессивный и бесчеловечный тип полиции - милицию. Этот вывод подкреплeн таким эпизодом: трое приятелей в разгар праздника 7 ноября залезают выпить на крышу и просто из озорства срывают и рвут красный флаг. Милиционеры, поднявшись на крышу согнать парней, при виде испорченного флага хватают одного. В отделении его садистски, с издевательствами избивают, потом везут в КГБ, избивая и по дороге. Потом его вовлекают в провокацию против диссидентов, но это уже другая тема.

Мы не дети и знаем, что в милиции бывали и эксцессы, и преступления. Но фильм - вовсе не протест против этого. Показана единая, действующая в соответствии со своей природой система - вся милиция снизу доверху и во всю ее ширь. А через милицию - все общество. Еще пять-шесть лет назад даже этот фильм можно было бы воспринять как протест, пусть с перехлестом, но в 1993 г., когда доламывался советский строй, авторы фильма наносили хладнокровный удар связанному противнику - на уничтожение. Гадостью соучастия они повязывали всех зрителей. Эти заплечных дел мастера культуры не могли не видеть аморальности своей поделки. Но я не о них, а о зрителях. Очень многие из них не могут восстановить логику данного им эпизода, а воспринимают его как художественный образ. Он действует на их подсознание и подталкивает к отказу от советского образа жизни - к выбору судьбы. Ведь в этом суть. Нас толкают на совсем иной путь жизни, а мы все думаем, что речь идет о «критике недостатков».

Чтобы стряхнуть наваждение, давайте рассмотрим именно смысл эпизода. Он в том, что бессмысленная жестокость и ненависть к задержанным (даже по самому невинному поводу) - родовое свойство советской милиции, не зависящее от личности самих милиционеров. Что образы Анискина, Ивана Лапшина, дяди Степы и проч. - плод лживой идеологии, они полностью противоречат реальности. А так как эти утверждения имеют смысл лишь в сравнении, то подразумевается, что полиция иного, «правильного» общества принципиально гуманнее. То, что показано как типичное для СССР 1974 года, было бы, мол, абсолютно невозможно на Западе. Там, если что-то подобное и случается, то это аномалия, дело рук отдельных садистов, проникающих в полицию. Насколько могу судить, многие с таким выводом соглашаются: мол, советский строй многим был хорош, но вот милиция - уж как груба. А вот «там»...

Я на основании обширного материала утверждаю совершенно противоположное: сам тип нашей милиции и ее отношения к человеку есть, в сравнении с западной полицией, один из важнейших доводов в пользу советского строя. При том, что по многим внешним параметрам (отесанность, вежливость, набор навыков) западная полиция намного превосходит милицию.

Если коротко, я сказал бы так. Для милиции все граждане имели примерно одинаковый статус - человека. Не было установки относиться к какой-то широкой категории людей с ненавистью, вычеркивать их из понятия права и правды. Полиция же, в соответствии с глубинным смыслом гражданского общества, делит людей на избранных и отверженных. И обращение с этой второй категорией, с «выпавшими из цивилизации» поразительно, необъяснимо жестоко. И это - именно не аномалия, а суть. Она - уже в устрашающем виде полицейского, в мощи фигуры и экипировки «новых центурионов».

Иногда это объясняют подспудным расизмом, который выражается в особом отношении полиции к «цветным». Но дело сложнее: расовое чувство неразрывно связано с социальным, и отверженные «демонизируются» в общественном сознании. А это не только оправдывает жестокость полиции, но толкает ее к этой жестокости. Равновесие в обществе держится на этой «холодной гражданской войне».

Факты впечатляют. Весь мир обошел случайно сделанный видеофильм (человек купил камеру и решил ее попробовать прямо у двери магазина): четверо полисменов остановили водителя-негра, проехавшего на красный свет, и без всякого повода избili его так, что он остался инвалидом. Фильм четыре часа подряд просматривал суд присяжных - и оправдал полицейских. Тогда начались волнения в Лос Анджелесе, в которых погибло 70 человек, урон 2 млрд. долл. Клинтон потребовал нового суда, и два полисмена получили по три года.

Но за этим случаем - система. Негров в США 12 проц. Среди тех, кто употребляет наркотики, негров 13 проц. Среди тех, кого за это задерживает полиция, негров 35 проц. Среди тех, кого за это осуждают, их 55 проц. А среди тех, кто за это сидит в тюрьме - 74 проц. Это - двойное право, приложенное к миллионам граждан. Сейчас оно дополнено драконовским законом о рецидивистах: за третье преступление, независимо от тяжести, дается 25 лет тюрьмы.

Прошлым летом газеты широко обсуждали такой случай в Калифорнии. Три подростка в парке купили пиццу и не съели один кусок. К ним подошел молодой безработный негр и спросил, не позволят ли джентльмены забрать ему этот кусок, если они его не будут есть. Джентльмены разрешили, никто не возразил. Но один мальчик рассказал отцу и сказал, что он не хотел отдавать кусок пиццы, но промолчал, потому что постеснялся отказать. Негра арестовали и осудили на 25 лет тюрьмы. Никаких претензий к его поведению в этом эпизоде не было, он лишь посягнул на собственность. Когда этот случай обсуждался в прессе, юристы подчеркивали, что речь идет именно о типичном случае - он просто привлек внимание своей «чистотой».

И дело не в расизме США, то же мы видим в терпимой Европе. Девушка с Ямайки приехала в Англию погостить к матери. Она просрочила визу, и попала в полицию. В машине ей заклеили пластырем рот и сели ей на грудь. Привезли ее уже мертвой - у нее были раздавлены легкие и почки. Полиция ведет тяжбу с матерью, доказывая, что смерть наступила не от болевого шока, а просто от удушья - неправильно приклеили пластырь. Это - Англия 1994 года.

А вот Гамбург 1995 года. В участке полиции, контролирующем район порта, под следствием 80 служащих - весь дивизион. Они загоняли раздетых догола подозреваемых иммигрантов в тесную камеру и устраивали им «душ» из слезоточивых газов. Ставили на колени лицом к стене и имитировали расстрел. И прочее в том же стиле. Командование знало и одобряло.

Эти примеры можно множить без конца. Они - не продукт личного садизма конкретных полицейских, а плод самой философии общества, порождающего эту полицию. Даже те, кто получал зуботычины и синяки в советской милиции, скажут, что ничего подобного в ее отношениях с населением не было. Когда я стал студентом, меня отрядили в бригаду, а потом в дружину, и я тянул эту ляжку 30 лет. Последние двадцать лет меня оставляли дежурить в отделении, я был свидетелем, понятым. По моим подсчетам, присутствовал при «обработке» не менее тысячи задержанных: протокол, обыск, помещение в камеру, крики, драки. Повидал и послушал милиционеров нескольких поколений - от фронтовиков до курсантов. И меня поражал именно дух этих людей. Как они не поддавались соблазну озлобления и мизантропии? Ведь сама тяжкая работа к этому толкала.

И посмотрите, как резко меняются те же самые люди, стоит только сломать философские основания общества (это глубже, чем идеология). Вот, невнятно ТВ сообщило о случае, еще пять лет назад немыслимом в СССР. Моряки с украинского сухогруза обнаружили на борту восьмерых «зайцев» из Африки и по приказу капитана расстреляли их и тела сбросили в море. Одного не заметили - он и сообщил. Это и есть новое мышление. Ведь это уже показал и ОМОН, который даже западную форму перенимает.

Не буду поминать октябрь 1993 г., вот сценка бытовая. На платформе люди ожидают электричку, тут же подвыпивший пожилой мужчина с огромной овчаркой, кого-то встречает. Подходят два омовца в комбинезонах и картузах. Прицепились к человеку, требуют удалиться - все правильно. Он, по привычке, пререкается, объясняет. Совершенно неожиданно они начинают молотить его дубинками. Все на платформе ахнули, тем более, что, казалось, овчарка вцепится в горло обидчику хозяина - произойдет драма. Но собака, чутьем поняв, что это уже не милиция, что сейчас ее пристрелят, прячется за хозяина и воет, как волк. Избитому надевают наручники и уводят. Вся платформа застыла в буквально скорбном молчании - оно меня поразило. Некоторые женщины плакали и шептали: «Зачем?!». Зачем этот оскал власти? Нужен, дорогие мои, просто необходим.

Совершенно ту же бесстрастную жестокость, что и к «цветным», проявляет полиция Запада к отверженным другого рода - диссидентам, как-то беспокоящим общество. Большую полемику породил приговор Европейского трибунала прав человека, вынесенный Великобритании в сентябре 1995 г. Дело мелкое - в 1988 г. в Гибралтаре агенты полиции застрелили на улице трех известных республиканцев из Северной Ирландии. Как сказано в приговоре, «без всякой необходимости». Они были безоружны, их никто не пытался арестовать - просто застрелили. По поводу приговора поднялся шум, рассерчали и Мейджор, и Тэтчер. И тогда пошли в ход документы. Оказалось, что в Ольстере без суда и следствия были застрелены около 400 безоружных, уже задержанных республиканцев. Я уж не говорю о той шестерке бедолаг, которые под пытками «признались» в не совершенном ими преступлении и 12 лет просидели в лондонской тюрьме. Вышли в 1990 г. Вот тебе и правовое государство.

Дальше - больше. Опубликовали историю целой сети негласных убийц «Гладиатор». Она была создана в 1951 г. НАТО и подчинялась его высшему командованию, что признал экс-генеральный секретарь НАТО Манфред Вернер. В эту организацию вербовались неонацисты из Черного Интернационала, цель - развязать террор в случае прихода к власти коммунистов в Западной Европе. На счету «гладиаторов» большое количество убийств и провокаций, особенно в Италии и Испании. Сорок лет содержать такую организацию государственного терроризма - это как? А убийство, прямо в тюрьме, в 1977 г., руководителей немецких анархистов? Что-нибудь подобное по типологии и масштабу видели мы в «тоталитарном» брежневском СССР?

Скажут - политика, и надо же было бедному Западу бороться с чумой коммунизма. А ведь коммунизмом тут и не пахнет. Авторы фильма «Русский рэгтайм» взывают: какая невинная шутка - изорвать флаг, разве можно за это в милицию! А попробуйте перенести эту ситуацию в США - кто-то в праздник Дня независимости срывает флаг и рвет его в клочки. Его бы забили дубинками, но что самое интересное - это вызвало бы у наших «демократов» глубокую симпатию к США. В этом и суть.

Но и ссылка на политику неверна - жестокость полиции направлена против всяких диссидентов, которые объявляются нежелательными. Так, например, вдруг почему-то поступают с некоторыми сектами - при их огромном обилии. Помню, в 70-е годы в центре Филладельфии разбомбили с вертолета дом, в котором обитала коммуна сектантов. Никто тогда не мог объяснить смысла этой акции. Так же необъяснимо поведение полиции в деле с сектой проповедника Кореша в 1993 г. Да, мракобесы - заперлись на ферме и стали ждать конца света. Полиция решила это мракобесие пресечь. Но как? Сначала - в течение недели оглушая сектантов рок-музыкой из мощных динамиков (Кореш - фанат рока, и эксперты почему-то решили, что он расслабится и отменит конец света). А потом пошли на штурм - открыли по ферме огонь и стали долбить стену танком. Я был в США и наблюдал это в прямом эфире - спектакль на всю страну. Начался пожар, и практически все обитатели фермы сгорели - 82 трупа. А через год суд оправдал оставшихся в живых 11 сектантов - состава преступления в их действиях не было. На суде прослушивали записи криков женщин и детей, которые умоляли не стрелять по ним.

Повторяю, что из западной прессы можно набрать ворох таких случаев, и в них видна именно система. Говорю это не с целью обличить, обвинить и т.д. Общественная мысль Запада воспринимает это как симптом глубокой болезни своей цивилизации, как червоточину самого корня гражданского общества. Уже тридцать лет обсуждаются потрясающие эксперименты Мильграма - изучение поведения белых американцев из среднего класса, которым дано право наказывать других. И более поздние, проведенные уже в 70-х годах не менее впечатляющие эксперименты Зимбардо, в которых часть испытуемых играла роль заключенных, а другая - роль тюремных надзирателей. Об этих опытах просто страшно читать (а надо бы нам прочесть о них).

И, зная это, интеллектуалы от демократии призывают нас сломать пусть еще далекое от совершенства, но лишенное этих глубинных пороков порождение нашей цивилизации - советскую милицию. Ведь она - особое культурное явление, важная для всего мира ценность. И печально видеть, что масса людей, насмотревшись примитивных фильмов-однодневок, апатично соглашается на уничтожение этой ценности - ростка нового, неразрушимого человеческого общежития.

Так мы сдаем без боя выстраданное отцами достоинство, утрата которого очень скоро ударит по каждой семье.

Декабрь 1995 г.

16.01.2010. Легальность и легитимность

Легитимность как условие устойчивости власти - это совсем не то же самое, что ее законность (легальность), т.е. формальное соответствие законам страны. Формально законная власть еще должна приобрести легитимность, обеспечить свою легитимизацию, то есть «превращение власти в авторитет».

Как же определяют, в двух словах, суть легитимности ведущие ученые в этой области? Примерно так: это убежденность большинства общества в том, что данная власть действует во благо народу и обеспечивает спасение страны, что эта власть сохраняет главные ее ценности. Такую власть уважают (разумом), а многие и любят (сердцем), хотя при всякой власти у каждого отдельного человека есть основания для недовольства и обид.

Вполне законная власть, утратив авторитет, теряет свою легитимность и становится бессильной. Если на политической арене есть конкурент, он эту законную, но бессильную власть устраняет без труда. Так произошло в феврале 1917 г. с российской монархией, так же произошло в октябре 1917 г. с Временным правительством. Никого тогда не волновал вопрос законности его формирования – оно не завоевало авторитета и не приобрело легитимности. Его попросили «очистить помещение», и в тот вечер даже театры в Петрограде не прервали спектаклей (уже потом Эйзенштейн снял героический фильм – матросы, ворота, стрельба). На наших глазах за три года утратил легитимность режим Горбачева – и три человека собрались где-то в лесу и ликвидировали СССР.

Наоборот, власть, завоевавшая авторитет и ставшая легитимной, тем самым приобретает и законность – она уже не нуждается в формальном обосновании. О «незаконности» власти (например, советской) начинают говорить именно тогда, когда она утрачивает авторитет, а до этого такие разговоры показались бы просто странными.

Настоящий момент В.В. Путин определил так: мы живем в условиях, созданных развалом великой страны. Российская Федерация – государство постсоветское. Значит, нельзя говорить, что оно уже сформировалось, приставка «пост» означает, что мы пребываем в переходном периоде и действуем в рамках ограничений, заданных катастрофой краха СССР. Современная Россия и в формационном плане является государством переходного типа, ее общественный строй еще не устоялся, возникшие в 90-е годы производственные отношения с большой натяжкой можно отнести к капитализму, в социальной системе законсер-

вированы многие структуры советского типа, хотя в сильно подорванном и деформированном состоянии.

Российское государство еще не «готово», замораживать нашу государственную систему рано. Она – строится, и возникающие на стройплощадке зоны хаоса обладают творческими потенциями, хотя и таят в себе угрозы. Но тем более легитимизация есть чрезвычайная и актуальная задача государства.

Актуальность определена тем, что Россия слишком долго, уже двадцать лет, живет в состоянии нестабильного равновесия, которое испытывает давление извне в геополитических целях – при наличии внутри страны влиятельных сил, также заинтересованных в дестабилизации. Предпосылки для этого имеют системный характер, они представляют собой взаимосвязанные «дремлющие» (латентные) кризисы социальных и национальных отношений, деградацию систем жизнеобеспечения, безопасности и культуры, быстрые изменения в массовом сознании.

Созревание всех этих частных кризисов и соединение их в систему с переходом в новое качественное состояние есть результат стратегического политического выбора, принятого властной бригадой Б.Н. Ельцина в целях разрушения советской системы. Маховик разогнали так, что он после 1991 г. продолжал крушить государство постсоветской России.

Все 90-е годы постсоветское государство России переживало острый кризис легитимности. Это были годы неявной гражданской войны в двух ее вариантах - информационно-психологической и экономической. В этой войне подавляющее большинство населения («старые русские») потерпели поражение и были обобраны победителями. Большинство ввергли в бедность и страх, поломали жизненные планы, трудовую этику, систему легальных доходов. Повредили и те институты, которые воспроизводили народ – школу, медицину, армию, науку. Народ был в большой мере «разобран» и парализован.

В холодной гражданской войне 90-х годов государство выступило на стороне «новых русских», что к середине 90-х годов стало очевидно абсолютно всем. Это выразилось в беспрецедентном падении доверия к президенту (2%) и в столь же беспрецедентной попытке парламента объявить ему импичмент с обвинением в «геноциде народа собственной страны». Голосов для отрешения его от власти не хватило, но это не важно – слово было сказано, оно всерьез обсуждалось и, прямо скажем, было принято массовым сознанием.

Было почти очевидно и общепризнанно, что государство «эпохи Ельцина» не обеспечивало выживания страны и народа. В той войне «нового типа», которая прокатилась по России, был разрушен образ жизни, на языке которого велась легитимизация прежнего государства. Был разрушен дискурс власти.

16.01.2010. Уточним понятия. Кризис легитимности

Кризис, в который втянулась Россия в конце XX века, называют системным. Это значит, что повреждены все системы страны, она больна. Едва ли не главная опасность, порожденная болезнью – возможный распад страны и почти полная утрата суверенитета ее осколками.

Это всегда – общее бедствие и источник массовых страданий народа. Старшие поколения помнят, к чему привел развал СССР. Эту программу продолжила «бригада Ельцина», который ездил по регионам и уговаривал: «Берите суверенитета, сколько проглотите». Силы, которые за ними стояли, никуда не делись, и для них Россия – такая же «империя», как СССР, только поменьше. Цель развала России с повестки не снята, и работа не прекращается. Каковы перспективы?

Нынешняя Россия (РФ) – система переходная, в неустойчивом равновесии. В ней сегодня одновременно идут процессы распада и укрепления. Куда качнутся весы – зависит и от

власти, и от всех нас. Подавляющее большинство, конечно, старается укрепить страну, но баланс сил решается не численностью «партий». Главным фактором здесь является легитимность государственной власти. Самая непосредственная угроза для России как раз и заключается в том, что утрата легитимности может достичь критической, пороговой точки, за которой начнется лавинообразный процесс разрушения власти.

В эти моменты возникает опасность свержения самой власти и глубокого изменения типа государственности. Как правило, в стабильном государстве смена и первых лиц, и властной команды происходит регулярно в соответствии с принятыми правовыми процедурами. При наличии противоречий внутри самой правящей верхушки возникают нештатные ситуации (как например, при снятии Н.С. Хрущева в СССР в 1964 г.), но они практически не затрагивают общества и носят характер «дворцового переворота».

Проблема возникает, когда «правлящие силы» решают целиком заменить властную команду на другую, более подходящую этим «правлящим силам» в новых, изменившихся условиях. Когда смена этой команды (включая президента или премьер-министра) мало затрагивает интересы конфликтующих сил, она проходит гладко и никто не сопротивляется. Особенно легко это происходит в президентских республиках, ибо с отдельным политиком можно договориться или ему можно пригрозить. Для его замены не требуется дорогостоящих операций типа «революции». Впрочем, при современных технологиях и революции производятся за сравнительно небольшую цену, а эффект дают большой (как это видели в Грузии и на Украине).

Стабильность власти не может быть обеспечена только средствами принуждения (в том числе с помощью насилия), для неё необходима вера в законность власти. Никколо Макиавелли - политик и мыслитель Возрождения (XV-XVI века) - первым из теоретиков государства заявил, что власть держится на силе и согласии (эта концепция получила название «макиавеллиевский кентавр»). Отсюда вытекает, что «Государь» должен непрерывно вести особую работу по завоеванию и удержанию активного благожелательного согласия подданных.

Мельком надо сказать и об иррациональном факторе прочности власти – любви к ней.

Как-то еще в 1999 г. по радио выступал представитель оппозиции и критиковал правительство. Позвонил радиослушатель и задал вопрос: «Почему вы не любите власть?» Вопрос привел и ведущего, и его гостя в замешательство. Ответ был какой-то неуверенный – мол, при чем здесь любовь? Власть – не жена, не подруга, разве здесь уместны такие чувства?

Но вопрос «почему вы не любите власть?» вовсе не лишен смысла, хотя власть и впрямь не жена. Но ведь не только жену можно любить или не любить. Только ли разум влияет на наше отношение к власти? Нет. Выработка этого отношения так важна в нашей жизни, что к этому делу привлекаются все сферы нашей духовной организации – разум, чувства, вера, воображение и т.д. Раньше, например, власть монарха утверждала Церковь, уполномоченная толковать Божественное Откровение, и огромную роль в признании власти монарха играла вера, а аргументы, идущие от разума, даже признавались неуместными.

На деле вопрос важный, но о нем не говорят. Действительно, как люди определяют свое отношение к власти? Оно складывается по наитию, по тайной склонности души? Есть ли общедоступный метод для того, чтобы выработать человеку разумную позицию в отношении вполне конкретной власти или, более узко, правительства? Как ни странно, в знаниях по этому вопросу у большинства оказалась прореха, как-то об этом никогда не думали, каждый пользовался своим методом. Одни голосуют сердцем, другие чувствуют спинным мозгом, третьих очаровывает умение играть на ложках и ущипнуть секретаршу немецкого канцлера.

Между тем отношение граждан к власти – один из наиболее разработанных разделов социологии, а пропаганда в поддержку власти – одна из политических технологий, на которую расходуются колоссальные средства. На этот процесс, происходящий в уме и сердце человека, власть стремится активно повлиять, привлекая все наличные силы – всех тех, чье слово или жест могут повлиять на человека. На одних Окуджава подействует, на других Алла Пугачева, третьи млеют при виде академиков. Очень многие люди поддаются этому воздействию и просто начинают «любить» власть.

Иррациональные доводы, недоступные логике и расчету, играют в укреплении или в подрыве власти огромную роль, и с этим надо считаться. Да и трудно различить разум и чувства. Ясно, что Алла Пугачева (шире – искусство), агитируя за президента, вовсе не к разуму обращалась, а к художественному чувству. На тех, кому ее песни и манеры не нравились, ее агитация не действовала. Конечно, разумный человек не должен бы попадать в таких вопросах под влияние даже такой очаровательной певицы, но ведь потерять голову от невразумительных речей Сахарова ничуть не более достойно.

В общем, для любви к власти у населения есть рациональные, хотя и неосознанные, основания. Власть – условие самого существования людей в обществе, как бы ни были прекрасны утопии анархистов. Особенно сильна эта любовь в тех народах, которые пережили длительные периоды смут и безвластия. Они начинали любить ту политическую силу, которая была способна восстановить государственную власть и порядок.

Еще родители ныне живущих стариков пережили русскую революцию и многое рассказали детям, а многие воспоминания остались в текстах. Тогда в России погибло очень много людей (с вескими доводами говорят о 12 миллионах человек). Подавляющее большинство (более 9/10) погибли не от «красной» или «белой» пули, а от тифа, от хаоса, от слома жизнеустройства. Прежде всего, от слома государства и хозяйства. Развал государства как силы, охраняющей право и порядок, выпустил на волю демона «молекулярной войны» - взаимостребления банд, групп, соседских дворов без всякой связи с каким-то политическим проектом.

Когда читаешь документы того времени, дневники и наблюдения, то получается, что масса обывателей перешла на сторону красных потому, что они сумели остановить, обуздать революцию и реставрировать государство. Это настолько не вяжется с официальной историей, что вывод кажется невероятным. «Государственный» инстинкт, которым не обладали либералы, проявился у Советов сразу. В первые же дни Февральской революции была ликвидирована полиция, из тюрьмы выпущены уголовники, и город жил под страхом массовых грабежей. Временное правительство создало милицию из студентов-добровольцев, а Совет — милицию из рабочих, фабрики и заводы обязаны были отрядить каждого десятого рабочего. Было очевидно, что основную работу по наведению порядка выполнила рабочая милиция.

Для населения очень важным был тот факт, что большевики смогли установить в Красной Армии более строгую дисциплину, чем в Белой. В Красной Армии была гибкая и разнообразная система воспитания солдат и действовал принцип круговой поруки (общей ответственности подразделения за проступки красноармейца, особенно в отношении населения). Белая армия не имела для этого ни сил, ни идей, ни морального авторитета – дисциплинарные механизмы старой армии перестали действовать [15]. М.М. Пришвин, мечтавший о приходе белых, 4 июня 1920 г. записал в дневнике: «Рассказывал вернувшийся пленник белых о бесчинствах, творившихся в армии Деникина, и всех нас охватило чувство радости, что мы просидели у красных».

М.М. Пришвин был противником большевиков, но хотя бы либералом. А вот свидетельство человека правых взглядов (близкого к октябристам) – А.В. Бабина (1866-1930), в эмиграции Алексис Бабине). В 1988 г. в Англии вышел его «Дневник русской гражданской войны. Алексис Бабине в Саратове. 1917-1922». Он отстраненно повествует о быто-

вой стороне гражданской войны, вплоть до подсчета оружейных выстрелов и пулеметных очередей. Из его дневников становятся ясны масштабы «стихийного» насилия в обстановке хаоса, агонии старой государственности. Рецензенты этой книги отмечают: «Разумеется, автор не смог скрыть своих политических симпатий. Они не на стороне большевиков... Но, странное дело, Бабин отмечает и оказываемую им поддержку со стороны «добропорядочных» граждан Саратова накануне перехода власти к Советам и неожиданные симпатии к новым правителям со стороны «ультраконсервативной» университетской профессуры».

Об этом же говорил и Пришвин: большевики сразу проявили себя как сила, занятая строительством власти, и это давало надежду на возрождение жизни. У множества «ультраконсервативных» буржуа и профессоров инстинкт жизни пересиливал их классовую ненависть. Н.А. Бердяев писал: «России грозила полная анархия, анархический распад, он был остановлен коммунистической диктатурой, которая нашла лозунги, которым народ согласился подчиниться» [16]. Даже крестьяне, которые испытывали тяготы продразверстки, поддерживали красных[1].

Угроза новой смуты, созданная внутривнутрипартийным расколом в конце 20-х годов, заставила массы поддержать (и «полюбить») Сталина, который эту угрозу устранил жестокими средствами.

Наши антисоветские либералы ненавидели типичного русского человека, «в глубине души которого пульсирует ментальность раба» (эта чеканная фраза одного академика обошла западную прессу). Ненавидели, потому что казалась непонятной и страшной любовь к власти. Именно любовь – при одновременной неприязни, страхе или даже презрении. Чувство это казалось неподвластным логике и расчету, но в глубине своей было разумным.

Конечно, при наличии такого чувства трудно ожидать возникновения гражданского общества, для которого власть – всего лишь «ночной сторож». Кто же любит сторожа! Его можно ценить, быть с ним вежливым, но в отношениях со сторожем или даже с «менеджером на контракте» любовь неуместна, ее там некуда всунуть. Возмущало наших демократов и то, что у нас любовь к одному царю, генсеку или президенту легко переносилась на следующего – даже если этот следующий свергал предыдущего. Давились на Ходынке от любви к царю, носили на руках Керенского, строили мавзолей Ленину... И ничуть не изменились в эпоху компьютеров и Интернета - аплодировали Горбачеву, восторгались Ельциным, симпатичным считают Путина. Любят, и все тут.

Но самое противное для либерального сознания то, что музыку этой любви невозможно алгеброй поверить - эта любовь у нас иссякает непредвиденно, моментально и необратимо. Политологи, прогнозы, рейтинги - все летит кувырком. Приемлемой теории, которая объяснила бы этот тип взаимоотношений общества и власти, нет. Ну, назвали это мудреным словом «харизма», люди из вежливости покивали. Но название, даже мудреное, не заменяет объяснения. Еще можно понять, как харизма исчезает – достаточно внимательно взглянуть в глаза Горбачева или почитать пару его текстов (правда, таких читателей теперь немного). Но как эта самая любовь могла в 1985 г. появиться – вот тайна. Те же глаза, те же тексты.

Наше образование, основанное на западных учебниках эпохи Просвещения, в этом вопросе оказалось бессильно. Не может социология, отработавшая свои методы на материале гражданского общества, понять людей с сильными пережитками общинности, их поведение кажется абсурдным (на деле можно говорить о совершенно иной рациональности). Из-за этого и наш образованный слой, и власть раз за разом ошибались и в предвидении хода истории, и в толковании событий.

Что же здесь разумного? Жесткий рациональный критерий, которому следует народная любовь к власти. Ее любят, если она выполняет свою главную миссию – гарантирует

«вечную жизнь» страны и народа. Конкретнее, устанавливает и надежно воспроизводит такой порядок, при котором эта вечная жизнь надежно защищена. Не выполняет власть этой задачи – от нее отворачиваются настолько, что даже личная судьба бывшего царя почти никого не волнует.

Из этого следует очень тревожный вывод, что неустойчивое равновесие в «любви к власти» очень хрупко. Риск слома равновесия, моментальной утраты легитимности властью, велик. Тенденции неблагоприятны - условно говоря, назревает революция «нового типа», но к ней никто не готовится. Некому будет подхватить бразды правления и тем более что-то «заковывать в бетон». А значит, велика опасность, что на арену вырвется, как предвидел Достоевский, своеволие. И второй акт «революции гунна» пережить нам будет гораздо труднее, чем первый, который Россия пережила в 90-е годы с еще толстым слоем подкожного советского жира.

17.01.2010. Отвечаю на несколько реплик

легитимность действующего политического режима для президента и его команды до лампочки.

Это метафора. Такого не может быть. Лучше сказать, что «действующий политический режим» (как система, а не отдельные личности) – временщик. Потребный ему уровень легитимности слишком низок и краткосрочен, чтобы можно было ставить и решать стратегические задачи страны.

Тут решаются более краткосрочные задачи - удержаться у власти как можно дольше.

Это утверждение противоречиво: «удержаться как можно дольше» - не «краткосрочная задача». Тут важнее знать не цель, а ограничение – «удержаться у власти как минимум до ... года».

Но нас, думаю, не слишком должны волновать внутренние побуждения правителей. Я вижу полезность этого режима в том, что он «подморозил» кризис и обеспечил на некоторое время подобие стабильности, что необходимо для проведения минимума «теоретической» работы, общественного диалога и организации ядра новой политической системы, способной действовать в условиях новой (грядущей) волны кризиса. Этот режим дает нам такой шанс. Мол, потрудитесь – и будет шанс вылезти из ямы. Не потрудитесь – не взыщете, значит, неспособны к жизни в новом мире как целостность.

Если так, то одинаково глупо и подтолкнуть сегодня к падению этот режим (посадить на его место «режим Каспарова»), и возлагать на этот режим большие надежды, не готовясь к тому моменту, когда придется его подтолкнуть как неспособного справиться с новым вызовом. К тому моменту и должны быть готовы теоретическая доктрина и новая организация. В этом случае неизбежное в среднесрочной перспективе «переформатирование» режима может произойти гладко – если регулярно демонтировать зародыши гражданской войны «от Каспарова».

Если бы не эсеры с меньшевиками, после Октября советская власть договорилась бы и с монархистами, и с русской буржуазией. Слишком силен оказался антисоветский революционный социалистический фронт.

Кстати, Ваши книги знатно поучаствовали в подрыве легитимности действующей власти.

Я старался поддерживать ее легитимность в оптимальном диапазоне. Вот, сейчас приходится слегка укреплять. Власть должна падать в нужный момент, а не когда ей захочется. Не хотелось бы, чтобы ее свергал Лимонов или Березовский.

Никогда люди не забудут про приватизацию и разрушение СССР, никакими нацпроектами они не откупятся. Тем более с ростом информированности людей им всё труднее объяснить причины того, что происходило в 90-е.

Не надо забывать, надо извлекать уроки, да и на себя в зеркало посмотреть – не «народный ли избранник» устроил «приватизацию и разрушение СССР»? Да и огорчаться на эти его дела стали, когда это на собственной шкуре отразилось, а надо было предвидеть. А «объяснить причины того» необходимо в любом случае, но для этого надо работать, а не растравлять раны и чувство мести.

Если наша элита действительно «на крючке» у элиты мировой, то им и не дадут обрести подлинную легитимность. Подорвать же её, как нефиг делать, достаточно нескольких фильмов про взрывы в Волгодонске, АПЛ Курск, счета за границей.

Ну и что, что «на крючке»? Нет такого крючка, чтобы хитрая рыба не сорвалась. Крючок это отговорка, чтобы не дергаться, а жевать червяка. Да и «элита мировая» - не всемогущий дьявол, сверхъестественной силой не обладает. А «подлинной легитимности» нет (в смысле «полной»). Нужна легитимность, достаточная для ответа на актуальный вызов. Как критическая масса нашего общества отреагирует на «несколько фильмов», во многом зависит именно от нас, в том числе от этого ЖЖ.

Можно говорить только о том, чтобы поддерживать легитимность в каких-то границах, чтоб недовольство не переходило в новое качество. Что они, похоже, и делают.

Да, и правильно делают. И нам нужно, чтобы «недовольство не переходило в новое качество», толкающее к следующему витку хаоса, лишаящему нас шанса на рывок. Для нас нужно «качество недовольства», задающее контуры нового проекта и собирающее людей на его платформе, а не на платформе «отомстить Чубайсу».

17.01.2010. Эрозия легитимности после 2000 г.: фундаментальные факторы

После 2000 г. новая властная верхушка России стала восстанавливать свой авторитет, попыталась «приподнять» страну в рамках коридора, заданного вектором «рыночной» реформы. То есть, не входя в серьезный конфликт ни с порожденным реформой слоем «новых собственников», ни с Западом. Делались шаги и к тому, чтобы расширить этот коридор, происходили стычки, которые заканчивались компромиссами.

В результате произошло некоторое перераспределение собственности и национального богатства, некоторое увеличение потока ресурсов, направляемых в экономику России и на потребление граждан. Величины это не слишком большие, но улучшение ряда показателей очевидно.

Это имело большой положительный эффект – успокоило людей, сказалось на здоровье, пробудило оптимизм, что само по себе есть важный фактор в преодолении кризиса. В образе государства возникло ядро легитимности. В.В. Путин шёл к этому порогу очень осторожно и постепенно, ронял фразы и намеки. Но работать стал образ Путина, созданный «внизу». И эти его намеки стали срывать разорванные связи нашего народа, как будто брызгали на них мёртвой водой. До живой воды дело пока не дошло, но теперь может и дойти – вот что изменилось!

Дальше – больше. Постсоветские куски пространства зашевелились и потянулись срывать, обнаружилась опасная живучесть имперского организма. При этом люди вовсе не строили иллюзий. Одно дело – образ, другое – ржавые трубы теплосетей, село без тракторов и удобрений, море без флота. Образ – не от мира сего, а на земле «волк кушает, и никого не слушает». Но без образа не собраться, чтобы преодолеть разруху на земле. Этот образ и стал символом.

Это – изменение исключительно важное. Символ – национальный ресурс, правильное использование которого может переломить ход событий. Но этот ресурс может быть и бездарно промотан, на что и делается важная ставка.

Власть демонстративно нарушает волю большинства граждан, выраженную пусть на условных, но все же выборах – как прежде издевалась над волей, выраженной на референдумах. Академик Н. Петраков пишет, почти с изумлением: «Ситуация складывается парадоксальная. В декабре 2003 года при выборах в Госдуму народ высказался против проводимой правыми экономической политики. По принятым во всем мире правилам люди, которые проводили экономический курс, отвергнутый избирателями, из правительства уходят. А у нас они все остались на своих местах. Все чиновничье ядро экономического блока в правительстве осталось правым. И именно они создают погоду в экономической политике» [3].

Что же дальше? Обладает ли эта ситуация внутренним потенциалом развития? Сама по себе нет, не обладает. Мобилизующее воздействие символического ресурса, не соединившееся до определенного срока с «материальным» организующим действием, станет угасать. Возможно, с ускорением. Этот критический срок приближается, а воздействие символа достигло потолка. Те, кого «собрал» В.В. Путин, ожидают от государства действий, которые надежно блокировали бы возникшие и нарастающие угрозы России. Таких действий пока нет, а динамика угроз неблагоприятна. Задержка с началом программы реальных действий будет размывать созданный за первые два срока «сгусток» легитимности, а это будет все больше и больше затруднять выработку и реализацию этой программы.

На эту опасность указывает тот факт, что президенты - В.В. Путин, а теперь Д.А. Медведев - обладают личным авторитетом, но правительство, то есть орган выработки и реализации реальных программ, авторитета, в общем, не приобрело. И признаков поворота к этому нет, недаром даже точечные «национальные проекты» пришлось поручать людям из ближайшего окружения самого В.В. Путина. Схема «добрый царь, злые министры» - средство аварийное и кратковременное. Его отказ вызывает лавинообразное падение авторитета власти. Строго говоря, уже и «национальные проекты» были двинуты как резерв главного командования, но фронта они не удержали. Положение осложнил кризис, и влияние его на состояние легитимности пока неопределенно.

Проблема в том, что победа В.В. Путина на символическом фронте маскирует тот факт, что на «реальном» фронте продолжается отступление, причем плохо организованное. От ельцинизма в наследство получены главные «институциональные матрицы» страны в изношенном и даже полуразрушенном состоянии – ЖКХ и школа, промышленность и сельское хозяйство, наука и армия. В 90-е годы их пытались демонтировать и эксплуатировали на износ, а пороговый момент этого износа наступил уже после ухода Ельцина. Темпы деградации приобрели ускорение именно в последние пять лет, и процесс этот приобрел массивный, неумолимый характер. Опасность в том, что улучшения повседневности («потока») не были сопряжены с улучшениями в «базе». Даже более того, улучшения во многом были достигнуты через проедание «базы». Проблема перекладывается на плечи следующего поколения (и нынешних 30-летних).

Масштабы потерь и дыр, которые надо затыкать в чрезвычайном режиме, несравнимы с теми средствами, которые может мобилизовать государство при нынешней хозяйственной системе. Власть об этом вообще не говорит, это табу. Попробуйте прикинуть, сколько стоит сегодня капитально отремонтировать ветхий и аварийный жилищный фонд страны! Сколько стоит срочно переложить полностью изношенную часть теплосетей! Люди не представляют, каковы масштабы этой задачи и сколько стоит, например, замена одного километра теплотрассы. А сколько стоит восстановление изношенного тракторного парка страны или вырезанного более чем наполовину отечественного стада скота? Сколько стоит приобретение заново всего морского флота?

Достаточно взглянуть на динамику самых критических показателей, чтобы понять, перед какой задачей встало государство именно в тот момент, когда люди вновь стали возлагать на него надежду. Динамика старения промышленного оборудования РФ за последние 9 лет не изменилась – несмотря на то, что на Россию пролился золотой дождь нефтедолларов. Труднее оценить, но, судя по всему, в том же темпе идет и эрозия кадрового потенциала страны.

Никто и не ставит это в вину нынешнему руководству, страна провалилась в такое состояние уже к середине 90-х годов. А вот нахождение способа вылезти из этой ямы – обязанность В.В. Путина и его команды. И когда выяснится, справились ли они с этой задачей или даже не попытались мобилизовать на ее решение дееспособное ядро общества, тогда и определится вопрос о легитимности.

Вторая проблема заключается в том, что структура «улучшений» и распределения ресурсов соответствует доктрине «анклавного» развития территории. Иными словами, не происходит восстановления отечественного хозяйства как целостной системы, а создаются островки «модерна и постмодерна» в море архаизации. А что мы видим не в социальном, а территориальном измерении? Тот же процесс – регионы расходятся по разным цивилизационным нишам. Связность страны утрачивается просто потому, что уклады жизни людей в разных частях уже не соединяют их. Разница между регионами в среднем доходе на душу в 12 раз означает распад страны, даже если она формально не расчленяется. Да, положение улучшается – в середине 90-х годов разница была почти 16 раз. Но ведь стабилизация происходит на уровне, несовместимом с единством страны.

Если так, то через сравнительно короткое время Россия в ее привычном образе как страны, народа и культуры, перестанет существовать. Масс-культура, которая, конечно, действует в соответствии с определенной доктриной, явно работает на понижение общего уровня духовной сферы. Из этого вытекает как следствие, что вектор событий последних восьми лет не ведет к системе социального жизнеустройства, которое обеспечивает выживание народа и страны. На этом пути они будут переформатированы с большими потерями.

Сложность в том, что не сложилось социального субъекта, способного поставить все эти вопросы в национальную повестку дня. В политической системе нет структуры, которая бы мыслила в этих понятиях. Ни власть, ни оппозиция не видят в этом нужды – они сложились в условиях кризиса советского мировоззрения, а затем «ростки сомнений» были целенаправленно вытравлены в 90-е годы дееспособной частью «прозападной элиты».

Более того, эти блоки и фильтры поставлены и в массовое сознание. Представим, что в лоне верховной власти сложилась влиятельная группа, решившая предпринять чрезвычайную программу восстановления страны как целого. Ей по необходимости придется отремонтировать и модернизировать многие социо-технические системы, построенные в советское время. По своей дешевизне и эффективности они адекватны ресурсным возможностям России, других подобных сейчас не найти и не создать. Замаскировать такую программу антисоветской фразеологией не удастся. Как же ее вести? Ведь «оранжевые» легко мобилизуют молодежь как таран против этой программы – «не желаем возврата в совок!»

В короткой главе не представить всю карту расколов и трещин, которые пошли по душе народа. Судя по всему, заделывать эти трещины и «ремонттировать» духовную сферу власть не собирается. Значит, не сменив доктрину, она не сможет и завоевать гегемонию, необходимую для сверхусилия «общего дела».

17.01.2010. Легитимность и политическая культура

Россия пребывает в состоянии плохо формализуемой аномалии. Это система порочных кругов, вдетых один в другой. А если в динамике, то это сверкание множества переходов

«порядок-хаос», так что в каждой точке действует принцип неопределенности. В этом смысле сегодня Россия – «страна постмодерна».

Говорить о преемственности, искать аналогии с временами Сталина, Ивана Грозного или Ярослава Мудрого сегодня бесполезно. Политическая культура – часть культуры. Говорить о ней в России сегодня – как говорить о сознании больного в лихорадочном бреде. Он тоже, конечно, человек, тоже мыслит, мычит и временами говорит. Но надо принимать во внимание лихорадку.

Например, спорят и даже ругаются: что у нас в России за политическая система? Демократия? Авторитаризм? Тоталитаризм? Все это бессмысленно. У нас суверенная демократия – посмотрите на градусник! Определить тип этой культуры трудно, явление многостороннее. Если видеть ее как систему ценностей и институтов, то можно сказать, что наша политическая культура сегодня – это гибрид соборности с коррупцией. То есть соединение ценностей целого с ценностью предательства – как полного отрицания целого. Горбачев с его ГКЧП, Ельцин на танке, ликующая толпа.

Из этого «свято-звериного» кентавра массы и политики вырастает провокация как высшее творение этой культуры. Без соборности массы, которая любит власть, такое искусство не могло бы возникнуть. В нем дышит гений Достоевского, и на знамени нынешней политики лики ее духовных отцов – Ивана Карамазова и Смердякова. Строение современной провокации столь совершенно, что люди, видя ловушку, вынуждены в нее лезть – это меньшее зло.

Культура СМИ как «видимой и слышимой» ипостаси политики целиком стоит на провокации. Даже ложь нашего телевидения утратила свои безобидные черты. Она уже не навевает человечеству сон золотой, не успокаивает. Слушаешь это вранье, и охватывает беспокойство – что за этим стоит? Принципом российской политической культуры стало держать уровень нервозности общества вблизи красной черты. Посмотришь в глаза Сванидзе – и мороз по коже.

Россия как цивилизация не успела успокоиться, придти к внутренней гармонии. В ней постоянно шло столкновение нескольких культурных ядер, и все с мессианской компонентой. Взять хотя бы наших неолибералов. Казалось бы, цель рациональная – обобрать «египтян». Но даже воровство проведено с религиозной страстью, превращено в Великий поход. Иной раз и Моисея помянут – водил сорок лет по пустыне, пока не вымерли, кому следовало. А мы, мол, чем хуже.

Население России из опыта знало, какие демоны беснуются в меньшинстве, что рвется в политику. Поэтому в развитой советской политической культуре ценилась стабильность и даже бесконфликтность. Голосовать единогласно, всех называть по имени-отчеству. Казалось, дух раздора загнан в бутылку, а идол «единства и борьбы противоположностей» стал экспонатом в музее диамата. Но пришел Горбачев, разбил бутылку и оживил идола.

За что люди ценили Путина? За то, что он снова подморозил этот разгул, завел Великий поход в бюрократическое болото и даже как будто загнал часть расплодившихся бесов в бутылки. Действовать надо было срочно, потому что к концу 90-х симптомы болезни стали опаснее, чем сама болезнь. Сейчас болезнь развивается, но температура слегка сбита. Мы получили резерв времени, из чего, конечно, не следует, что врач обязательно придет вовремя.

Политическая культура определяет возможность конструктивного диалога власти и общества. Пытаться без диалога двинуться на поиски пути, выводящего нас из ловушки 90-х годов, для государства было слишком опасно. Но не было организованной и авторитетной силы, которая предложила бы такой путь с шансами на успех. Кризис нашей культуры, мировоззрения, сознания и воли оказался гораздо глубже, чем думали.

Может ли кто-то сказать, что «Единая Россия» стала той интеллектуальной лабораторией и духовной силой, которая способна соединить население в народ общим проектом? Думаю, никто такого сказать не может, никто и не говорит. Мы перед очевидным фактом: голосовать людям приходится за партию, единственное достоинство которой – консервация. Даже последние ее попытки проявить инициативу (например, «русский проект») подтвердили это. Служит ли эта партия хотя бы теплицей, где лелеют ростки нового, где возникают сгустки новой мысли, нового языка и новой логики, адекватных нашему кризису? Нет, не служит. Нет этих ростков и сгустков, как ни старайся их найти и им чем-то помочь. Ведь это проблема национальная, многие постарались бы помочь, невзирая на политические расхождения.

Поразительное свойство этой партии – полное отсутствие чувства политической ответственности и рефлексии относительно собственных решений. Великих решений она на себя и не берет, но это проявляется в массе мелких. Вспомним принятие закона о «монетизации льгот» в январе 2005 г., который на время резко дестабилизировал обстановку и дорого обошелся казне. Зачем его принимали, вопреки предупреждениям специалистов? Пронеслась небольшая буря – и никакого урока.

А вот последнее подобное решение. 13 ноября 2009 г. Госдума приняла в третьем, окончательном чтении, законопроект об удвоении базовой ставки налога на транспортные средства. Законопроект был разработан Минфином и опубликован 25 августа. Он был одобрен решением Правительства, принятом в сентябре. Сразу пошла критика из регионов. Несмотря на это, имеющая в Госдуме большинство фракция «Единой России» приняла законопроект в трех чтениях. А 17 ноября руководитель администрации президента Сергей Нарышкин сообщил, что депутатам рекомендовано не повышать ставку этого налога.

Рекомендовано! Оказывается, по поручению президента «кремлевская администрация собралась на совещание, пригласив представителей федеральных органов исполнительной власти, лидеров фракции «Единая Россия» и членов Совета Федерации». С. Нарышкин сказал: «Признано нецелесообразным повышать ставку транспортного налога и рекомендовано законодателям пересмотреть решение и принять норму, исключающую повышение ставки транспортного налога».

«Российская газета пишет»: «И вчера же думские «единороссы» выразили надежду, что закон о повышении базовой ставки транспортного налога, принятый Госдумой, будет отклонен Советом Федерации. Такое в современной парламентской практике случается, пожалуй, впервые - чтобы депутаты, которые потратили много слов, убеждая коллег в необходимости и срочности принятия документа, и дружно проголосовали за него, вдруг сами захотели, чтобы плод их законотворческого труда был забракован. Объяснить это можно только злым колдовством - третье чтение законопроекта выпало на пятницу, 13-е число» [27].

Надо отметить, что хотя «дружно проголосовали» именно депутаты «Единой России», эпизод красноречиво показывает состояние всей системы власти – правительства, администрации президента и самого президента. Налицо явный провал, пусть небольшой, но очень поучительный. Выяснилась неспособность всех служб подготовить приемлемое решение и оценить возможности его реализации – «нечувствительность» к сигналам «снизу». Выяснился и небывалый конформизм «винтиков» системы, депутатов. Ведь все они – из регионов, все они знали о том, как воспринимается законопроект. Они для того и нужны в государстве, чтобы не пропускать законопроекты правительства, которые не будут приняты страной. Они повели себя как мелкие чиновники, трясущиеся перед начальником. И ведь опять – никакой рефлексии. Все молодцы! Можно ли представить себе, чтобы Госдума на пленарном заседании обсудила принципиальные, методологические причины такого конфуза? О каком же авторитете может идти речь при таком поведении?

Разгул господствующего меньшинства в «лихие 90-е» подорвал легитимность великой идеи демократии, которую власть использовала как дымовую завесу для прикрытия воровства и произвола. Но что мы видим на новом этапе? Функционеры «Единой России» - не разбойники «лихих 90-х», но они добивают идею демократии методами кропателей. Конечно, основная масса граждан разуверилась в основном институте демократии – выборах. Но нельзя же так пренебрегать приличиями, как действуют «приводные ремни» партии власти.

Вот, 11 октября 2009 г. прошли выборы в Московскую городскую думу. Согласно протоколу участковой избирательной комиссии № 192 района Хамовники на участке, где голосовал лидер «ЯБЛОКА» Сергей Митрохин с семьей, за партию не было подано ни одного голоса. При этом ни один бюллетень не был признан недействительным. Это уж слишком, и возник скандал. 23 октября поступило такое сообщение: «16 голосов, поданных за партию «ЯБЛОКО», были обнаружены при пересчете бюллетеней избирательного участка № 192, который только что завершился в Территориальной избирательной комиссии Хамовнического района». Также были найдены 3 бюллетеня за ЛДПР и один за партию «Патриоты России», которые по официальным данным, тоже не получили ни одного голоса. Нашлись также два недействительных бюллетеня, которые по официальным данным были приписаны «Справедливой России» [28]. Ну что это такое!

Авторитет власти роняет сам образ Совета Федерации, «Сената» России. Неизвестна процедура назначения и утверждения его членов, критерии их подбора. Чей же это орган, кого он представляет? Запоминаются лишь самые странные случаи. Например, вдова Собчака Л. Нарусова представляет в Совете Федерации Республику Тыва, бывший министр внутренних дел Республики Ингушетия становится сенатором от Агинского Бурятского автономного округа, а бывший вице-президент Ингушетии — от Республики Алтай. Наоборот, сенатором от Ингушетии назначают бывшего вице-президента Татарстана. А Л. Невзлин из ЮКОСа, прежде чем скрыться от правосудия в Израиле, представлял в сенате Мордовию. А Чувашию представлял Владимир Слуцкер (как писала пресса, «президент Российского еврейского конгресса, известный предприниматель, сенатор»).

Это – состояние всего политического «собора», который Россия делегировала в рамках нынешней системы для решения нашей судьбы. Попробуем пробежать мысленно по всем его группам и закоулкам. Попробуем пересказать своими словами то, что исходит от них в эфир. Веет холодком гибели. Такого отсутствия связной мысли, думаю, в России не было за всю историю. Фразы, которыми нам грел душу В.В. Путин, не в счет, инженерного содержания они не несли, они именно «грели душу».

Безнадежность уже в том, что даже представить себе невозможно кабинет, где, как в КБ, рассчитывали бы и конструировали систему, способную вытащить нас из ямы – без всяких «ценностей», а с жесткими понятиями и надежной мерой. У нас уже нет людей такого типа. Мы еще надеемся, что они сидят где-то в Генштабе, Администрации президента, Академии наук. Нет их. Если бы были, мы бы как-то их увидели. Стабильность обманчива, массивные процессы движутся шагами Каменного гостя. Никто этого даже не отрицает.

Вот знак беды: проект СПС сознательно отвергнут почти всем населением, но все программы нашей жизни пишутся в ГУ Высшая школа экономики под надзором Ясина. Экономист В. Полтерович, академик РАН, зав. лабораторией математической экономики ЦЭМИ, писал в 2004 г.: «Согласно А. Мэдисону, авторитету в области измерения экономического роста, в 1913 г. российский душевой ВВП составлял 28% от американского уровня. Сейчас – около 25%. Реформируя экономику в 1990-е гг., мы совершили все мыслимые и немыслимые ошибки. Приватизацию средних по размеру предприятий следовало отложить на 4–5 лет, как это сделала Польша, а гиганты сырьевого комплекса должны были оставаться в государственной собственности еще лет 20» [18].

Как должно население относиться к власти, которая угробила хозяйство второй в мире экономической державы, отбросила это хозяйство на относительный уровень ниже 1913 г.? Ведь В.В. Путин ни разу не отмежевался от действий в экономике его предшественников. Никто из разрушителей не только не понес хотя бы символической ответственности, но даже ничего не потерял в престиже и уважении, в том числе со стороны самого В.В. Путина - так же поются дифирамбы Е. Ясину, так же уважительно говорят об А. Чубайсе.

На что же надеяться? Продление власти «бригады Путина» уже с новым президентом - это отсрочка катастрофы. Еще можно заговорить на языке реальности, но уже требуется чудо. Государство не может решиться порвать с ельцинизмом и его теневой «социальной базой». Это и делает хроническим кризис легитимности. Каких зомби вызвал из могил Ельцин и бросил на укрепление политической культуры своей власти? Вот их профиль.

Безжалостность к населению. В 90-е годы государство проявило такой тип жестокости, какого мы уже и не предполагали в людях. Иногда казалось, что мы во власти инопланетян. Выступает политик, говорит о реформе ЖКХ. Кажется, если бы ты смог протянуть к нему руку через телеэкран и дернуть его за щеку – кожа отслоилась бы, а под ней чешуя ящера с неизвестной планеты.

В России было создано многомиллионное социальное «дно» из бездомных, нищих и беспризорников. И «придонье» (7 млн. человек), живущее в состоянии отчаяния. Такого не было и, видимо, никогда не будет нигде в мире: из общества была выброшена огромная масса людей, в которой большинство имеет среднее образование, а 6% высшее образование. В России была создана невиданная в мире бедность работающих людей. Из общего числа бедных более двух пятых составляли лица, имеющие работу. Это – не проблема экономики, это уникальное свойство политической культуры.

На сцену поднялся культурный садизм. Он пропитывал мысли, слова и дела политического класса России. Одни орудовали инструментами пытки, другие сладострастно смотрели, сочувственные укоризненно покачивали головой. Эксперты снабжали палачей сведениями о болевых точках жителей России – для каждой группы свои. Для одних мучительно глумление над святынями, для других растление детей и подростков, для третьих уничтожение непреходящих ценностей культуры. Да и сама пошлость политических шоу достигла уровня пытки.

Уничтожили науку, которую Россия выращивала триста лет - без всякого разумного объяснения, просто потому, что это огромное национальное достояние, возможно, неповторимое. Эта утрата бьет по карману даже и собственников (например, опустошен научный задел ВПК, значит, иссякнет экспорт оружия). Но и к этому они равнодушны.

Дискурс обмана. Политика всегда сопряжена с обманом - приходится успокаивать или возбуждать чувства людей, соблазнять их или пугать, создавать благоприятный образ чего-то или очернять его. Вопрос в целях, мере и объекте обмана. В 90-е годы в политической культуре России возник новый тип лжи – как инструмента подрыва рационального мышления граждан. Это ложь, разрушающая язык, меру и логику, чувство времени и систему координат, в которой ориентируется человек. И этой ложью политики бравируют[1].

Может быть, в каждом отдельном случае политик уверен, что решает частную конкретную задачу. Но со стороны видна именно система, ставшая частью культуры. Нынешние политики, как бы они ни дрались между собой, являются сообществом, скрепленным набором норм и ответственностью. Тот факт, что заведомая ложь не вызывает со стороны сообщества никаких санкций, показывает, что она стала узаконенной частью культуры этого сообщества.

Очень большие надежды возлагались на В.В. Путина, и кредит доверия был ему дан очень большой. Но через три-четыре года, и надежды эти стали таять – Греф с Чубайсом мало

чем отличались от Гайдара с Чубайсом. Та же песня – распродать электростанции и землю, отправить вон из России побольше нефти и газа, заставить людей платить немислимую цену за свет и отопление. Как из этого может вырасти благо и спасение – не видно. Так мы и живем в неустойчивом равновесии, ждем какого-нибудь спасителя и понемногу набираемся уму-разуму.

И дело вовсе не в том, что сегодня тяжело жить. Можно пережить даже тяжелейшие бедствия, если наши тяготы нужны для спасения и укрепления будущего страны – как было и во времена форсированной индустриализации, и во время войны и послевоенного восстановления. Но сегодня явно другой случай – наш труд и наше здоровье обращаются в барыш олигархов, который уплывает из России. И никакого надежного будущего хотя бы для внуков из этого не строится.

Виновата ли власть в таком ходе событий. Может, «хотели как лучше»? Может, и впрямь, народ виноват – большой список недостатков ему предъявили реформаторы? Эти доводы несостоятельны. Ни другого климата, ни другого народа у нас нет и не будет. А есть жесткий и неоспоримый факт – при другой власти этот же народ в пух и прах распушил объединенные Гитлером силы всей Европы и построил державу со вторым по мощи хозяйством.

А насчет «хотели как лучше» надо вспомнить, чего хотели, вникнуть в проект реформ. Где он? Где записаны черным по белому главные данные проекта – цель, сроки, цена? Нету! Сегодня видные идеологи реформ даже утверждают, что никакого проекта и не было, все само собой так покатило – и вот, докатилось... Строго говоря, одно это делает власть нелегитимной. Она произвела исторического масштаба обман. Эта власть, парализовав разум и волю людей чередой шумных спектаклей (многие с кровью), поступила с народом, как фокусник-мошенник.

В рамках этого общего обмана (не названа цель, названы неверные сроки и многократно занижена «цена») была цепь обманов частных – но каждый из них огромен по масштабам. Украдены сбережения граждан в Сбербанке – 450 миллиардов долларов; тайком набран внешний долг в 140 млрд. долларов, который исчез неизвестно куда, но который уже вырос до 500 млрд. долларов и его надо оплачивать; присвоена властью и распределена среди «своих» промышленность – а за долю каждого гражданина ему сунули в зубы фальшивый «ваучер»; минеральные богатства олигархи продают на Запад, а деньги присваивают себе, хотя не имеют на это права – так распорядилась власть; власть сама построила «пирамиду», которая с грохотом рухнула в 1998 г., разорив «средний класс» и неприлично обогатив кучку чиновников. Все это – не просто не во благо народа, а подло. Так это выглядит с позиции здравого смысла (но мы учитываем, что здравым смыслом любящего власть не проймешь – он должен сначала «разлюбить»).

Бывает, впрочем, что и мошенник, обобрав простаков, умело вкладывает деньги и становится рачительным хозяином, понемногу возвращая простакам «долг». У нас – не тот случай. Рачительным хозяином эта власть не стала, она попросту угробила созданное раньше хозяйство. Это видно хотя бы по тому, в какое состояние она привела все жилищно-коммунальное хозяйство страны. Уж тут-то нечего было мудрить – содержи в порядке то, что получила по наследству, меняй вовремя ржавые трубы, не воруй деньги, отложенные на ремонт. Ничего не получилось. Хотели как лучше, но тяга к воровству пересилила.

Про то, как эта власть обеспечивает безопасность страны и лично граждан, даже говорить не будем – слишком тяжелая тема. А вот то, что власть сумела расколоть на враждующие части народ, в котором давно уже утихли распри и взаимные обиды, составляет особую историческую вину. И главное, власть продолжает вести нас по этой же дорожке в пропасть. Например, разделение между новыми богатыми и новыми бедными продолжает углубляться, и починить этот разлом будет все труднее.

Надо подчеркнуть, что легитимность власти зависит от мнения именно тех граждан, которые одновременно мыслят в двух уровнях – и о благе людей (включая себя и своих близких), и о благе страны (включая будущие поколения народа). Мнение космополитов, даже очень богатых, для которых в любом Париже готов и стол, и дом, не так существенно. Им, конечно, нравится власть, при которой они богаты и не испытывают притеснений, но расчленение или даже исчезновение их страны трагедией для них лично не будет. Мнение таких отщепенцев, которые есть в любом народе, авторитета власти не придает. Важно мнение тех, кто поливает свою землю потом, а иногда и кровью, и «запасной» родины не имеет. Хотя и бывают моменты в истории, когда именно отщепенцы распоряжаются у власти, но это всегда моменты смуты, долго длиться они не могут.

Начавшийся с перестройки кризис легитимности удерживается в состоянии неустойчивого равновесия. Людям хочется верить власти, но никак не складывается ощущение, что строй жизни, к которому она тянет, – во благо народу, что при этой власти спасение страны гарантировано. Не позволяет реальность определенно сделать такой оптимистический вывод.

В 2001 г. на симпозиуме в Горбачев-фонде Вадим Валерьянович Кожинов рассказал о своей беседе с писателем О.В. Волковым, перед самой смертью последнего. О.В. Волков много лет томился в ГУЛАГе и был убежденным врагом Советской власти. Поглядев на дела тех, кто уничтожил СССР, он сказал перед смертью, что примириться с Советской властью он, конечно, не может. Но он видит, что эта власть была для России защитным колпаком, под которым она пребывала в безопасности. Существование России было гарантировано советским строем. А теперь этого колпака нет, и он умирает в тревоге — выживет ли страна при этой власти.

Коррупция как часть политической культуры. Государственность России резко ослаблена коррупцией. Коррупция, которая во времена Ельцина считалась временным явлением революционного хаоса, теперь буквально «введена в рамки закона», стала, как теперь принято говорить, системной и даже системообразующей (см. [24]). Теневые потоки денег идут к коррумпированным чиновникам по установленным каналам автоматически.

В ноябре 2009 г. в интервью немецкому журналу «Шпигель» Д.А. Медведев заявил: «Коррупция есть в любой стране. Но в нашей стране коррупция приобрела очень уродливые формы. Коррупция была и в царское время, а также существовала и в советские времена, хотя была более латентной по вполне понятным причинам. И конечно, коррупция расцвела махровым цветом после перехода России к современному состоянию устройства экономики и политической системы. То, что общество стало более свободным, всегда имеет в себе плюсы и минусы. Плюсы очевидны, а минусом является в том числе и большая раскрепощённость чиновников, которые приобретают возможность контролировать денежные потоки, брать взятки, пытаться залезать в бизнес» [29].

Тут нельзя согласиться с утверждением, что коррупция в советские времена была всего лишь «более латентной» («по вполне понятным причинам» - стоило бы сказать, каким же). Дело не в латентности, то есть, степени раскрываемости преступлений. Речь идет о коррупции в совсем иной социальной, экономической и культурной системе, чем нынешняя Россия. Поэтому и коррупция носила иной характер и в качественном, и в количественном измерении. Это просто разные явления, хотя и называемые одним и тем же словом. Ставить их в один ряд – значит уходить от сути явления.

По словам д.ю.н. из Института государства и права РАН Г.К. Мишина, «в цепи проблем, связанных с системной коррупцией в России, центральным звеном, на наш взгляд, является коррупция на верхнем уровне управления государством... Коррупция в высших эшелонах государственной власти представляет наибольшую опасность для России в переживаемый трансформационный период. Именно элитно-властная коррупция влечет масштабное расхищение государственных средств, в том числе зарубежных кредитов, и формиру-

ет негативный образ органов власти как в глазах российского населения, так и в мировом общественном мнении» [30].

Коррупция подрывает легитимность власти, потому что вызывает не только недовольство и населения, и предпринимателей поборами, но и презрение. Оно разрушает авторитет власти. Особенно губительны для легитимности власти разоблачения коррупции в ее высших эшелонах. Эта тема используется практически во всех «виртуальных революциях». В России возможности ее эксплуатации очень благоприятны.

Вопиющей стала безнаказанность должностных лиц, допускающих громкие провалы или даже злоупотребления в своей работе. Происходят невероятные по масштабам и сходные по своей структуре чрезвычайные события (например, террористические акты), каждый раз выявляется халатность или прямое пособничество должностных лиц - и никакой реакции верховной власти. Это возможно только при действии круговой поруки во властной верхушке, парализующей нормальные действия руководства.

Крупный российский капитал, верхушку которого представляют так называемые «олигархи», был создан в ходе программы приватизации через залоговые аукционы (1995 г.). Эта программа стала важным шагом в углублении коррупции властной верхушки и огосударствлении преступного мира. Сам А. Чубайс говорил о залоговых аукционах так: «Что такое залоговые аукционы 95-го года? Это было формирование крупного российского капитала искусственным способом. Далеко не безупречным... Мы действительно получили искажение равных правил игры, давление на правительство с целью получить индивидуальные преимущества, к сожалению, нередко успешное. Получили мощную силу, зачастую ни во что не ставящую государство» [19].

Более того, власть разрушает общество посредством возвращенной в России коррупции нового типа. Страшно становится уже не само воровство высших чиновников, а «вторая производная» от коррупции – ее демонстративное выставление напоказ, ее безграничная гласность. Чиновники совершают хищения на сотни миллионов долларов – это коррупция. Прокуратура разоблачает эти хищения, собирает все необходимые доказательства – это первая производная. Пресса, Интернет и целые книги сообщают об этих умопомрачительных хищениях, приводят факсимиле документов, заключения комиссий Госдумы – это вторая производная. А результат всех этих уравнений – полная безнаказанность преступников (в крайнем случае, их отправляют в почетную ссылку - на скамейку сенаторов).

Вот интервью ИА «Росбалт» члена комиссии Госдумы по противодействию коррупции депутата от КПРФ А. Куликова (в Госдуме второго созыва он возглавлял комиссию по проверке фактов участия должностных лиц органов госвласти РФ в коррупционной деятельности). Он сказал, в частности: «По ряду материалов нам не удалось достичь успеха, в частности по делу с обращением в 1998 году в адрес комиссии американской фирмы «Кролл Ассошиэйтед» по поводу невыплаты ей тогдашним первым вице-премьером правительства Егором Гайдаром денег за поиск так называемого «золота партии».

Когда сотрудники фирмы нашли-таки эти деньги в ряде зарубежных банков, оказалось, что они принадлежат определенным лицам, занимавшим должности в первом и втором российском правительстве. КПСС к этому никакого отношения не имела. Фирма представила подробный отчет о своих поисках, но стоимость работ согласно договору – порядка 2 млн. долларов – им не оплатили.

Наша проверка подтвердила, что такой договор действительно имел место, но все материалы, касающиеся этой сделки, в том числе и результаты работы «Кролла», были положены высшими чинами под сукно, а обогатившиеся остались безнаказанными. Попытки депутатов найти подлинники документов оказались безрезультатными.

Мы также выступали с инициативой проверки законности действий высших должностных лиц, незаконно нажившихся на дефолте 1998 года. В адрес комиссии поступили материа-

лы, где говорилось, что дефолт послужил основой для обогащения около 600 российских чиновников. Речь шла об общей сумме в 20 млрд. долларов. Комиссия Совета Федерации, проводившая параллельную проверку, пришла к аналогичным выводам, а полученные документы стали основой для возбуждения Генеральной прокуратурой уголовного дела. К последнему имел прямое отношение генеральный прокурор Юрий Скуратов. После его незаконного отстранения от должности это дело приказало долго жить, несмотря на наши неоднократные обращения. Полагаю, что настало время вновь к нему вернуться.

Власть декларирует волю в борьбе с коррупцией, но реальных подвижек пока не происходит. Это связано, прежде всего, с тем, что коррупция стала системообразующим фактором, если угодно, — образом жизни для большей части чиновничества и, к сожалению, для части общества. Вместе с тем, адекватных мер по противодействию ей государством не принималось» [31].

Эта демонстрация узаконенного беззакония и полного бессилия общества — уже постмодернистский способ уничтожения государственности.

Вульгаризация. Как тифозные вши, такая мелочь, могут выкосить население целых областей, так и примитивный инструмент политика — вульгаризация проблем — может загнать страну в историческую ловушку. Так и произошло в нынешней России — из мышления и языка удалось исключить саму проблему выбора. Вся политика опущена с уровня бытия до уровня быта. Дебаты идут только по поводу решений, как будто исторический выбор задан стране откуда-то сверху и обсуждению не подлежит. Мы едем неизвестно куда, но доедем быстро.

Аномальным для государства является нынешнее отсутствие национальной программы («образа будущего») и связной идеологии. Их заменяют импровизации вроде «борьбы» с каким-то наспех слепленным образом зла, а также смесь демократических, рыночных и популистских лозунгов. И мы видим, как на глазах слабеет власть, как она «растаскивается» неизвестно кем из властной верхушки. То и дело возникают неизвестно по какому принципу собранные «группы» с каким-то исключительным, неизвестно на чем основанным влиянием («группа Шувалова», «группа Козака» и пр.). От них исходят проекты, чреватые катастрофическими последствиями, но остаются неизвестными ни реальные авторы этих проектов, ни их цели, ни аргументы. Около власти вьется целый рой темных личностей, которые уполномочены толковать скрытый смысл дел и заявлений Кремля.

Толстосумы с поразительной наглостью требуют от власти то назначить кого-то из «своих» на высокий пост, то закрыть глаза на его преступления.

Вот философские рассуждения «Новой газеты»: «Глупо отрицать, что олигархические капиталы в России выросли на общенародной собственности (была у нас когда-то такая). Наши ротшильды взяли то, что плохо лежало, а некоторые и вовсе залезли в карман государству. Но давайте зададимся вопросом: так ли уж это несправедливо? И вообще уместно ли в данной ситуации ставить вопрос о справедливости?.. Судить об олигархах с точки зрения морали — все равно что ругать львов за то, что они поедают антилоп... Они — элита общества и потому руководствуются иными, нежели обычные люди, принципами.

Да, российские олигархи лишены нравственных предрассудков. Но только благодаря этому они и выжили в прямом смысле этого слова и выдвинулись на первые роли в жесточайшей конкурентной борьбе, на деле доказав свое право владеть лучшими кусками российской экономики. Нас же не удивляет, почему самый сильный и опытный лев не охотится, но тем не менее первым поедает добычу, которую ему приносят члены прайда. Таков закон природы: сильнейшему достается все. Человеческое общество по своей природе мало чем отличается от прайда. На вершине социальной пирамиды и оказываются самые оборотистые и проворные.

Олигархов обвиняют в том, что они выводят свои активы в офшорные зоны и покупают дорогую недвижимость за границей. Но положив руку на сердце ответьте: вы бы стали вкладывать миллионы долларов в нынешнюю Россию?

Президент должен определить, кто поведет экономику России вперед, сделав ставку на таких прагматиков, как Вексельберг, сумевших сколотить огромную финансово-промышленную империю, охватывающую не только отдельные города, но и целые регионы. Неужели такой организатор, как Виктор Вексельберг, не в состоянии управлять какой-нибудь из уральских или Иркутской областью, экономическое и социальное развитие которых уже сегодня во многом зависит от него? Именно сейчас, когда Владимир Путин сам назначает политический и промышленный топ-менеджмент государства, у нас появился шанс вырваться вперед за счет привлечения наиболее авторитетных и крупных предпринимателей к управлению страной» [20].

Как должны люди относиться к власти, которая не только благосклонно принимает эту расистскую галыматью, но и на практике делает именно так, как советует С. Фигнер!

Русофобия. Главный вектор нынешней политической культуры России – демонтаж того ядра России, которым является русский народ. Поэтому объектом разрушения стала мировоззренческая матрица, на которой этот народ был собран, а также все системы, воспроизводящие эту матрицу (такие, как школа или армия). Взят курс на примитивизацию духовной жизни русских. Это – политический выбор, а не происки «невидимой руки рынка». Из общего духовного пространства изъяты русская классика, художники-мыслители XX века (такие, как Горький, Блок, Маяковский), социальная лирика и революционная песня «серебряного века», не говоря уж о советской песне. Даже старые русские песни даются в уголовой аранжировке.

На средства госбюджета делают фильмы, рисующие русских (советских) недочеловеками. Видный западный обозреватель, говоря об антисоветском дискурсе на Западе середины 90-х годов, так объяснил смысл внушаемой дилеммы: «Русские – недочеловеки потому, что коммунисты, или они коммунисты потому, что недочеловеки?» Мышление загнано в формулу, утверждающую как данность, что русские – недочеловеки. Но в этом Голливуду далеко до российских аналогов.

В целом политическая культура РФ, будучи патологической, все же смутно напоминает известный тип – культуру этнократии. Как будто возникло два народа, которые расходятся по двум разным путям. Один – «новая элита», ядром которой и является тот политический класс, о культуре которого идет речь. Другой народ – бывшие «совки», измороженный советский народ, независимо от того, какую идеологию вдавили за это время в мозг отдельного человека. Против разума, воли, памяти, чувств и надежд этого народа и направлены те особые качества политической культуры, о которых говорилось выше.

Такая политическая система переживает хронический кризис легитимности.

[1] Валерия Новодворская писала в 1993 г.: «Я лично правами человека накушалась досыта. Некогда и мы, и ЦРУ, и США использовали эту идею как таран для уничтожения коммунистического режима и развала СССР. Эта идея отслужила свое и хватит врать про права человека и про правозащитников. А то как бы не срубить сук, на котором мы все сидим... Я всегда знала, что приличные люди должны иметь права, а неприличные (вроде Крючкова, Хомейни или Ким Ир Сена) - не должны. Право - понятие элитарное. Так что или ты тварь дрожащая, или ты право имеешь. Одно из двух» [26].

23.01.2010. Большое спасибо за поздравления. И небольшой оргвопрос.

Иногда заходят в журнал товарищи и коллеги, чтобы разместить здесь в виде комментариев свои манифесты и программы. Это в принципе неправильно, в этом смысле каждый ЖЖ - "чужой монастырь". Не все манифесты бывают по душе, а за некоторые неудобно перед участниками разговора. Так что тут мы свободу слова разводить не будем. Корректные манифесты - куда ни шло, но конфликтующих (а тем более оскорбительных), которые выводят разговор за рамки борьбы идей, я буду, скрепя сердце, стирать. Даже если в них есть и ценные идеи (я их перед стиранием постараюсь запомнить).

26.01.2010. Старый долг: о семинаре у С.С. Сулакшина

В ноябре я там сделал доклад, о котором здесь писал (ведет семинар А.И. Неклесса). Более или менее нового в докладе было только рассуждение о культурно-исторических типах как носителях цивилизационных проектов. Доклад вызвал в основном отрицательную реакцию, хотя главный пункт почти не упоминался. Участники заметили, что хорошо бы прочитать реплики и ответы. Я вчера попросил у организаторов, и мне дали тексты. ниже я их и выкладываю - доклад и основные реплики, которые и вызвали дискуссию. Кое-что выступавшие потом сняли, и мне пришлось тоже.

В общем - кому интересна тема, посмотрите.

26.01.2010. Семинар: доклад, часть 1 /Жизнеспособность России как цивилизации/

С.Г. Кара-Мурза. Жизнеспособность России как цивилизации

Примем как постулаты следующее:

- Россия – одна из больших локальных цивилизаций со всеми необходимыми атрибутами.
- Цивилизации, будучи большими системами, могут или развиваться, или деградировать. Застой не может быть длительным стационарным состоянием цивилизации.
- Понятие «жизнеспособность» в отношении цивилизации как продукта культуры (творчества больших и разнообразных социально и этнически организованных масс) есть метафора. Она предполагает состояние нежизнеспособности, которое ведет к смерти цивилизации. В реальной истории речь идет не о гибели цивилизаций, а об их глубокой перестройке (смене формата). С этой оговоркой и будем применять слово жизнеспособность.

Доклад не ставит целью представить всю систему процессов и явлений, определяющих жизнеспособность нынешней России. Тем более невозможно предложить систему параметров, индикаторов и критериев, позволяющих адекватно оценить состояние нашей цивилизации и динамику изменения ее жизнеспособности. В докладе предлагается подход к решению этих задач, если бы на них был дан социальный заказ. Этот подход поясняется общеизвестными фактами, приводимыми лишь в качестве примеров.

Мы говорим о жизнеспособности России как целого. Самой крупной целостностью будем считать Россию как цивилизацию. В большинстве случаев ее размеры будут совпадать у нас с размерами страны, но в ряде важных смыслов пространство цивилизации выходит за географические границы Российской Федерации – например, такая важнейшая система цивилизации как русская культура.

Здесь мы не будем вдаваться в вечную дискуссию о том, что такое цивилизация. Напомним лишь элементарные сведения и наметим те рамки, в которых будет вестись наш разговор. Под Россией как цивилизацией мы понимаем большую и устойчивую (долговременную) систему, собравшую на общей мировоззренческой и социальной матрице большое число культурных и этнических общностей вокруг общего (системообразующего) ядра – русского народа и русской культуры.

В Новое время, по мере того как складывалась современная западная цивилизация («Запад») и колониальные империи, в западной общественной мысли возникло различие двух образов жизни человека - цивилизованного и дикого. В XVIII веке и вошло в обиход слово «цивилизация» (во французском языке). Цивилизацией называли общество, основанное на разуме и справедливости.

С самого возникновения понятия оно означало оппозицию «цивилизация - Природа» и «цивилизация - дикость» (иногда выражаются мягче - варварство). Считалось, что в пределах западной культуры человек живет в цивилизованном (гражданском) обществе, а вне этих пределов - в состоянии «природы». Представление о гражданском (цивиленном) обществе возникло в т.н. натуралистической школе политической мысли, которая противопоставляла «естественное» общество (*societas naturalis*) «цивилизованному» или гражданскому (*societas civilis*)[1].

В начале XIX века, в ходе становления мировой колониальной системы (первая волна «глобализации») возникла «этно-историческая концепция цивилизаций», согласно которой у каждого народа - своя цивилизация. В ином смысле словом «цивилизация» стали обозначать стадию развития общества, следующую за дикостью и варварством. Говорят «человеческая цивилизация», понимая ее как результат прогрессивного развития человечества в целом. В романтической историографии XIX века, с ее апологией «почвы и крови», стало развиваться понятие локальных цивилизаций.

В трудах Данилевского, Шпенглера, Тойнби и Сорокина были предложены признаки и критерии для выделения и различения «локальных» цивилизаций. Сложился цивилизационный подход к взгляду на историю. Из него исходили философы и политики, даже исповедуя более абстрактные формационные подходы (это видно в трудах самого Маркса). Изучение истории, развития и актуального состояния стран в рамках цивилизационного подхода стало частью рационального, в том числе научного, знания.

Государственная власть вырабатывает доктрину своей политики и принимает стратегические решения исходя из цивилизационных представлений о своей стране. В Средние века эти представления выражались на языке религии, в Новое время были выработаны светские понятия – культура и цивилизация, нация и национальная идея, геополитика.

В XX веке было уже невозможно представить себе рациональные действия власти большой страны без того, чтобы определить ее цивилизационную принадлежность и траекторию развития. В переломные моменты именно здесь возникают главные противоречия и конфликты, доходящие до гражданских войн. В таких цивилизационных кризисах активную роль всегда играет государство, переживая при этом внутренние расколы и конфликты.

В России начала XX века западники и славянофилы, монархисты и либералы, большевики и меньшевики, эсеры и анархисты мыслили о стране и ее будущем в понятиях цивилизации. Их программы, направленные, казалось, на разрешение чисто социальных и политических противоречий, на деле представляли собой разные образы будущего, разные цивилизационные проекты. Результатом их сопоставлений, столкновений и синтеза стал советский проект.

В основном споры шли о проекте модернизации России, то есть о ее развитии во взаимодействии с Западом, но уже у большевиков в картине мироустройства на арену выходят цивилизации Востока. Цивилизационное строительство СССР шло под влиянием концепции евразийства – учения, в котором был систематизирован и «онаучен» длительный опыт формирования и развития Российской империи как евразийской цивилизации.

Цивилизация - категория сопоставительная. Мы понимаем ее как систему отличий нашей цивилизации от иных, а схожие черты (которых, разумеется, большинство у всех культур и народов) воспринимаются как фон, о них практически не говорят. Сравнение «Россия–

Запад» или «Франция-Англия» в цивилизационном плане ведется как оппозиция образов (этот подход и называется оппозиционизм), а часто и как «конфликт», понимаемый в широком смысле.

В дальнейшем мы будем исходить из того, что Россия – одна из больших локальных цивилизаций со всеми необходимыми атрибутами. Она, однако, переживает длительный цивилизационный (системный) кризис[2].

Учтем также, что застой не может быть длительным стационарным состоянием цивилизации. Признаки деградации некоторых структур цивилизации появляются раньше, чем у систем более низкого уровня сложности (например, стран). Так, уже в 70-е годы проявились системные признаки кризиса индустриализма как «матрицы» основного уклада жизнеустройства промышленно развитых стран. Тогда и возникла концепция «третьей волны» цивилизации, постиндустриализма и постмодернизма. Какого-то глубокого кризиса отдельных систем конкретных стран и государств (например, политических и экономических) еще не чувствовалось.

Точно так же, в 70-80-е годы и экономика, и военная мощь СССР были на подъеме, но мировоззренческая основа все советского цивилизационного проекта явно погружалась в кризис. Его природу было трудно описать в терминах формационного подхода, и приходилось давать ему неадекватные объяснения вроде «краха экономики» или «отсутствия многопартийности».

Угрозы цивилизации выглядят как факторы снижения ее «жизнеспособности». В обыденное сознание вошел образ гибели цивилизации. Приводятся примеры таких исторических событий – гибель Древнего Египта или Рима, гибель цивилизаций майя и ацтеков уже на заре Нового времени. Иногда предсказывают и гибель России как цивилизации.

Это, думаю, надо понимать как художественные образы. В жестких, строгих понятиях эту гибель представить трудно. Ее мы воспринимаем лишь много веков спустя, оглядывая историю в длинном времени. На деле всегда имеет место постепенное смешение культур и населения, которое современниками не воспринимается как гибель цивилизации (точнее, гибель воспринимается как метафора). Древний Рим «погибал» четыре века, а затем реформатировался в Священную Римскую империю с латынью как общим языком церкви, культуры и образования, философией Аристотеля и множеством унаследованных от Рима ценностей. Византия тоже «погибала» три века, а цивилизация ацтеков и до сих пор активно «участвует» в жизни Мексики – достаточно посмотреть настенную живопись Мехико или почитать литературу.

Даже самое страшное нашествие или ядерная война не могут «уничтожить» Россию или ее народ. Но они могут настолько изменить материальные и культурные условия бытия народа России, что произойдет разрыв непрерывности в развитии сложившегося в России жизнеустройства. Это значит, в короткое по историческим меркам время Россия будет так «реформатирована», что наши предки, «взглянув с небес», ее бы не узнали - даже если бы названия городов и имена людей остались прежними. Гибель России – это «стирание» ее центральной мировоззренческой матрицы и ценностной шкалы. Такая катастрофа очень маловероятна, но одновременная деградация многих системообразующих для России структур делает ее в принципе возможной.

Каков эффект буквального понимания метафоры «гибели России»? Он выражается в том, что все двадцать лет тяжелого кризиса все внимание общества направлено на конъюнктурные, злободневные проблемы и отвлечено от фундаментальных угроз. Все мы увлечены необходимостью спасти Россию от немедленной гибели, и нет времени задуматься о массивных медленных процессах, которые подтачивают ее основания. Давайте взглянем

на ход событий в более долгой перспективе, подумаем о подготовке оборонительных рубежей против угроз, которые еще не подошли вплотную.

По мере возможности не будем применять аналогию цивилизации с организмом. Биологическая метафора предлагает слишком похожий образ, и мы невольно впадаем в гипостазирование – принимаем понятие за реальную устойчивую сущность. Будем использовать простую аналогию, полезную для структурирования проблемы – живучесть корабля. Представим себе Россию как корабль, плывущий во времени и в многомерном пространстве бытия. Эта механическая метафора не слишком вульгаризирует проблему и в то же время не позволяет забывать, что это всего лишь метафора

Читаем: «Живучесть судна - способность судна при получении повреждений сохранять свои эксплуатационные и мореходные качества».

В чем сходство, допускающее эту аналогию? Корабль и цивилизация – сложные конструкции. Оба они – продукт культуры, а не «организмы», творение Природы (или божественных усилий). Они движутся во внешней среде, отграниченные от нее специально и сложно построенными барьерами, через которые осуществляется «обмен веществ, энергии и информации» со средой. Эта среда подвижна и бывает агрессивной, создавая угрозы (вызовы), чреватые гибелью. Гибелью грозят и столкновения с «гомологом» - кораблем (иногда целенаправленно вражеским) или цивилизацией. Обе системы живучи только в том случае, если они обладают:

- «корпусом» и его инфраструктурой («переборками», системами транспорта, связи и пр.);
- источником энергии и двигателем достаточной мощности;
- средствами познания окружающей реальности (навигационными инструментами, картами и лотциями, радиолокаторами и эхолотами, информационными средствами);
- средствами защиты (оружие, боеприпасы, кадры и организация);
- сплоченной и мотивированной общностью людей с необходимой структурой ролевых функций (команда, нация и т.д.);
- управляющей и организующей подсистемой, задающей цель, курс, способ действий.

Порча, деградация или поломка всех этих подсистем ведут к снижению живучести (жизнеспособности). Это снижение, приближаясь к критическому порогу, грозит «гибелью».

Конечно, есть подсистемы цивилизации, которые находятся за рамками аналогии с кораблем. Корабль живет недолго, он легко выдерживает ремонт и «пересборку» (например, замену машины, капитана и команды) без утраты его идентичности. Иное дело – цивилизация.

Например, жизнеспособность цивилизации как системы, существующей в «большом времени», требует ее постоянного воспроизводства. Оно в высшей степени зависит от «генетического аппарата» и механизмов репродуктивной функции. Если все механизмы, которые обеспечивают воспроизводство цивилизации, начинают давать сбои или повреждают ее генетические программы, цивилизация может быть переформатирована (вплоть до «гибели») за два-три поколения, то есть, за полвека – даже при удовлетворительном функционировании остальных механизмов и агрегатов.

При обсуждении проблемы жизнеспособности России придется оценивать состояние ее систем. Для оценки систем нужны показатели (индикаторы). Это измеримые параметры, надежно связанные с интересующими нас величинами, которые трудно измерить непосредственно (латентными величинами). Так, в словаре сказано о корабле: «Живучесть судна определяется его плавучестью, непотопляемостью, остойчивостью, взрыво- и пожаробезопасностью».

Все эти показатели – хорошие метафоры для нашей темы. Вот, плавучесть, то есть «способность судна плавать при заданном количестве погруженных на него грузов. Плавучесть судна характеризуется водоизмещением судна и запасом плавучести». Россия – огромная цивилизация (велико водоизмещение этого корабля), но для некоторых исторических вызовов «запаса плавучести» ей не хватало.

Например, корабль «Российская империя» не смог вынести груза «капиталистической модернизации» - балласт сословного общества и ряда несовместимых с западным капитализмом структур слишком уменьшил плавучесть. Ее запаса не хватило, чтобы выдержать I Мировую войну и революцию.

«Холодная война» оказалась избыточной нагрузкой для СССР, выдержать ее не хватало «запаса плавучести». В принципе, была возможность его увеличить, если бы эта проблема была понята государством и обществом. Однако «капитаны» после смерти Сталина ошиблись в оценке этого показателя в 60-70-е годы. Они как будто забыли простую истину: «Водонепроницаемость судна - способность наружной обшивки, некоторых переборок, палуб, дверей и крышек люков судна не пропускать воду, обеспечивая его плавучесть».

Именно это условие и выполнял СССР, закрывая себя «железным занавесом». Сталинизм какое-то время обеспечивал «водонепроницаемость судна» при помощи «наружной обшивки, некоторых переборок, палуб, дверей и крышек люков». Он вынужден был делать это из тех материалов и теми средствами, которые тогда были в наличии.

Чтобы устраивать гласность, надо было сначала увеличить «запас плавучести» или уменьшить нагрузку. Но главное, надо было обеспечить «водонепроницаемость судна». Если «железный занавес» устарел и не годился для нового общества и агентов внешней среды, следовало изготовить наружную обшивку из иного материала. Но капитаны 80-х годов просто пробили дыры в обшивке, палубах и люках – и утопили корабль. Живучесть СССР как цивилизационной ипостаси России была подорвана ошибочными (или вредительскими) действиями капитанов и офицеров «корабля» - до того как был исчерпан запас плавучести.

Россия вынырнула после «демократической революции» в виде обрубка, уродливо перформативная «ельцинизмом». Теперь ее жизнеспособность определяется действиями команды и теми штормами, которые могут возникнуть во внешней среде по независящим от нас причинам.

Важнейший индикатор живучести - непотопляемость судна. Это «способность судна после затопления части помещений оставаться на плаву и сохранять остойчивость».

Стоит заметить, что учение о непотопляемости было создано в начале XX века С.О. Макаровым и А.Н. Крыловым. Проблема была настолько важна, что А.Н. Крылов изложил свои представления С.О. Макарову телеграммой 16 февраля 1903 г. Концепция была развита советскими учеными и представляет эвристическую ценность и для нашей проблемы.

Так, в своей телеграмме А. Н. Крылов особо подчеркивал значение остойчивости и формулировал принципы ее повышения, прежде всего, расположения переборок, разделяющих трюмы на отсеки. Он писал: «Водоотливная система бессильна в борьбе с пробоинами... Принцип же подразделения должен быть тот, чтобы плавучесть утрачивалась ранее остойчивости — короче, чтобы корабль тонул, не опрокидываясь».

Корабль должен тонуть, не опрокидываясь! Это важная формула. Достоинно тонуть, не справившись с непосильным вызовом – значит равномерно исчерпать весь потенциал жизнеспособности. Во время перестройки СССР именно «перевернулся», чего почти никто не мог и ожидать, настолько большим еще был запас плавучести. Остойчивость была утрачена раньше плавучести.

Скажем об этом важном индикаторе. «Остойчивость судна - способность судна противостоять внешним силам, вызывающим его крен или дифферент, и возвращаться в первоначальное положение равновесия после прекращения их действия».

В приложении к России мы можем вспомнить большие бури – революцию 1917 г. и Великую отечественную войну. В обоих случаях корабль «Россия» продемонстрировал поразительно высокую остойчивость. В 1917 г. Российская империя легла на дно, но не опрокинулась, и была быстро поднята, «отремонтирована» и модернизирована под флагом СССР. А при Горбачеве «корабль» перевернулся.

Было бы полезно провести сравнительный анализ этих трех случаев, проведенный без давления идеологических догм и уже без гнева и пристрастия – как анализируются технические аварии и катастрофы.

[1] Нам не повезло уже с переводом, в русский язык вошел не тот синоним, которыми переводится латинское слово. Вышло так, будто речь идет об обществе граждан (от слова город). На деле же в точном переводе «гражданское общество» - это общество цивилизованное, цивилизованное.

[2] Существенная часть российской интеллигенции, следуя установкам исторического материализма с его формационным подходом к истории, или под давлением евроцентризма, отвергает идею о том, что Россия является самобытной цивилизацией. Такие читатели могут «отфильтровать» рассуждения о «цивилизационном» измерении угроз для России, поскольку все они касаются и России как страны, хотя и в несколько смягченной форме.

26.01.2010. Семинар: доклад, часть-2я

Цивилизация и вызовы. Системы цивилизации, как и корабля, надо оценивать не в благополучные периоды, а в те моменты, когда они должны отвечать на вызовы. Живучесть корабля проверяется штормом. В этот момент и следует оценивать или даже измерять главные показатели живучести, о которых говорилось выше.

Для исторических вызовов, с которыми сталкивается цивилизация, остается полезным сравнение с кораблем. Так, в конце XX века Россия, уже будучи ослаблена собственным кризисом, вошла в зону «шторма» - общего кризиса индустриализма. Этот шторм ее и сегодня треплет, и она несет тяжелые потери потому, что в 90-е годы сбросила с себя все защитные устройства – от водонепроницаемой обшивки до люков и перегородок.

А в 1941 г. на Россию (СССР), только-только вставшую на ноги после семи лет тяжелейшей войны, надвинулся даже не шторм, а ураган нашествия фашистской Германии, усиленной потенциалом всей континентальной Западной Европы. Сила его была колоссальна, но наш корабль выдержал – вот и учебный материал для оценки советских систем. Война – экзамен, очищенный от идеологии.

Вот важная система цивилизации – служба распознавания и оценки вызовов. Это «прибор ночного видения» цивилизации. Можно предложить индикатор его оценки – достоверность предвидения, интервал времени между моментом распознавания угрозы и моментом ее реализации. Например, форсированная индустриализация СССР началась (и была принята обществом) именно под девизом «осуществить за 10 лет, иначе нас сомнут». Скелетом промышленной системы сделали ВПК, а вся технологическая база, вплоть до макаронных фабрик, изначально имела «двойное назначение». На войну был рассчитан и поворот начала 30-х годов к «патриотическому воспитанию» - столь резкий, что он поразил эмиграцию[1].

Удивительный по нынешним временам уровень предвидения был присущ и атомной программе. Вот ее график:

- записку с идеей этой программы подал В.И. Вернадский в 1910 г., на нее не обратили внимания;
- ВСНХ предложил Академии наук организовать исследования в этой области 29 марта 1918 г.;
- в начале 1922 г. заработал завод по производству радия;
- первый ускоритель элементарных частиц был пущен в 1922 г.;
- в 1938 г. в АН СССР была образована Комиссия по атомному ядру, ее планы предусматривали строительство большого ускорителя в 1941 г. и добычу 10 т урана в 1942-1943 годы;
- первая статья о делении ядер при бомбардировке нейтронами (в Радиевом институте) была представлена в журнал «Доклады Академии наук» всего через два месяца после публикации об открытии в 1939 г. деления ядер.
- в ноябре 1942 года И.В. Сталин в беседе с академиками А.Ф. Иоффе и В.И. Вернадского поставил вопрос о создании атомной бомбы. Руководителем атомного проекта был назначен И.В. Курчатов. В 1943 году для этого создано научно-исследовательское учреждение «Лаборатория измерительных приборов №2 АН СССР».

Научно-техническая работа в этой области сопровождалась интенсивной пропагандой. В новогоднем номере «Известий» 31 декабря 1940 г. целый подвал занимала статья под названием «Уран-235». А в «Правде» № 1 за 1941 г. помещен шарж Кукрыниксов – около ёлки самые прославленные люди страны: Шостакович, Шолохов, Капица... и молодые физики Флеров и Петржак, которые в мае 1940 г. открыли спонтанное деление урана.

Эта непрерывная работа по предвидению и конструированию будущего – индикатор жизнеспособности цивилизации.

Функция предвидения, в том числе функция распознавания угроз, угасала в 70-е годы. Так, не были правильно оценены сообщения о переносе направления ударов информационно-психологической войны против СССР с социальной сферы на этническую. Было проигнорировано обновление теоретической базы доктрины этой войны - принятие за основу теории Грамши о культурной гегемонии. Можно сказать, что речь шла о смене парадигмы.

Не было никакой реакции на создание в США политических технологий постмодерна, использующих новаторский опыт фашизма и «молодежных бунтов» 60-х годов. Соответственно, СССР не смог адекватно ответить на вызов «Солидарности», которая была мотивирована именно коммунистическим фундаментализмом, но использована против СССР. Советская цивилизация утрачивала жизнеспособность.

После краха СССР положение ухудшилось. В постсоветской России после «обретения независимости» была отключена сама функция распознавания угроз. Россия напоминает корабль, который идет в штормовом море в районе рифов со сломанными радиолокатором и прожекторами.

Антироссийским политтехнологам удалось выработать методы профанации самого мировоззренческого понятия вызов. Более того, удалось воспитать у населения ненависть к большим мобилизационным программам предотвращения угроз. Само осознание жизни народа как непрерывного ответственного дозора было вытравлено из мышления молодежи. Силами масс-культуры и СМИ в России уже в течение двадцати лет ведется интенсивная кампания осмеяния самого понятия борьбы.

Даже в ходе нынешнего финансового кризиса, которым «нас заразила Америка», в общественном сознании не возникло вопроса, каким образом Россия (в форме СССР) почти целый век защищалась от этой заразы. Целая серия финансовых кризисов мировой экономики

ки прошла незамеченной для советского хозяйства. А теперь сама идея активной защиты от какой-то цивилизационной угрозы выпала из интеллектуального арсенала российского общества. Это – снижение жизнеспособности еще на одну ступень.

Важным индикатором жизнеспособности цивилизации (как и страны) является выполнение функции целеполагания. Она также ставит цивилизацию перед вызовом – но не угроз, а надежд. Цивилизация задает какой-то вселенский проект, указывает цель как образ светлого будущего. Российская империя складывалась как православная цивилизация с мощной эсхатологией, она задавала образ будущего, опирающийся на справедливость и всечеловечность.

Та форма цивилизации не выдержала кризиса модернизации «по программе западного капитализма» – и была «переформатирована» революцией. В форме СССР тот же образ будущего был вновь связан идеей всечеловечности и справедливости. Поэтому Россия - и в форме Империи, и в форме СССР - была глобальным оппонентом Запада в конкуренции проектов благой жизни. И, в принципе, эта конкуренция усиливала жизнеспособность обеих сторон.

Заострим проблему жизнеспособности. Даже негативное целеполагание - мессианская идея, ведущая к гибели - служит признаком духовного подъема и жизнеспособности. Вот притча о протестантском мессианизме – «Моби Дик». Перед нами образ корабля, на котором взбунтовался капитан. Он пренебрег целью, заданной судовладельцем и принятой к исполнению командой, и повел корабль на поиски кита, олицетворявшего Зло. Нашел, вступил с ним в бой, погубил корабль и его команду. Во всем этом жизнеспособность бьет ключом.

В генезисе Российской Федерации – тоже бунт и заговор капитанов, Горбачева и Ельцина. Вопреки клятвам, которые они давали «судовладельцам», эти капитаны повели корабль ложным курсом и буквально продали его барышникам. Тут не было и капли мессианского чувства, а был циничный обман надежд и своего народа, и, в общем, человечества.

Каково же положение сегодня?

Во-первых, русская советская культура конца XX века утратила инструменты и навыки для войны «образов будущего». Мы не только проиграли эту войну, но и отравили свой организм внедренными нам вырожденными образами-вирусами[2]. Без излечения мы не выберемся из той экзистенциальной ловушки, в которую угодили в 90-е годы, но излечение идет очень медленно. Поражение этой части нашего общественного сознания является системным.

М.С. Горбачев явно следовал программе-вирусу, его целеполагание стояло на идее разрушения страны, которой он взялся руководить. Он постоянно подчеркивает, что добился своей цели[3]. Сами эти утверждения (независимо от их достоверности), очень важны для нашей темы. Они – признак резкого ослабления жизнеспособности. Они говорят о воле к смерти – особой болезни цивилизаций. Тот факт, что нынешняя власть явно не отмежевалась от этих целей и даже продолжает демонстрировать им лояльность, создает внутренний раскол, снижающий жизнеспособность цивилизации. Она разделяется на две враждебные части.

«Дом, разделившийся внутри себя самого, не устоит».

Ежедневно подтверждая свою трактовку СССР как «империи зла», государство России, живущее ресурсами, унаследованными от этой «империи», само уничтожает свою легитимность как цивилизации. Из опыта последних двадцати лет следует, что политики променяли добытый за три века статус России как крупной локальной цивилизации (восточно-христианской или евразийской) на конъюнктурные выгоды антисоветизма. С точки

зрения интересов исторической России это обмен невыгодный. Власть промотала огромное национальное достояние.

Если по аналогии с описанием всех систем корабля, которые обеспечивают его живучесть, пробежать по перечню функций и систем государства, то мы увидим, что Россия утратила большое число качеств, придающих жизнеспособность целому. Опять же для примера можно указать на такое качество корабля, как «поворотливость». Россия стала столь неповоротливой, что это надо считать загадочным явлением.

Достаточно сравнить скорость реакции на «повороты руля» в СССР 30-50-х годов и в России после 1999 года. Задача «перехода на инновационный путь развития» была поставлена, вполне искренне, В.В. Путиным в 2001 г., но ни одна структура России не шелохнулась и поныне. Это новое качество, видимо, служит защитой от припадков острого безумия «рулевых», но лишает маневренности, необходимой для ответа на большие вызовы.

Воспроизводство цивилизации. Воспроизводство цивилизации есть процесс непрерывный и динамичный. Его нельзя «пускать на самотек» ни на момент, это бессменная вахта народа и государства.

Воспроизводство - это не сохранение чего-то данного и статичного, это развитие всех подсистем цивилизации в меняющихся условиях, но при сохранении ее культурного «генотипа», центральной цивилизационной матрицы.

Цивилизация есть комбинация большого числа признаков. Можно выделить устойчивое ядро этой системы, хотя подвижная и противоречивая «периферия» в конкретных ситуациях может маскировать это ядро. В ядре можно выделить признаки *sine qua non* – те, без воспроизводства которых в следующем поколении резко меняется вся система цивилизации.

Для России в начале XXI века воспроизводство себя как цивилизации стало проблематичным. Актуальность этой проблеме придали два катастрофических события конца XX века.

Во-первых, СССР, в формах которого была воплощена Россия на протяжении почти всего XX века, потерпел поражение в «холодной войне» с Западом. Запад, победивший в большой цивилизационной войне, «проник» в Россию, овладел ее важнейшими невралгическими центрами и, конечно, оказывает и долго еще будет оказывать непосредственное влияние на нашу судьбу.

Россия должна «переварить» все цивилизационные яды, которые победитель будет впрыскивать в организм поверженной России, восполнить колоссальные изъятия ресурсов, которые приходится выплачивать как дань, вытерпеть все издевательства наместников и надсмотрщиков, которые будут растлевать и перевербовывать молодежь.

Во-вторых, в конце 80-х годов в России само государство начало реформы, которые ставили целью «возвращение в наш общий европейский дом», то есть переделку жизнеустройства России по западным образцам. Эта реформа представляет собой попытку устроить на российской земле «нечто похожее на Запад», пусть и похуже. Этот курс реформ неоднократно подтверждался как неизменный и обсуждению не подлежал. Вероятно, туземное правительство побежденной цивилизации и не может вести себя иначе, но в России оно действует, кажется, с избыточным рвением.

Так или иначе, проблема воспроизводства Россией новых поколений всех ее систем как «себе подобных» чрезвычайно осложнилась. Условием жизнеспособности цивилизации является надежная защита ее генетического аппарата, который выполняет свои функции только при условии его высокой устойчивости. Непрерывный мониторинг наличия в среде главных мутагенов, их удаление или нейтрализация требуют существенных затрат. Они должны быть «защищенной статьей» любого бюджета.

В данный момент положение России в этом отношении не просто неудовлетворительное, оно угрожающее. Ни государство, ни организованные силы общества не выполняют своих функций в этой сфере безопасности. В обыденном сознании эта проблема как самостоятельная вообще не фигурирует. Защита складывается стихийно, и эффективность ее низка.

Перечислим главные системы цивилизации Россия, которые надо непрерывно воспроизводить:

- Народ (нация) в его количественных и качественных параметрах и в структурной полноте (то есть, воспроизводить весь перечень необходимых для жизни цивилизации общностей, выполняющих весь набор необходимых ролевых функций).
- Природные условия (территория, почва и недра, водные ресурсы, биогеоценозы).
- Культура во всех ее срезах, в частности:
- Универсум символов и ценностей.
- Знания, навыки и умения, системы их социодинамики.
- Искусство.
- Техносфера.
- Хозяйство.
- Государство.

В целом, воспроизводство всех этих систем России идет в настоящее время в чрезвычайном, а не штатном режиме. Мы переживаем период суженного воспроизводства, продолжается сокращение и качественная деградация важных подсистем каждой сферы. Ресурс этих систем еще не исчерпан, но на ряде направлений мы подошли к критическим порогам. Жизнеспособность России снижается. После 2000 года наблюдаются улучшения потока (например, годового ВВП или производства стали) при ухудшении фондов (базы, «запаса»).

В качестве примеров назовем следующие.

В условиях нынешней России обучение молодежи и ее цивилизационная индоктринация («передача цивилизационных кодов») идут в «мутагенной» среде – передаваемые молодежи сигналы целенаправленно искажаются и фальсифицируются. Цивилизационная холодная война продолжается, глупо это игнорировать. От общественных и государственных институтов зависит, чему обучают ребенка, защищены ли передаваемые ему коды от «программных вирусов», могут ли цивилизационные противники подключиться к информационным каналам и заполнить их своими сообщениями.

Совокупность цивилизационных признаков представляет собой систему, каждый главный признак – «срез» всей этой системы. Например, такой фундаментальный признак цивилизации как господствующая в ней антропологическая модель («Что есть человек?») выражается и в отношениях собственности, и в организации здравоохранения, и в праве, и в обыденном поведении. Воспроизвести этот признак в новом поколении – значит обучить детей и подростков тому, как в России понимается человек – в отличие от Запада. И не только обучить, но достичь интериоризации этого понимания, хотя и с новыми нюансами. В ходе этой передачи «генетической» информации и разыгрывается в России цивилизационный конфликт. Именно этот фундаментальный код стремятся заменить в последние двадцать лет. Исход этого конфликта и предопределяет облик России через двадцать лет.

Конструктивная роль государства в сохранении цивилизации выражается в организации и содержании систем и институтов, которые непосредственно воспроизводят народ в его системных качествах. К таким институтам относится, например, народное образование (школа). Так, превращение народов и народностей средневековой Европы в «буржуазные»

нации современного Запада потребовало создания школы совершенно нового типа, с новой организацией учебного процесса, новым типом программ и учебников. Эта школа стала «фабрикой субъектов» - специфического человека западной цивилизации. Превращение бывшей советской школы именно в такие «фабрики» и составляет суть школьной реформы в России. Дети и подростки России в настоящий момент получают в семье, в школе и через СМИ противоречащие друг другу или даже взаимоисключающие установки относительно главного для цивилизации вопроса – «Что есть человек?»

Надо подчеркнуть, что резко нарушено системное воспроизводство народа, а общественное сознание акцентируется только на количественных параметрах демографических процессов. Идет деградация структуры народа, резкое сокращение или даже исчезновение системообразующих для современной цивилизации общностей (например, рабочего класса или научно-технической интеллигенции). В 90-е годы были резко прерваны программы сплочения и развития сообществ, составляющих каркас общества, не обеспечиваются персоналом необходимые для воспроизводства и поддержания цивилизации функции.

Кроме того, разрушается этническая система России, сложившаяся на сложной и специфической матрице. Прерван процесс социокультурной интеграции этнических общностей в гражданскую нацию. Так, резко сократилось число межэтнических браков, одного из главных инструментов ослабления этнических барьеров и сборки больших наций. Идет неконтролируемое, кризисное передвижение по территории и перемешивание этнических общностей – этническая миграция, вызывающая болезненные процессы и повреждающая структуры цивилизации. Механизмы воспроизводства России в этой плоскости продолжают деградировать.

Из опыта последних 20 лет можно сделать вывод, что «новая культура», насаждаемая в России, есть средство деструкции общества и демонтажа русского народа как ядра цивилизации. Это – главный смысл «новой культуры», ее вектор. Какие-то точечные достижения и творческие удачи – это нечаянные радости или тактические уступки.

В этом срезе прогноз тревожен. Угроза вырождения культуры России (а значит, и распада цивилизационной матрицы) воспринимается большей частью граждан как вполне реальная. Никаких попыток сплотиться для ее предотвращения не наблюдается. Скорее, люди думают о способах личного спасения и выживания небольших общностей (семейств, родов, кланов). Многие в нынешней России смирились, поскольку питают иллюзию, что они лично (и их дети) попадут в число избранных и войдут в «мировую цивилизацию» (в «постчеловечество»).

Множественные структурные и ценностные мутации, которые производит нынешняя реформа в России как цивилизации, подрывают воспроизводство всех ее главных структур. Без целенаправленной защиты «генетического аппарата» и его «ремонта» Российская Федерация утратит признаки той цивилизации, которая была известна в мире как историческая Россия. Облик новых цивилизационных и культурных образований, которые возникнут на ее месте, пока не поддается рациональному предсказанию.

Хозяйство в цивилизации – не просто аналог двигателя и систем жизнеобеспечения корабля. Смена типа народного хозяйства ведет к изменениям во всех составляющих цивилизации как системы, это пересборка всех ее элементов и связей.

После 1991 г. в России была провозглашена программа замены институтов и систем, которые были созданы и построены в собственной культуре, на институты и системы чужой цивилизации, по шаблонам англо-саксонской рыночной системы.

Силой, которая скрепляет Запад через хозяйство, является обмен, контракт купли-продажи, свободный от этических ценностей и выражаемый количественной мерой цены. Общей, всеобъемлющей метафорой общественной жизни становится рынок.

Напротив, в России акты обмена по большей части не приобретали характера свободной и эквивалентной купли-продажи - рынок регулировал лишь небольшую часть общественных отношений. Был велик вес отношений типа служения, выполнения долга, любви, заботы и принуждения. Общей, всеобъемлющей метафорой общественной жизни становится в таком обществе семья.

Признание или непризнание цивилизационных особенностей хозяйства России относительно рыночной экономики Запада периодически становится в России предметом острых дебатов. Давление евроцентризма на образованный слой России не раз приводило к тому, что и правящая верхушка, и оппозиционная ей интеллигенция отказывали отечественному хозяйству в самобытности и шли по пути имитации западных структур. Это, как правило, приводило к огромным издержкам или к провалу реформ, к острым идейным и социальным конфликтам.

В.В. Путин сказал о 90-х годах: «за время длительного экономического кризиса Россия потеряла почти половину своего экономического потенциала». Это – страшный удар по жизнеспособности. Следствием стала быстрая утрата населением России признаков цивилизации в сфере хозяйства, а через него и в других сферах.

Здесь – важный учебный материал. После сравнимых с нынешними разрушений от гитлеровского нашествия промышленность была восстановлена за два года, а хозяйство в целом – за 5 лет. В 1955 г. объем промышленного производства превзошел уровень 1945 г. почти в 6 раз, а сельского хозяйства – почти в 3 раза. Это – индикатор жизнеспособности. Сейчас промышленность только-только выходит на уровень 1990 г. (это до кризиса конца 2008 г.), а сельское хозяйство в обозримом будущем вряд ли этот уровень достигнет. А реформа длится уже 20 лет. Эту разницу надо объяснить. Ведь дело явно не в мелочах, причины фундаментальны и речь идет об историческом вызове, от которого не уклониться.

Надо коротко отметить и еще одно принципиальное цивилизационное отличие хозяйства России (и царской, и советской, и нынешней) от западного капитализма. Оно состоит в длительном изъятии Западом огромных ресурсов из колоний, которое было необходимым условием для возникновения и развития современного Запада. Сделанные за счет этих средств инвестиции создали условия для рывка, благодаря которому Запад в XX веке получил возможность получать с остального мира «интеллектуальную ренту» научно-технического лидера и ренту от эмиссии мировых валют (доллара, а теперь и евро). Этих источников Россия не имела и, видимо, иметь не будет. Уже поэтому имитация западной системы хозяйства не позволит России сохранить статус цивилизации.

Доминирующей тенденцией в хозяйстве является проедание капитальных фондов, растрата созданных предыдущими поколениями унаследованных богатств, а также природных богатств, предназначенных для жизнеобеспечения будущих поколений. Такой хозяйственный порядок допустим для цивилизации только как аварийная краткосрочная мера, с целью пережить катастрофу. Этот допустимый интервал времени мы почти исчерпали или близки к этому порогу. Цивилизация в ее нынешних формах принимает черты паразитической, а значит, каким-то образом будет переформатирована.

[1] Г.П. Федотов писал в ярости: «Не так давно «Правда» посвятила передовицу славе «великого русского народа»... Бедный Маркс делается апологетом русского народа и русской государственности, жестоко им ненавидимой... Интерпретировать марксизм в таком духе, от которого сам Маркс пришел бы в бешенство... Карл Маркс выступает на защиту Александра Невского. Доселе Александр Невский, как и все содержание национальной русской истории, интерпретировались в духе марксизма. Теперь Маркс интерпретируется в национальном духе. Недурно?» [1].

[2] *Автором первой профанации образа будущего был Н.С. Хрущев, который поставил перед народом, победившим в великой мессианской войне, цель «догнать Америку по мясу и молоку».*

[3] *Эту свою оценку перестройки Горбачев подтвердил 5 ноября 2009 г. в интервью агентству «Евроньюс».*

26.01.2010. Семинар: доклад, 3-я часть

Состояние «личного состава». Цивилизация жизнеспособна, когда весь ее «личный состав» ощущает себя ее строителями и защитниками, все связаны узами ответственности и «горизонтального товарищества». Демонстративный отказ власти или сословий выполнять этот негласный договор подрывает связность народа или нации и лояльность населения.

Мотивация населения на личные усилия по сохранению цивилизации может упасть почти до нуля (это наблюдалось в Риме периода упадка, в Византии, в Российской империи в 1917 г. и в СССР в 1991 г.). И сейчас мы видим, как жизнеспособность нынешней России снижалась в 90-е годы из-за падения мотивации.

Индикатором может служить отношение к службе в армии. Еще в 1988-1989 гг. она была институтом, который пользовался очень высоким доверием граждан (70-80%). Но уже в 1993 г. от службы уклонилось 80% юношей призывного возраста, укомплектованность армии и флота упала до 53%. В осенний призыв 1994 г. Сухопутные войска получили только 9% необходимого числа призывников.

Подрыв легитимности государства в какой-то мере обязан продолжающейся психологической войне против России, но все же в большей мере утрата авторитета государством вызвана его дезертирством с многих его «постов», традиционно предписанных нормами цивилизации.

Вот вывод социологов в 2004 г.: «В период 1993-1997 гг. все параметры гражданской идентификации теряли силу вследствие отчуждения от государственных институтов и недоверия к властным структурам. В настоящее время высокий рейтинг Президента можно рассматривать как сугубо символический, поскольку доверие гаранту Конституции и законности не сопровождается уважительным отношением к государственным институтам власти: Думе, Правительству, органам правопорядка» [2].

Высока ли живучесть корабля с такой командой?

Государство отошло (еще не совсем, но уже слишком далеко) от выполнения своих служебных обязанностей в охране здоровья и образовании народа. Динамика показателей заболеваемости населения, включая новорожденных, детей и подростков, представляет собой страшную картину. Она такова, что удивляться надо именно стойкости населения, его долготерпению как главному сегодня фактору жизнеспособности России.

Но это долготерпенье не может компенсировать утраты квалификации, которая необходима, чтобы нести ношу цивилизации. По данным Минобороны, до 25% призывников из сельской местности России оказываются фактически неграмотными, а в 1997 году полностью неграмотным был каждый десятый призывник в Сибири. О том же говорит и уголовная статистика. По данным Отдела по предупреждению правонарушений среди несовершеннолетних МВД РФ, каждый третий правонарушитель школьного возраста в 1999 году не имел даже начального образования!

Вот удары реформы по жизнеспособности России. По совокупному «индексу человеческого развития», принятому ООН, СССР в 1970 г. занимал 20-е место в мире. В 1995 г. Россия (уже без республик Азии) находилась во второй сотне государств - в бедной части стран «третьего мира». Возникновение в начале XXI века значительного контингента подростков и юношей, лишенных школы, означает появление в России совершенно нового,

неведомого нам социокультурного типа. Он уже не может вернуться к культуре общинного крестьянина, он заполняет цивилизацию трущоб, особую экстерриториальную цивилизацию капитализма, экзистенциально враждебную любой локальной цивилизации.

Теперь кратко выскажу гипотезу, которую подсказал последний эпизод кризиса («финансовый», которым нас «заразили»). Это обострение кризиса побудило поднять вопрос, на кого Россия может опереться в трудный период. Кто определяет нынче ее жизнеспособность? Какая общность станет локомотивом, который вытащит Россию из кризиса? На кого делает ставку государство? Оказывается, на средний класс. Он представляется ядром общества и социальной базой власти. В прессе даже заговорили, что средний класс завоевал социальную гегемонию и политическую власть.

Называть, как сделал В.Ю. Сурков, период 2000-2008 гг. эпохой среднего класса – гротеск. «Гегемон» не только не определен внятыми признаками, он воспринимается как явление преходящее и нежизнеспособное, артефакт смутного времени, заслуживающий легкого сострадания. Куда он может повести расколотое общество, кого он может сплотить для творческого усилия?

Чтобы оценить символический эффект образа этого среднего класса, представим себе, что в Москве открыт монумент, олицетворяющий этот образ. Каков может быть этот памятник? Монумент «Челноки»? Поставим его в один ряд с уже известными монументами, символизирующими советский культурный тип. Это фигура «Рабочий и колхозница», памятник «Воину-освободителю» в Третьяков-парке. Такое сравнение для «среднего класса» убийственно, речь идет о несоизмеримых по потенциалу и консолидирующей силе социальных общностях.

В ходе обсуждения роли среднего класса телеведущий Владимир Соловьев подчеркнул, что это – «класс потребителей, а значит, именно он является двигателем всего, что происходит в стране». Класс потребителей! И на него возлагается миссия спасения страны.

Ясно, что сам классовый подход не отвечает типу угроз для России. Преодоление нашего кризиса возможно лишь в рамках цивилизационного проекта. Кто же автор и носитель такого проекта? Надклассовая и надэтническая абстрактная общность, которую Н.Я. Данилевский назвал «культурно-исторический тип» [3].

Данилевский предложил признаки для различения «локальных» цивилизаций, носителем главных черт которых и является культурно-исторический тип. Цивилизация представляется как воображаемый великан, «обобщенный индивид». Данилевский видел в этом типе очень устойчивую, наследуемую из поколения в поколение сущность – народ, воплощенный в обобщенном индивиде. Он считал невозможной передачу главных принципов («смыслов») цивилизации одного культурно-исторического типа другому. Заимствование верхушечных структур культуры одной цивилизации от другой происходят, по выражению Данилевского, в форме трех видов — «колонизации», «прививки» и «удобрения».

Колонизация - механический перенос структуры с одной культурной почвы на другую («пересадка с одного места на другое посредством цивилизации»). Метафора прививки трактуется негативно - «прививка не приносит пользы тому, к чему прививается», дичок становится средством для черенка (как это было, по мнению Данилевского, в реформах Петра). «Удобрение» оценивается положительно — это «способ воздействия цивилизации на цивилизацию», действие которого схоже с «влиянием почвенного удобрения на растительный организм», или «влиянию улучшенного питания на организм животный». Но главное для нас в этой концепции заключается в том, что во всех случаях воздействие извне осуществляется через один и тот же культурно-исторический тип. Другого «великана» (хотя бы и маленького) в данный исторический период в конкретной цивилизации не существует.

Это представление об устойчивости культурно-исторических типов развил О. Шпенглер. В книге «Закат Европы» (т. 2, раздел «Исторические псевдоморфозы») он дал метафорическую концепцию неудачных цивилизационных контактов России с Западом как «модернизации». О. Шпенглер применил термин «псевдоморфозы», взятый из минералогии.

Так называют явление вымывания кристаллов минерала, включенных в скальную породу, а затем заполнения этой пустой формы раствором другого минерала. Он кристаллизуется в «чужой» форме, так что его «внутренняя структура противоречит внешнему строению». Такими были, по мнению Шпенглера, реформы Петра Великого, которые загнали нарождающуюся русскую культуру в формы старой, развитой культуры Запада.

Шпенглер пишет: «Историческими псевдоморфозами я называю случаи, когда чужая древняя культура тяготеет над краем с такой силой, что культура юная, для которой край этот - ее родной, не в состоянии задыхаться полной грудью и не только что не доходит складывания чистых, собственных форм, но не достигает даже полного развития своего самосознания. Все, что поднимается из глубин этой ранней душевности, изливается в пустую форму чуждой жизни; отдавшись старческим трудам, чьи чувства костенеют, так что где им распрямиться во весь рост собственной созидательной мощи? Колоссальных размеров достигает лишь ненависть к явившейся издалека силе ...»

Псевдоморфоз у всех нас сегодня на виду: петровская Русь... Прimitивный московский царизм - это единственная форма, которая в пору русскости еще и сегодня, однако в Петербурге он был фальсифицирован в династическую форму Западной Европы. ... Народ, назначением которого было - в течение поколений жить вне истории, был искусственно принужден к неподлинной истории, дух которой для исконной русской сущности был просто-напросто непонятен. В лишенной городов стране с ее старинным крестьянством распространялись, как опухоли, города чужого стиля. Они были фальшивыми, неестественными, неправдоподобными до глубины своей сути» [4].

В свое время эта концепция подверглась критике русскими философами, а сегодня вновь стала популярной, хотя вся эта конструкция опирается всего лишь на метафору. О любой известной истории цивилизации можно сказать, что она - псевдоморфоз (античная цивилизация Греции взяла многие формы не только у Египта, но и у черной Африки - и что из этого?).

Эти представления господствуют сегодня в России и у идеологов реформы, и у ее противников. Первые опираются на концепцию «России-как-Европы» и объясняют неудачи реформ ненужным стремлением искать какие-то «свои» подходы и формы (особый путь) вместо точного копирования западных структур. Вторые прямо исходят из модели Данилевского-Шпенглера. Но в главном эти крайности сходятся.

История XX века заставляет отказаться от концепции Данилевского-Шпенглера. И русская революция, и перестройка конца XX века с последующей реформой показали, что в действительности цивилизация является ареной конкуренции (или борьбы, даже вплоть до гражданской войны) нескольких культурно-исторических типов, предлагающих разные цивилизационные проекты. Один из этих типов (в коалиции с союзниками) становится доминирующим в конкретный период и «представляет» цивилизацию[1].

Реформы Петра, несмотря на все нанесенные ими России травмы, не были псевдоморфозами, они опирались на волю культурно-исторического типа, сложившегося в лоне российской цивилизации и начинавшего доминировать на общественной сцене. Модернизация и развитие капитализма во второй половине XIX века вызвали кризис этого культурно-исторического типа и усиление другого, вырастающего на матрице современных буржуазно-либеральных ценностей. Это было новое поколение российских западников, но

вовсе не клон западных либералов (о «самобытности» российских либералов начала XX века писал М. Вебер).

На короткое время именно этот культурно-исторический тип возглавил общественные процессы в России и даже осуществил бескровную Февральскую революцию 1917 г. Но он был сметен гораздо более мощной волной советской революции. Движущей силой ее был культурно-исторический тип, который стал складываться задолго до 1917 года, но оформился и получил имя уже как «советский человек» после Гражданской войны. Все цивилизационные проекты для России были тогда «выложены» в самой наглядной форме, культурно-исторические типы, которые их защищали, были всем известны и четко различимы, все они были порождением России.

Что из этой истории важно для осмысления нашего нынешнего кризиса? Прежде всего, важно понять структуру актуального российского общества под этим углом зрения. Как раскололось успокоенное «застоем» общество, по каким линиям экзистенциальных противоречий? Кто противостоит реформам при внешней апатии и полном конформизме населения? Тут требуется деидеологизированный, «инженерный» анализ[2].

Трудный XX век Россия прошла, ведомая культурно-историческим типом, получившим имя «советский человек» (в среде его конкурентов бытует негативный, но выразительный термин *homo sovieticus*). Советские школа, армия, культура помогли придать этому культурно-историческому типу ряд исключительных качеств. В критических для страны ситуациях именно эти качества позволили СССР компенсировать экономическое и технологическое отставание от Запада[3].

Общности, которые были конкурентами или антагонистами советского человека, были после Гражданской войны «нейтрализованы», подавлены или оттеснены в тень – последовательно одна за другой. Они, однако, пережили трудные времена и вышли на арену, когда советский тип стал снижать и переживать кризис идентичности (в ходе послевоенной модернизации и урбанизации). Среди этих набирающих силу общностей вперед вырвался культурно-исторический тип, проявивший наибольшую способность к адаптации. Его можно назвать, с рядом оговорок, мещанством.

К 70-м годам оно сумело добиться культурной гегемонии над большинством городского населения и эффективно использовало навязанные массовой культуре формы для внедрения своей идеологии. Советский тип вдруг столкнулся со сплоченным и влиятельным «малым народом», который ненавидел все советское жизнеустройство и особенно тех, кто его строил, тянул ляжку. Никакой духовной обороны против них государство уже и не пыталось выстроить.

Видные западные советологи уже в 50-е годы разглядели в мировоззрении мещанства свой главный плацдарм в холодной войне. Крупный философ И. Бохенский, считал, что рост мещанства станет механизмом перерождения советского человека в обывателя, поглощенного стяжательством. Как и любой общественный процесс, этот сдвиг мог быть перепрофилирован в направлении, не подрывающем главный вектор развития. Но этого не было сделано (см. [6]).

Суть философии мещанства – «самодержавие собственности». Но этот идеал собственности, в отличие от Запада, не стал буржуазным и не был одухотворен протестантской этикой. Буржуа был творческим и революционным культурно-историческим типом. Мещанин – это антипод творчества, прогресса и высокой культуры. Ему противно любое активное действие, движимое идеалами. Герцен отмечал, что мещанство не столько максимизирует выгоду, сколько стремится «понизить личности». Это – духовный вектор.

Антисоветский проект сделал ставку на активизацию мещанства как самого массового культурно-исторического типа, который был оттеснен на обочину в советский период. В отличие от тончайшего богатого меньшинства дореволюционной России (аристократов,

помещиков, купцов и фабрикантов), оно пронизывало всю толщу городского населения и жило одной с ним жизнью. Доведенные до крайности установки мещанства были художественно собраны в образе Смердякова. В разных формах культурный тип мещанства представлен в русской литературе очень широко, стал на переломе веков едва ли не самым главным образом. Достоевский и Толстой, Чехов и Горький, Маяковский и Платонов – все оставили художественную летопись эволюции русского мещанства.

Революцию мещанство «пересидело»[4]. Составляя значительную часть мало-мальски образованного населения, мещанство быстро овладело знаками советской лояльности и стало заполнять средние уровни хозяйственного и государственного аппарата. Социальный лифт первого советского периода поднял статус мещанства, и уже тогда возникли ниши, где негласно стали господствовать его ценности.

Война сильно выбила творческую, активную часть общества. Мещанство, напротив, окрепло, обросло связями и защитными средствами – и стало повышать голос. Агрессивная аполитичность мещанства, демонстративный отказ от участия в любом общественном деле были действительно важным фактором социальной атмосферы – целостной позицией, которая стала подавлять позицию гражданскую.

Ход утраты культурной гегемонии советским типом – важный урок истории и актуальная для России проблема обществоведения. Здесь мы ее не касаемся, один только штрих. Этот процесс можно проследить по динамике когнитивной активности рабочих. В 1922 г. продолжительность рабочего времени в СССР сократилась по сравнению с 1913 г. на 537 часов. Люди их использовали, первым делом, на самообразование. Затраты времени на самообразование с 1923 по 1930 г. выросли с 12,4 до 15,1 часа в неделю. С середины 60-х годов начался резкий откат. Среди работающих мужчин г. Пскова в 1965 г. 26% занимались повышением уровня своего образования, тратя на это в среднем 5 часов в неделю (14,9%) своего свободного времени. В 1986 г. таких осталось 5% и тратили они в среднем 0,7 часа в неделю (2,1%) свободного времени. К 1997/98 г. таких осталось 2,3% [7].

В общем, советский культурно-исторический тип сник в 70-80-е годы, а потом был загнан в катакомбы. Господствующие позиции заняло мещанство, в том числе криминализованное[5]. Эта смена культурно-исторического типа и предопределила резкую утрату жизнеспособности России как цивилизации. Та культурная общность, которая стала господствовать в России, не обладает творческим потенциалом и системой ценностей, которые необходимы, чтобы «держат» страну, а тем более сплотить общество для модернизации и развития.

В ближайшие 10-15 лет Россия окажется перед лицом угроз, которые лишь зародились в ходе реформ и в зрелой форме реализуются уже тогда, когда сойдет с арены поколение советских людей с их знанием, навыками и ценностями. Эти угрозы должны будут преодолевать люди нового, существенно иного культурно-исторического типа, и предвидение этой ситуации становится важной задачей.

Советский тип был загнан в катакомбы, но не исчез. Он – молчаливое большинство, хотя и пережившее культурную травму. Сейчас неважно, какое духовное убежище соорудил себе каждый из людей этого типа – стал ли он монархистом, ушел ли в религию или уповаает на нового Сталина. В нынешнем рассыпанном обществе именно эти люди являются единственной общностью, которая обладает способностью к организации, большим трудовым и творческим усилиям. Именно они могут быть собраны на обновленной матрице, ибо сохранилось культурное ядро этой общности, несущее ценности и смыслы российской цивилизации, ценности труда, творчества и солидарности.

«Сборка» дееспособных социокультурных общностей и организация диалога между ними – актуальный вопрос национальной повестки дня России. В этот раз достичь в полной мере цивилизационного переформатирования России, скорее всего, не удастся. Способность

к регенерации поврежденных структур у России очень велика. Цивилизация такого масштаба и с таким разнообразием элементов и связей, как Россия, представляет собой слишком большую и сложную систему, на ее слом у реформаторов не хватит ни экономических, ни культурных ресурсов. Хотя, очевидно, изуродуют сильно.

Задача в том, чтобы свести к минимуму травмы и мутации несущих цивилизационных конструкций России или, в облегченном варианте, не допустить, чтобы травмы и уродства не превзошли некоторый критический порог. Мы от него уже недалеко.

Литература

1. Федотов Г. П. Россия и свобода. В кн.: Федотов Г. П. Империя и свобода. Нью-Йорк, 1989, с. 78-79 (<http://magazines.russ.ru/october/1997/5/levin.html>).
2. Данилова Е.Н., Ядов В.А. Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ. - «СОЦИС». 2004, № 10.
3. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга. 1991.
4. Шпенглер О. Закат Европы. Т.2. // Самосознание европейской культуры XX века.— М.: ИПЛ, 1991., с. 30.
5. Шорохов А. Тургенев: Русский ответ откладывается... (Культурно-исторические типы Запада и Россия). - <http://www.pereplet.ru/shorohov/50.html>.
6. Новиков А.И. Мещанство и мещане. Л.: Лениздат. 1983.
7. Патрушев В. Жизнь горожанина (1965-1998). М.: Academia. 2001.

[1] Еще раньше Данилевского, в 1857-59 гг., И.С. Тургенев изложил исключительно прозорливое и важное свое исследование — статью «Дон-Кихот и Гамлет» [5]. Он предложил концепцию западной цивилизации как сосуществование двух культурно-исторических типов. Дон-Кихот представлял старую католическую Европу, а Гамлет — нарождающееся протестантское, научно-рациональное мировоззрение (позже этот, уже зрелый, культурно-исторический тип был дан в образе Фауста). Но в XIX веке этот смысл статьи Тургенева не был воспринят.

[2] Не видя этих главных расколов, нельзя построить верную социокультурную карту российского общества. Поэтому все попытки собрать общности на новых, «постсоветских» матрицах заканчиваются неудачами. Поразительно безуспешными было множество попыток партийного строительства, проект создания массовой молодежной организации, создания общности «фермеров», новой общности солдат-«контрактников», нового научного сообщества. Фундаментальные причины этих трудностей не были выявлены, хотя принципиальных методологических препятствий для такого исследования не было.

[3] Измеряемый ООН индекс развития человеческого потенциала в СССР в 1987 году составлял 0,920, а в США 0,961. Учитывая, что по объему ВВП на душу населения СССР занимал 30 место, а США второе, можно оценить вклад образования в развитие личности.

[4] Надо сказать, что мещанство было врагом обеих столкнувшихся в Гражданской войне сторон, которые представляли разные революционные проекты. В мировоззренческом конфликте с мещанством в 20-е годы красные и белые ветераны были по одну сторону баррикад.

[5] А.С. Панарин считал, что главной, может быть, чертой сознания мещанства является его стремление к нарушению легальных норм поведения. Преступившая личность отличается от законопослушной личности с таким типом сознания не структурой своих

потребностей и мотиваций, а лишь специфической неконформистской решительностью.

26.01.2010. Семинар: Вопросы докладчику и ответы

Окара

Можно ли еще раз прояснить отличия, в Вашем понимании, цивилизации и культурно-исторического типа, как у Данилевского? Какие критерии и факты описывают цивилизацию, цивилизационную идентичность? Какие критерии описывают культурно-исторический тип? Как они соотносятся?

Кара-Мурза

О цивилизации говорить не будем – Данилевский только начинал развивать представление о признаках. За полтора века после этого выстроена целая система. Другое дело – понятие культурно-исторического типа. Оно и сегодня трактуется в основном так же, как и у Данилевского. Сохраняется эссенциалистский подход к этому понятию, культурно-исторический тип понимается как очень устойчивая сущность, которая однозначно отражает и сущность цивилизации.

В моем понимании дело обстоит иначе. Цивилизация – это постоянная конкуренция и борьба нескольких культурно-исторических типов, представляющих существенно разные проекты. В каждый исторический момент идентичность цивилизации описывает в основном тот тип, который в это время доминирует.

Это надклассовая, надэтническая общность. В него могут входить (конечно, со своими нюансами) люди с разным социальным положением. Возьмем Гражданскую войну. Генералы царской армии примерно поровну пошли служить в Красную армию и в Белую. Почему? Потому, что они представляли не только социальную прослойку, в которой были примерно равны, но и разные культурно-исторические типы. Алексею (сыну рядового солдата) и Деникину (сыну крепостного крестьянина) были ближе либералы, а Брусилову и Бонч-Бруевичу (из дворян) ближе большевики. Так по-разному сложились их мировоззренческие матрицы. Также и рабочие – они были и в Белой, и в Красной армии.

Состояние цивилизации определяется наличием тех культурно-исторических типов, которые вырабатывают и отстаивают альтернативные цивилизационные проекты. Так в начале XX в. кадеты представляли уже укорененный в России, обладающий большими ресурсами культурно-исторический тип с его цивилизационным проектом для России – либерально-буржуазным, но рожденным в лоне российской действительности и русской культуры, а вовсе не импортированным из-за рубежа. Западники были частью нашей культуры.

Нельзя сказать, что они выражали сущность России как цивилизации, однако без их проекта, без их борьбы с проектом сословной модернизации или с проектом уже советской модернизации не было бы и советского строя. Он дорабатывался, во многом, благодаря диалогу и борьбе и с кадетами, и со Столыпиным, и даже с черносотенцами. Все они были соавторами советского проекта.

Таким образом, нельзя сказать, что идентичность цивилизации определяется только доминирующим типом, она складывается в процессе цивилизационного конфликта.

Сулакшин

Первое. СССР был страной-цивилизацией. В 1985 г. по самым разным показателям его мощь была максимальной. Это не помешало ему развалиться за 6 лет горбачевского периода. Что такое произошло на языке цивилизационной устойчивости и непотопляемости?

Второй вопрос касается Вашего тезиса, что цивилизации в своих характеристиках динамичны и эволюционны, трудно найти исторические инварианты, их описывающие. Соот-

ветственно, цивилизация – страна Российская империя, цивилизация – страна СССР, цивилизация – страна нынешняя РФ. Есть ли в них общее, преемственное?

Третий вопрос - относительно ядов (в Вашей терминологии), которые могут поразить цивилизацию. Можно ли сейчас изобрести такой яд, которым можно поразить, скажем, китайскую цивилизацию, чтобы она тоже за 6 лет загинула?

Кара-Мурза

В чем я вижу причины краха, опрокидывания советского корабля? Очень многие системы еще были в фазе роста и укрепления. Но в целом кризис модернизации был гораздо глубже, чем казалось, судя по внешним индикаторам. Советский проект был выработан в традиционном обществе России под большим влиянием «архаического» (по выражению Вебера) крестьянского коммунизма. Тот советский строй, который был до смерти Сталина (до прихода Хрущева), складывался на центральной мировоззренческой матрице крестьянского традиционного российского общества. Он был легитимирован этим крестьянским коммунизмом.

Марксизм был «тонкой пленкой европейских идей», которые придали традиционному обществу импульс развития, прогресса, т.е. эта «пленка» соединила идеалы норм Просвещения с традиционным обществом. Но урбанизация и модернизация 60-х гг., т.е. резкая и очень быстрая смена всего образа жизни почти половины населения, когда еще в городах не создали пространство для удовлетворения важных потребностей большой массы людей, вызвали тяжелый адаптационный стресс.

На этот вызов не было вообще никакого ответа общества и государства. Старшее поколение советского «правлящего слоя» просто не могло понять, в чем причина назревавших болезненных явлений. Первым звонком неблагополучия были стилиаги. А во второй половине 50-х гг. в столичных университетах инакомыслие уже стало господствовать. Это не было осознанным антисоветизмом – речь шла об отрицании советского строя в его версии крестьянского коммунизма. Требовалось глубокое преобразование мировоззренческой матрицы, которое бы легитимировало советский строй новыми образами и аргументами, обращенными в будущее, а не апеллирующими к бедствиям прошлого.

Я думаю, это не могло быть сделано в тех реальных условиях, поскольку именно в те годы интеллектуальная элита ударилась в «аутентичный марксизм». Там они обнаружили, что Маркс заранее отвергал советский строй как грубый уравнилельный коммунизм, именно как крестьянский коммунизм. Поэтому марксисты 60-х гг. в основном стали антисоветчиками, как и меньшевики до революции. Интеллектуальная элита КПСС начала готовить антисоветскую революцию не из мелких побуждений, а отвергая фундаментальные основания советского строя. Я считаю, что состояние команды было уже в таково, что она была готова «перевернуть корабль».

Горбачев сделал эту работу. Другой, может быть, вырулил бы. Надо учитывать, что в то время «корабль» был объектом бомбардировки цивилизационного противника в холодной войне (сейчас многие у нас считают себя его союзником «в тылу врага»). Но руководство СССР, как и «советская» часть общества, не знало, как справиться и с внешним противником, потому что основных угроз холодной войны наше общество в 70-х гг. уже не распознавало. Готовились к «прошлой» войне, а наступление шло в сфере сознания.

Таким образом, цивилизация-«корабль» была уже очень уязвима и хватило небольшого (но синхронного и совместного!) толчка. Что произошло при катастрофических переформатированиях разных воплощений цивилизации – Российской империи и СССР? Корабль «Российская империя» утонул, не перевернувшись. Его подняли, быстро почистили, отремонтировали, и он стал дееспособным. Корабль «СССР» утонул, перевернувшись, и его не могут поднять как целое. Из Российской империи в СССР перешло очень многое, включая планы развития большой науки и даже пятилетние планы, специфический социокультур-

ный тип промышленного предприятия, проект школы, готовую программу создания метрологии и стандартизации. Даже предания – когда в начале 30-х гг. удалось подавить «космополитическую» линию в идеологии.

Главное – удалось не допустить разрыва непрерывности, сохранить преемственность дееспособности системообразующих структур старой России, например, науку. Науке придали такой статус, что она быстро довела до совершенства русский научный стиль – особый мировоззренческий тип, способ постановки проблем, который во многом компенсировал отставание СССР в экономике и технологии от Запада. Сохранилась техническая культура, русский инженерный корпус. Удалось создать школу, о которой еще с XIX века шли острые дебаты. Эта школа воспроизводила не классы, а «тело народа». Молодежь заставили изучать классическую русскую литературу.

Сейчас все значительно сложнее, поскольку силы, пытающиеся сделать разрыв непрерывности необратимым, гораздо более влиятельны, а силы противодействия – слабее.

Про Китай. Я считаю, что Китай, опираясь на особенности своей цивилизации и на опыт, который сохранен, систематизирован и освоен, выработал, в отличие от нас, огромный арсенал средств для блокирования подобных диверсий в сфере сознания. Иногда власти там не гнушаются и насилием, поскольку они самодостаточны и не претендуют на статус демократического государства во мнении Запада. Опыт перестройки их очень сильно потряс. Они внимательно следят за процессами, и все же в среде партийной интеллигенции, похоже, витает ощущение возможной катастрофы. Но я думаю, что там ведется работа на инженерном (а не идеологическом) уровне и по оценке ресурсов, которыми обладает Китай и его противник, и по созданию средств, чтобы блокировать угрозы.

Багдасарян

У меня вопрос по поводу живучести корабля и цивилизации. Позволю себе метафору, может быть, историческую переключку - крейсер «Варяг», затопленный русскими матросами, или корабли, затопленные в 1854 г. в бухте Севастополя. Живучесть - это самодостаточная категория или должна быть какая-то идея выше живучести цивилизации и с ней надо соизмерять существование этой цивилизации?

Второй вопрос. Живучесть цивилизации и живучесть государства? О чем шла речь – о России как цивилизации или о России как государстве? Всегда ли это одно и то же? Можно обратиться к Григорию Федотову, который предлагал в свое время перенести в Киев столицу России в цивилизационных целях. Не может ли быть принципиального столкновения живучести государства и живучести цивилизации?

Кара-Мурза

Трудно отрывать живучесть от идеи, потому что цивилизация, утратив идею, болеет, но она еще живуча, потому что само преодоление кризиса, катарсис, в принципе должен подвести к новой основе для старых идей. Если мировоззренческое ядро размыто, если матрица растащена конфликтующими сторонами, то это ведет к гибели или переформатированию цивилизации. Предсказать, что из этого выйдет, пока нельзя.

Второе. Цивилизация и государственность, конечно, вещи связанные, но довольно автономные. Возможна утрата государственности, даже длительная, или ее переформатирование, как это происходило и с Западом - государственность сильно менялась, но преемственность цивилизации сохранялась. Более того, даже такие катастрофы, как Реформация, не прервали цивилизационную траекторию Запада, хотя часто говорят, что Новое время – это новая цивилизация. С таким крайним утверждением на Западе вряд ли согласятся, да и мы тоже. Понятие цивилизации очень широкое, и смысл его каждый раз уточняется контекстом. В общем, потеряв государственность, цивилизация может сохранить-

ся. Более того, она, сохранившись «в катакомбах», может стать условием создания новой государственности.

Бузгалин

У меня 3 уточняющих вопроса. Первый – понятие цивилизации очень многозначно. Не могли бы Вы дать определения или сослаться на кого-то из авторитетов, с кем Вы согласны? Второе, каковы отличительные характеристики российской цивилизации в отличие от любой другой цивилизации? В частности, у Вас в тексте есть такая фраза: «главный вопрос цивилизации – это что есть человек?» Так что есть человек для российской цивилизации?

Кара-Мурза

Поскольку понятие цивилизации очень многозначно, вполне можно быть согласным с разными авторитетами, которые употребляют это понятие в разных контекстах. В данном случае мы говорим о России как о локальной цивилизации, примерно так, как Тойнби.

По второму вопросу. Понятно, что коротко не ответить. Можно собрать отличия в десяток главных блоков, и в каждом будет примерно по десятку существенных отличий. Кратко, выберу такие признаки. Российскую цивилизацию отличает тип общества – специфическое традиционное общество в состоянии модернизации, в отличие от гражданского общества Запада. Соответственно, этому соответствуют и представления о пространстве и времени, о человеке и государстве, о собственности и типе хозяйствования.

Например, русская поземельная община отличалась от остальных общин (что игнорировали Маркс и Энгельс). Она была перенесена в город, в промышленность в виде особого типа промышленного предприятия, а именно, советского промышленного предприятия. Это совершенно особая социокультурная организация. Советская школа тоже по-другому строится.

К вопросу о человеке. В православной философии говорилось о соборной личности, т.е., во-первых, не индивид, как на Западе, во-вторых, не включенный в клановую, кастовую или жесткую сословную систему, как в восточных традиционных обществах.

Шубин

Что такое «структурная полнота нации»?

Кара-Мурза

Нация, чтобы «держаться» современную цивилизацию, должна иметь набор ролевых функций, соответствующий тем задачам, которые необходимо выполнять для обеспечения жизнеспособности и развития этой цивилизации.

Фурсов

Правильно ли я понял, что советское общество – это традиционное общество, которое вступает в полосу упадка, как только начинается его модернизация, урбанизация, т.е. оно запрограммировано на непереход. Урбанизация – это неразрешимая для него проблема. Второй вопрос – Вы говорите о крестьянском коммунизме в советском обществе. Вы считаете, что русская пореформенная деревня с 1860 по 1920 гг., которую народники называли «трактерной цивилизацией» - это крестьянское общество? Вы считаете, что крестьянство 20 – 40 гг., когда говорите, что советский строй воплотил идеалы русского крестьянского коммунизма, являлось носителем этой идеи?

Кара-Мурза

На первый вопрос ответ «нет». Вы именно неправильно поняли. Я не считаю, что традиционное общество несовместимо с модернизацией и урбанизацией. Считать так, живя в СССР, было бы нелепо.

По второму вопросу, «конечно, нет – и вообще». То есть, я не принимаю самого вопроса по форме. Вы ввели много таких постулатов, с которыми я не согласен, а отвечать вроде бы должен в заданных Вами рамках. Как понять вопрос: «Вы считаете, что русская пореформенная деревня с 1860 по 1920 гг. - это крестьянское общество?»?

Видимо, Вы считаете, что, конечно же, нет. Не может русская деревня быть «крестьянским обществом», и это знает каждый логически мыслящий человек.

Почему носителем «идеалов русского крестьянского коммунизма» должен быть только крестьянин? Это не имеет под собой ни исторических, ни логических оснований. Разве носителями идеалов Просвещения может быть только французская буржуазия конца XVIII века? Или здесь тоже парадокс – мол, не мог же крестьянин быть носителем идеи крестьянского коммунизма?

Чернавский

Ваш доклад заканчивается фразой, что все-таки Россия выживет как цивилизация. Вопрос: если цель – сохранить российскую цивилизацию, то какая форма деятельности или управления ей адекватна? Демократическая или тоталитарная?

Кара-Мурза

Не важно.

Неклесса

Есть ли конструктивная перспектива у России как цивилизации? В этом вопросе два смысла: во-первых, довольно часто здесь цивилизация отождествлялась с понятием империи. Во-вторых, современная Россия, Россия – РФ, существенно отличается, как от СССР, так и от Российской империи, хотя бы даже в таком механистическом отношении, т.е. то, что на территории Российской империи сейчас 21 государство, на территории СССР 19 государств существует. Есть ли в этих условиях конструктивная перспектива у России как цивилизации, а не как национального государства?

Кара-Мурза

Вопрос странный, разъяснение тоже. Что значит «конструктивная перспектива»? Перспективы и не может быть в отсутствие созидательного импульса. Деструкция – это пресечение перспективы.

О первом смысле вопроса: не думаю, что упоминание империи в рассуждении о судьбе цивилизации можно считать «отождествлением» этих двух целостностей.

Второй смысл я, возможно, понимаю неправильно. Почему надо противопоставлять цивилизацию национальному государству? Разве это равноположенные понятия?

Я считаю, что противопоставлять не обязательно – цивилизация может совпадать с национальным государством, а может и не совпадать. Есть, например, понятие Русский мир. Это ведь не государственность. Это срез цивилизационных отношений.

Может быть, Вы спрашиваете, есть ли у России возможность построить национальное государство западного типа и сохраниться как цивилизация? Я думаю, что нет. Национальные государства строились путем подавления или сильного приглушения этничности племен и народов. Происходила или их ассимиляция одним из больших народов, или их сплавление в новую нацию. В России сложился иной тип государственности и полиэтнической нации - русское ядро с обрамлением иных народов, которых не заставляют терять свою этничность. Видимо, эту модель не сломают в XXI веке, она продолжит свое развитие. Это не империя западного типа, эти понятия широки и условны. Россия и сейчас осталась империей-союзом и смогла пережить бунт этничности, который произошел в 80-90-е гг., но который является болезнью роста. Я считаю, что российская цивилизация мо-

жет выжить, и для этого будет предпочтительнее сохранить ту модель межнационального общежития, которая сложилась раньше.

Неклесса

Второй вопрос. В докладе Вы противопоставили ситуацию в России и Украине в пользу России. Украина, с Вашей точки зрения, находится в историческом тупике. В чем Вы его видите? И в чем состоит преимущество России по сравнению с Украиной?

Кара-Мурза

Я говорил, что Украина переживает болезненный период и что она переболеет им. Оранжевая революция привела к спаду очень многих показателей – социальных, хозяйственных. Но главное, государственная власть приняла доктрину нациестроительства, которая загоняет общество в тупик и даже ставит под угрозу культурную и политическую целостность Украины. Эта доктрина основана на этническом национализме и сплочение нации через создание образа врага, который вторгся и пресек Золотой век. Это враг – русские. Тенденция хорошо известна из опыта африканских постколониальных государств, которым удалось навязать эту доктрину (в отличие от Азии). Вместо сплочения нации образом будущего такой национализм ведет к трайбализации. В Российской Федерации этого, в общем, удалось избежать, хотя угроза скатиться на этот путь все еще велика.

26.01.2010. Семинар: выступление А.В.Бузгалина

Уважаемые коллеги, я не первый раз выступаю здесь по примерно единому комплексу вопросов, связанных с российской цивилизацией, ее будущим и ее (не?) возможным величием. Этот цикл докладов очень интересен, но, поскольку аудитория сегодня наполовину иная, то если я в чем-то повторяюсь, приношу свои извинения, но не сказать каких-то важных слов я не могу.

Первое. На мой взгляд, цивилизационный подход является не самым адекватным для решения проблем будущего России. Главным образом в силу своей неопределенности и трудности выделения тех специфических черт, которые действительно требуют развития и создают потенциал такого развития и, наоборот, составляют проблемное поле, тормозящее это развитие.

Я пытался добиться определения отличия российской цивилизации от любых других цивилизаций практически от всех участников данного цикла. Ничего, кроме упоминания некоторых специфических черт позднего феодализма в России, я получить не смог. Поскольку говорить о том, что сегодня в качестве господствующего в России сохраняется соборный тип личности или, что этот соборный тип личности был отличительным для советской системы, на мой взгляд, затруднительно. В советской системе были различные типы личности, но «хомо советикус» был существенно отличен от модели соборного человека, очень значительно. У меня нет возможности аргументировать это.

Неклесса: Его и в Российской империи, по-моему, не существовало

Б.: Я про это не говорю, чтобы не уходить в проблемы, слишком далеко отстоящие от темы доклада.

Если говорить о соборном типе личности сейчас, то да, есть некоторая толика патриархального населения в России, но это абсолютное меньшинство. Если же мы сравним российского и американского бизнесмена, то они отличаются скорее всего тем, что российский находится на этапе, близком к первоначальному накоплению капитала, а американский - ближе к позднему капиталу. Ну а если мы будем сравнивать олигархов, то они уже почти не отличаются.

Если мы сравним какие-то другие слои населения, то между представителями примерно одного и того же слоя населения в России и на Западе будет гораздо больше общих черт,

чем между представителями разных слоев населения внутри России. Давайте мы сравним москвича среднего класса с представителем вымирающей деревни в центральной России. И представителя среднего класса в Москве, Санкт-Петербурге, Краснодаре... (Я хорошо знаю этих людей.), Владивостоке, Новосибирске... с представителем среднего класса в Западной Европе, США или Латинской Америки (я их тоже хорошо знаю). У всех них примерно один и тот же тип ценностей, очень сходные стереотипы поведения, организации свободного времени, труда и т. д.

О чем это говорит? О том, что, конечно, особенности у российского социума имеются, но эти особенности, как правило, не столь значительны, чтобы на этой базе строить всю теорию развития нашего Отечества. Инвариантных особенностей, которые были бы характерны для всех этапов развития нашей страны на протяжении ее многотрудной истории, найти удастся очень мало. Если еще найти те инварианты, которые должны быть характерны для всех социальных слоев, то не останется почти ничего.

На самом деле, особенность нашей страны составляет скорее специфика ее социально-экономической, политической и духовной эволюции, того пути (со всеми его зигзагами), который мы проходим. В этом смысле специфика есть. Есть специфика в том, как у нас умирал феодализм; как и почему появился строй, называвшийся социалистическим; как и почему последний умер; как и почему родился только в двадцать первом веке капитализм.

(В скобках замечу: здесь мы опоздали чудовищно. Может быть, в этом наше счастье, но в принципе мы опоздали и пытаемся воспроизвести эту западную модель).

Следовательно, вопрос о специфике российского социума я бы переформулировал так: почему социальная эволюция нашей страны была такой?

Ответ на этот вопрос предполагает то, что главный спор должен быть на самом деле вокруг аксиоматики, вокруг парадигмы, методологии, в которой исследуются эти специфические черты эволюции. В докладе предложена цивилизационная методология. Я же доказываю, что она неадекватна для решения названных выше ключевых проблем.

Что же касается выводов, то, как ни странно, я во многом согласен с уважаемым Сергеем Георгиевичем: Я согласен с его критикой ужасов капитализма 90-х и 2000-х годов в нашей стране, с тезисом о разрушении национальной культуры и российских народных традиций и т.д.

Но то же самое можно сказать практически о любой стране, по которой сегодня катится молох капиталистической глобализации. Он в любой стране (особенно – слабо- и средне-развитой) ударяет по национальной культуре, по традиционным ценностям, по духовному развитию, по возможностям перехода к высоким технологиям, по социальной справедливости. Посему вся та критика, которая адресована сегодня к СССР, один к одному воспроизводится моими коллегами, с которыми я четырежды встречался в Венесуэле. И ни какого влияния «советской руки» там нет. Чавес вырос совершенно независимо от русского социума и не очень хорошо знаком с нашей литературой, если знаком вообще. Тем не менее, его аргументация на 90 процентов сходна с аргументацией Сергея Георгиевича. Только он апеллирует к национальным особенностям Венесуэлы и специфическому духу Латинской Америки, а профессор кара-Мурза - России.

Апеллировать к некоему муссируемому славянофилами инвариантному «русскому духу» проще. Это очень хорошо ловится общественным сознанием. Но это не означает, что эта апелляция истинна. Поэтому, соглашаясь в описании критических проблем нашего Отечества, я не соглашаюсь в методологии поиска и содержании причин и путей преодоления наших проблем. Поиск ответов в той парадигме, из которой исходит автор - в особенностях российской цивилизации, - оказывается так или иначе ориентирован на ностальгию

по тем скрепам (корабля, команды и стратегии движения, выражаясь вашим образным языком), которые были характерны для Российской империи и советского общества.

В той мере, в которой Российская империя была некапиталистической и в ней были элементы действительного развития подлинной культуры, эти ориентиры, конечно же, интересны и важны. В той мере, в которой в Советском Союзе были высокие технологические, социальные и иные достижения, безусловно, мы можем и должны на это опираться. Но не очень понятно, при чем здесь российская цивилизация? А, если мы посмотрим в неспецифически-русском контексте, тогда появится иная проблема - проблема опоры на подлинную культуру всего мира: Шекспира, Толстого, Гомера, Маркеса и т. д., в отличие от Жан Клод Ван Дама, «Дома-2» и другого ширпотреба, которые также характерны для любой части земного шара. Чем наш «Дом-2» отличается от их «Дома-2» я не знаю. А вот Толстой отличается от Шекспира, Маркеса и т.п. принципиально, но они составляют в этом многообразии совершенно другое поле. Поэтому нам надо восстанавливать не русскую культуру, а Культуру (в том числе – российскую, советскую и т.п.). Не советскую модель технологического развития, социо-эколого-гуманитарно- ориентированные технологии постиндустриального двадцать первого века, используя в том числе достижения СССР. Не соборного человека, а гармонично развивающуюся личность, которая полностью наследует достижения ренессансной культуры.

Кстати, если мы посмотрим на советскую модель человека, то, начиная от идеи свободного всестороннего развития личности, включая многие другие параметры, она будет опираться скорее на ренессансные идеи, чем на идеи Бердяева, Булгакова, Данилевского или кого-либо еще...

26.01.2010. Семинар: ответ А.В. Бузгалину

Во-первых, интересно было послушать - узнать «архетипы и стереотипы» всех выступавших. Теперь конкретно по выступлениям.

А.В. Бузгалин сказал, что цивилизационный подход неадекватен для изучения проблем России «в силу своей неопределенности и трудности». Мол, искать надо там, где светло, а не там, где потеряли. Что ж, это его методологический выбор. Многие его поддержат – но не все.

Он сказал, что лучше было бы рассуждать «не с позиции цивилизационного подхода». Допустим. Но ведь в разосланных Тезисах доклада в первой строке сказано: «Примем как постулаты следующее: 1. Россия – одна из больших локальных цивилизаций со всеми необходимыми атрибутами...». К чему же все выступление А.В. Бузгалина, если он отказывается принять постулат, в рамках которого только и имеет смысл весь доклад? Отказывается – и сам этого не замечает! Так «человек Ренессанса» не поступал.

Он утверждает, что между Россией и Западом «нет серьезных различий». Да он под своим фонарем и не мог их заметить, поскольку формационный подход эти различия из своих моделей исключает. К чему тогда сетовать на то, что в докладе эти различия не были раскрыты? Это ведь совсем другая тема, но и она имеет смысл только в рамках того же постулата и звучит так: «Если Россия – цивилизация, то в чем ее главные отличия от...?»

А.В. Бузгалин уверен, что никакой «соборной личности» не существовало, что русский человек ничем не отличается от американца, что «нам надо восстанавливать не соборного человека, а личность ренессансной культуры» и не «опираться на идеи Бердяева, Булгакова, Данилевского и кого-либо еще». Мол, Шекспир и Гомер все сказали.

Все это неубедительно и даже странно.

Странно и то, как А.В. Бузгалин увязал доклад с актуальным моментом: «аргументация Уго Чавеса на 90 процентов сходна с аргументацией Сергея Георгиевича». Ну и что? Почему такая неприязнь к движению, которое поставило своей целью хоть частично перена-

править национальное богатство на устранение крайней несправедливости? Почему в этом сразу видится нечто реакционное и противное «Ренессансу»?

А.В. Бузгалин считает, что Чавес использует риторику национальных интересов потому, что «это лучше принимается обществом». Мол, хитрый популист потакает мышлению отсталых венесуэльских масс. Может быть, так и есть – ведь А.В. Бузгалин «четыре раза был в Венесуэле» и проник в тайны их «загадочной души». Но у меня есть более правдоподобная версия – Чавес просто любит свой народ и, прежде всего, массу его простонародья. Получив власть, он пытается ее использовать во благо этому народу и, думаю, верит, что это лишь поможет модернизации. «Руки Москвы» там нет, но историю СССР там знают. И к нынешней России он тянется потому, что, несмотря на все ее «гримасы капитализма», все чувствуют ее «инвариантное цивилизационное ядро», наличие которого отрицает А.В. Бузгалин. Тут у нас – фундаментальное расхождение.

Наконец, обвинение в том, что «поиск ответов в особенностях российской цивилизации ориентирован на ностальгию по тем скрепам, которые были характерны для Российской империи и советского общества».

Допустим, что так (хотя я с этим утверждением не согласен). Но что А.В. Бузгалин видит в этом удивительного? Российская империя и СССР были формами, в которых надежно жила и достигала расцвета наша цивилизация. Как же нам не вспоминать их с ностальгией, хотя бы они и соскользнули в кризис? Что в этом реакционного?

Цивилизация – культурная духовная конструкция, принадлежность к ней – вопрос самосознания. Сам он не считает Россию цивилизацией, так мы и не ожидаем от него ностальгии. Почему он квалифицирует как нечто предосудительное ностальгию у того большинства, в сознании которого Россия – цивилизация?

26.01.2010. Семинар: выступление А.Н. Окары

А.Н. Окара. Амбициозный класс как условие выживания цивилизации

Выступление на обсуждении доклада С.Г. Кара-Мурзы «Жизнеспособность России как цивилизации»

Мне очень понравилась метафора о цивилизации как корабле. Если не путаю, на первом съезде депутатов ВС СССР писатель Юрий Бондарев сравнил страну в эпоху горбачевской «Perestrojki» с самолетом — мол, в воздух подняли, а как и куда посадить — никто даже не думал. Хорошая метафора, но находка про корабль, про условия его выживаемости, про борьбу за живучесть, метафора с переворачиванием и остойчивостью — это очень конструктивно и концептуально — тут речь идет не просто о единичном образе, а о параллелизме образных систем. Возможно, еще уместнее было бы сравнивать с кораблями не цивилизации, а государства. Советское государственное строительство моделировалось на риторическом уровне при помощи строительных метафор — считалось, что это масонская традиция: «мы строим коммунизм», «прорабы перестройки» и так далее. Но метафорический ряд из науки о плавучести и выживаемости судна — это очень ярко, эвристично и образно!

Теперь о факторах, на которых строится цивилизационная идентичность. Сложная дилемма — основывается ли она на критериях духовной культуры и религии, то ли она основывается на вполне материальных факторах — как то организация хозяйства, организация социальности и т.д.? И тут мы видим два типа достаточно четких границ.

С точки зрения цивилизации как сообщества, основанного прежде всего на религиозных и культурных ценностях, «российская цивилизация» — это метафора, в научном отношении это словосочетание не очень убедительно. Представляется, что уместно говорить именно о восточнохристианской, а не о российской, русской или восточнославянской цивилизации. То есть Россия — это не государство-цивилизация как Китай, Индия, Япония или Из-

раиль. Россия — это конгломерат различных цивилизаций, при том, что структурообразующей для нас является восточнохристианская цивилизация, носители которой абсолютно доминируют. Но составными частями восточнохристианской цивилизации являются также и государства, никогда не входившее ни в ни в Российскую империю, ни в СССР, ни в РФ — те же Сербия, Болгария, Румыния, Греция (последняя не входила даже в соцлагерь). То есть, это я о том, что социальный и культурный опыт нашей цивилизации более широк, чем наш национальный и государственный опыт.

Перед нашим семинаром я был па пресс-конференции в агентстве РОСБАЛТ, посвященной пятилетию Оранжевой революции в Украине и ее влиянию на внутрироссийскую политику. Я попытался проанализировать Оранжевую революцию с точки зрения теории модернизации. Поскольку две главные ее интерпретации — конспирологическая (приехали злобные американцы и за свои «апельсиновые» доллары устроили «управляемый хаос») и восторженная (восставший против фальсификаторов результатов выборов народ проявил свою демократичность, высокое сознание и европейскость) — это есть снаряды информационной войны. Но с точки зрения теории и практики модернизации те предпосылки, которые были в Украине в начале 2005 года, — это достаточно интересная и серьезная альтернатива для модернизационных процессов. Правда, эти шансы были упущены — прежде всего, в связи с субъективными факторами, а именно в связи с тем, что в Украине после Оранжевой революции не было своей эффективной контрэлиты, т.е. все яркие деятели революции, начиная с Ющенко, были не контрэлитой, а такими же политическими «детьми Кучмы», как и Янукович и его окружение. Просто их в какой-то момент отлучили от процесса распределения ресурса — это был их главный мотив.

Я вспомнил об Оранжевой революции в связи с тем, что это тоже яркое явление, имманентное восточнохристианской цивилизационной идентичности, но совершенно невозможное в условиях российской политической системы.

Если говорить о геокультурных и цивилизационных границах с Западом, то они проходят между православными славянами и славянами — католиками и протестантами (Польша, Чехия, Словакия, Хорватия, а также неславянские страны Балтии, Венгрия).

Но если говорить о кордонах различной социальности, то она приблизительно совпадает с ореалом распространения Магдебургского права. Оранжевая революция, а также аналогичные события в Сербии и Грузии — потерянный шанс для модернизации Украины, но говорить о том, что это есть отход от одной цивилизационной матрицы в направлении другой (западной), я бы не стал. Восточнохристианская цивилизационная общность, как мне представляется, имеет в своем арсенале различные модели социальности. Например, в пределах Великороссии есть одна модель, которую так удачно описал Андрей Ильич Фурсов в концепции русской власти: доминирующий тип политической культуры основан на том, что властная корпорация является абсолютным монополистом управления. С другой стороны, полиархия, которая зафиксировалась в современной украинской политической системе благодаря именно Оранжевой революции. Там есть несколько конкурирующих субъектов, а политический процесс — это публичная борьба этих субъектов между собой. В принципе, эти типы социальной организации можно сравнить с античными — с римским типом и эллинистическим.

Что лучше: российская модель или полиархическая украинская модель — это большой вопрос. Кому что больше нравится. Но нельзя говорить, что нашей цивилизационной матрице соответствует лишь один-единственный тип политической культуры и организации. Кому-то нравится монопартийность, представляется, что она эффективнее для развития страны, кому-то больше нравится многопартийность. Пока результаты развития и в Украине, и в России вполне удручающие. Ни тут, ни там нет модернизации, но в Украине, как и в любой хаотической среде, есть основа для инноваций, в том числе и социальных. У нас же, в нашей среде, в которой порядок и стабильность выступают в качестве главных

ориентиров для публичной политики и властной риторики, предпосылок для социальных инноваций не так много. Если у кого-то после статьи Дмитрия Анатольевича «Россия, вперед!» появились надежды на модернизацию страны (а у меня они появились), то после его послания Федеральному Собранию их стало меньше.

Еще в докладе Сергея Георгиевича мне понравились рассуждения о доминирующей социальной группе, о культурно-историческом типе, как там сказано. (Хотя я не уверен, что тут подходит подобный термин — у Данилевского под культурно-историческим типом понималась цивилизация. Тут может быть не «культурно-исторический тип», а «ведущий класс» или что-то в этом роде.) То есть кто является мотором, основным субъектом развития страны. Действительно, очень правильно сказано, что в наши времена доминирующим типажом стал такой специфический городской мещанин, у которого на первом месте потребление и которая изначально не является субъектом. С натяжкой это можно назвать средним классом.

У меня есть свой ответ на тему, кто может стать новым эффективным субъектом развития в современной России — это так называемый креативный класс, но это отдельный большой разговор.

Такой ведущий класс — это становой хребет нации, это надежда на ее развитие в будущем, но он формируется не по принципу классовой принадлежности, не по принципу образования, а по каким-то энергетическим, пассионарным, мировоззренческим критериям. Это очень важный момент в докладе Сергея Георгиевича — эта тема мне кажется крайне интересной для дальнейшего обсуждения и развития.

Действительно, задача собрать и консолидировать новый социальный субъект, у которого есть собственный проект развития страны, государства и общества. Но российская система власти устроена так, что властная корпорация является абсолютным монополистом, поэтому очень сильно боится самодостаточности иных субъектов, помимо себя. Российская политическая традиция имеет очень хорошо разработанную систему «слива» субъектности амбициозных классов. Мы как-то рассуждали об это с Борисом Межуевым применительно к фильму Сергея Соловьева «Асса», а сейчас выходит «Асса-2». 1988 год — разгар или уже конец Перестройки, до развала СССР — несколько лет. Но каков главный мессидж этого фильма? «Перемен, мы ждем перемен!». То есть мы не делаем перемены, мы их ждем. И мы пришли к выводу, что и этот фильм, и весь тот тренд, который предлагался тогда властной корпорацией, т.е. Кремлем, обществу и прежде всего молодежи заключался в том, чтобы эту социальную энергию максимально слить, максимально «каналлизировать». Вот появляются люди, которые говорят: мы готовы быть мотором или субъектом развития страны, тем более на таком сложном переломном этапе, но им говорят: дорогие друзья, давайте вот расслабьтесь, развлекитесь, ваша социальная активность никому не нужна. Занимайтесь чем угодно, только не лезьте в ту сферу, где мы — абсолютные монополисты. Или чуть иначе: вот для вас — людей с избытком социальной энергии — мы придумали движение «Наши», «Молодую Гвардию» и проч.

Вот и сейчас происходит нечто подобное. Действительно, главное орудие управления обществом — это телевизор, и две вечные крайности в России, два жестких полюса: анархия и такой вульгарный «гиперэтатизм», которые и задают модель циклического развития. Сначала власть затягивает гайки, но в какой-то момент срывается резьба. В результате начинается бунт, который, как мы помним, «бессмысленен и беспощаден», наступает Смута и т.д.

Вопрос заключается в том, что властная корпорация не дает возможности быть субъектами иным культурно-историческим типам, и прежде всего тем, которые являются пассионарными и продуктивными для развития страны, поскольку прямо или косвенно они выступают в качестве конкурентов власти. Власть делает всё для того, что бы эту субъектность слить или как-то сублимировать. Вопрос развития страны в наших российских

условиях напрямую зависит от властной корпорации и вызовов ей. Например, падение мировых цен на нефть, субъективные факторы, связанные с личностями носителей власти, еще что-то. Ну или, как теперь говорят, если на нас упадет гигантский метеорит и всё на планете радикально изменится...

26.01.2010. "Семинар": Ответ А.Н. Окаре

В выступлении А.Н. Окары большинство рассуждений слишком сложны для меня. Я с трудом улавливал их смысл и остановлюсь только на однозначных (насколько я уловил) тезисах. Он говорит о той матрице, на которой сложилась наша цивилизация: «То ли она основана на культуре и религии, то ли на вполне материальных факторах, таких, как организация хозяйства или социальности?»

Я удивлен. Разве организация хозяйства и социальности не есть часть культуры? Разве они не сложились под влиянием религии? Впервые слышу, чтобы эти сферы противопоставлялись друг другу. Все эти блоки входят в центральную мировоззренческую матрицу любой цивилизации и тесно взаимодействуют в ней. Как можно вырвать русскую земельную общину, важный цивилизационный признак, из этого контекста – «православие или община»? Хозяйство, как часть культуры, даже более «пропитано» этническими и цивилизационными особенностями, чем, например, литература.

Окара считает, что слова «российская цивилизация» и «историческая Россия» - метафоры и не годятся для научных рассуждений.

Меня все это удивляет, прощу прощения. Я раньше не бывал в таких собраниях и многое мне в диковинку. Неужели Окара считает, что «атом» или «вакуум» - не метафоры, а истинные имена, данные нам в Откровении и потому признанные наукой? Это именно метафоры, да к тому же совершенно неправильные («атом», то есть, «неделимый», в действительности непрерывно «делится» с другими атомами и средой). Ничего, ученые как-то не торопятся устранить это слово. Представляете, как бы они удивились суждению Окары о слове «атом»?

Замечу, что слова «западная цивилизация» Окара вряд ли назвал бы негодными для науки. Почему? Кстати, и здесь наблюдается элементарное нарушение правил дискуссии. Ведь предложено как условие обсуждения: «примем, что Россия – это цивилизация». В науке сплошь и рядом ведут рассуждения, которые начинаются с гораздо более жесткого условия: «предположим заведомо невозможное...». Но если человек не может принять исходных условий, лучше сразу сказать: эти допущения делают для меня дискуссию бесплодной, и я в ней не участвую.

Далее Окара утверждает, что «Россия – не цивилизация, как Китай или Израиль, а конгломерат цивилизаций». К чему все это? Как это относится к теме доклада? Да ведь и по сути неверно. Цивилизации – большие системы. Каждая цивилизация в большей или меньшей степени гетерогенна. Возьмите США – разве они не имеют иноцивилизационных включений? А сейчас иммиграционные нации Европы включают в себя растущий исламский компонент, и Запад становится гетерогенным. Он перестает быть цивилизацией, в отличие от Израиля?

Во всех случаях вокруг цивилизационного ядра собираются общности, в чем-то от ядра отличные или даже принадлежащие одновременно к разным цивилизациям. Вопрос в том, способно ли это ядро выполнять интегрирующую миссию. Разве малы были различия между католической Испанией и протестантской Голландией? Они вели между собой религиозные и цивилизационные войны, и все же имели и имеют достаточно признаков, которые их соединяют в Запад как большую цивилизацию. Нормально устроилась в Западе и Греция, не утратив православных корней. Так и русские с башкирами или чукчами в российской цивилизации. Много у них общего – вполне достаточно, чтобы чувствовать себя не чужими друг другу.

Окара поднял вопрос о цивилизационной идентичности Украины и России. По его словам, «оранжевая революция это яркое явление, имманентное восточнохристианской цивилизационной идентичности, но совершенно невозможное в условиях российской политической системы». Но, говорится дальше, у России и Украины «разные социальности» и разные шансы модернизации – у Украины они есть («потому что там хаос»), а у России – нет (потому что тут нет хаоса). Это любопытные суждения – но к чему они тут?

Наконец, Окара не согласен с понятием «культурно-исторический тип» как носителя цивилизационного проекта. Нет, носителем такого проекта, как предлагает Окара, является «ведущий класс». Он поясняет: «Это класс, который выделяется не по признакам классовой принадлежности, а по каким-то энергетическим или пассионарным признакам». Действительно, круто – класс без признаков классовой принадлежности! Еще одно определение: это – «становой хребет нации». Просто и понятно, без всяких метафор.

Дальше я ничего не понял: что-то о субъектности станового хребта нации и об утрате им этой субъектности, о кинофильме «Асса» и кознях Кремля, о гайках и резьбе...

26.01.2010. Семинар: выступление Чернавского

Первые замечания у меня критические. Первое: я задавал вопрос: если задача в том, чтобы сохранить цивилизацию, то какой путь предпочесть – демократический или тоталитарный? Ответ был: Любой! Я не согласен с этим ответом. Характер власти, а именно демократический или авторитарный тоталитарный, всегда тесно связан с тем, что мы называем цивилизация. Российская цивилизация, как бы ее не определять, всегда была адекватна, или точнее, власть тоталитарная всегда была адекватна российской цивилизации, а демократический способ правления – неадекватен. То, что считает Сергей Георгиевич, неважно каким путем, я не согласен. Считаю, что это серьезное упущение.

Второе. Сейчас именно этот вопрос наиболее актуален. Я не буду вдаваться в подробности: как определить, что есть демократия, что есть тоталитаризм? Это далеко уведет. Это предельные варианты, но они символичны. А какая опасность есть? Наши обсуждения, как мы думаем, будут кому-то полезны. В этом смысле, что я считаю вредным – неопределенность, нечеткость, недосказанность и некоторая даже противоречивость. Например, мы будем строить демократическое общество, но тоталитарными методами (и действительно тоталитарные методы употребляются). В результате в обществе возникает растерянность, неуверенность и недоверие к государству и государственному аппарату. Мне кажется, что мы хотя бы между собой должны бы договориться и ответить четко на этот вопрос, вместо того, чтобы блистать элоквенцией по поводу дефиниций и прочих софизмов.

Третье. Устойчивость. Устойчивость и остойчивость – это действительно важные понятия. Корабль – здесь не единственное. Можно привести и другие, гораздо более глубокие понятия. Но я тут согласен с Сергеем Георгиевичем, что просвещение нужно вводить осторожно, по возможности избегая кровопролития. В частности в ответ на ваш вопрос, Степан Степанович, а что произошло, когда Горбачев стал главой правительства Союза? Произошло слишком резкое изменение деклараций по поводу системы власти: демократизация и гласность. К этому не готовы ни российская цивилизация, ни российское общество, да и долго (возможно и никогда) не будут, готовы. А Горбачев поступил как Томанго в рассказе Мериме. Здесь я пользуюсь образом корабля. Поступать как Томанго нельзя. Но и рулить никуда, тоже опасно.

26.01.2010. Семинар: ответ Д.С. Чернавскому

Д.С. Чернавский считает, что «власть тоталитарная всегда была адекватна российской цивилизации, а демократический способ правления – неадекватен». Смело и свежо. Но откуда взялась сама дилемма «тоталитаризм - или демократия»? Это ведь плод абстракции, в чистом виде ни тоталитаризма, ни демократии нет нигде, и сами понятия эти конъюнк-

турны и наполняются содержанием из их контекста. Поэтому сказать, что Россия обречена или на тоталитаризм, или на демократию – это ничего не сказать. Важна конфигурация той системы, которая должна быть в каждый исторический период подобрана адекватно культуре, самосознанию людей, угрозам. Вот о чем речь. А как ее назвать и как внутри комбинировать разные механизмы – это уже вопрос инженерный.

Теперь о вреде «нечеткости». Д.С. Чернавский видит опасность (!) наших семинаров в том, что мы о неизбежности тоталитаризма не заявляем четко. А из-за нечеткости «в обществе возникает растерянность, неуверенность и недоверие к государству и государственному аппарату». Он призывает «хотя бы между собой договориться и ответить четко на этот вопрос». Но, уважаемый Д.С. Чернавский! Как же нам договориться, если у нас на этот счет разные мнения?

А можно ли вообще требовать сейчас четкости? Мы сейчас находимся в состоянии очень высокой неопределенности. Зона неопределенности огромна. И наш язык, и наши рассуждения должны быть адекватны этой реальности. Излишняя четкость в ситуации, когда вы не можете ни дать четкого определения процессам, а туманно их описываете через содержательные примеры, ни точно измерить параметры, ни найти хороших индикаторов, надежно связанных с важными для нас латентными переменными, необходима именно эта нечеткость. Так же, как необходима нечеткость курса паруснику, идущему галсами при меняющемся ветре.

Кстати, Д.С. Чернавский сам обвинил Горбачева в том, что он четко объявил о гласности, когда «этому не были готовы ни российская цивилизация, ни российское общество». Из-за этого, дескать, и рухнул СССР. Д.С. Чернавский очень добр к Горбачеву, но, главное, немножко противоречит сам себе.

В общем, нечеткость и недосказанность – цивилизационный ресурс России, и он еще себя покажет.

На этот ресурс мне указал В.В. Кожинов. Он обратил мое внимание на глубокое стихотворение еврейского поэта-эмигранта Льва Лосева. В стихотворении собеседник лирического героя со страстью обличает все мерзости «российского духа», но суть – в концовке, в том, как он прячет «что-то главное», о чем здесь не будем говорить. Вот отрывки:

*«Понимаю – ярмо, голодуха,
тыщу лет демократии нет,
но худого российского духа
не терплю», - говорил мне поэт.*

*«Эти дождички, эти березы,
эти охи по части могил», -
и поэт с выраженьем угрозы
свои тонкие губы кривил.*

.....
*оскорбительны наши святыни,
все рассчитаны на дурака,
и живительной чистой латыни
мимо нас протекала река.*

*Вот уж правда – страна негодяев:
и клозета приличного нет», -*

*сумасшедший, почти как Чаадаев,
так внезапно закончил поэт.*

Но гибчайшею русскою речью

что-то главное он огибал

и глядел словно прямо в заречье,

где архангел с трубой погибал.

26.10.2010. Семинар: выступление А.В.Шубина

Шубин А.В.:

Уважаемые коллеги, сначала хочу сказать несколько слов о нашем семинаре. У меня, как и у Александра Владимировича, начинается дежавю. Как правило, докладчик, который редко ходит и не знает, что все проблемы здесь давно «решены», говорит о том, что проблемы не решены, что мы не знаем, что такое цивилизация, затем излагает одну из точек зрения, которая здесь уже в той или иной степени звучала. Может быть, в этом виноваты и мы. Потом мы говорим примерно одно и то же. Пора, может быть, «вторгнуться» какие-то свежие области, в которых у нас точки зрения еще не вполне сложились.

Теперь по поводу оригинальной части доклада, свежего взгляда Сергея Георгиевича на уже обсуждавшиеся нами проблемы. Эта оригинальность сосредоточена вокруг корабля. Должен сказать, что я Сергея Георгиевича ценю как публициста, но не могу оценить его как ученого – ничего не понимаю в химии. Как публицистический образ корабль хорош. Образ этот довольно распространенный: многие говорят, что Горбачев рулил не туда, не так. А когда я спрашиваю: куда же надо было рулить? Мне отвечают, показывая прямо на те или иные скалы. Увы, когда применительно к Перестройке мы говорим, что капитан во всем виноват, это похоже на попытку переложить ответственность на одного человека за все наши собственные ошибки. Ведь все мы тогда жили и действовали, представляли то или иное общественное течение, внесшее свой вклад в полученный страну результат.

Образ корабля лучше характеризует современное общественное мышление, чем реальное общество. Сам Сергей Георгиевич в начале выступления разоблачил образ корабля, говоря о том, что даже образ биологического существа применительно к обществу плох. А ведь сравнение с кораблем хуже, ибо в него добавляется механистичность. Я согласен, что применительно к цивилизации биологические аналогии уязвимы. Общество сложнее, имеет качественные отличия от биологической субстанции. Но корабль в части инженерных аналогий, которые здесь звучали – еще проще, примитивнее, чем даже организм. Однако именно такой механицизм, инженерное упрощенчество чрезвычайно распространено в сегодняшних публицистических рассуждениях об обществе, которое сравнивают с механизмами, машинами и зданиями. Отдельные элементы общества, особенно связанные с «мертвящими» государственными механизмами и индустриальными сегментами, вполне можно уподобить машине. Но общество в целом развивается совсем иначе.

Механизация – это познавательный откат. Он характерен для определенного идейного спектра, связанного с авторитарностью и индустриализмом мышления. Общество воспринимается не как самоорганизующееся явление, а как управляемая структура. При чем – чем жестче управляемая, механистическая, тем лучше. Истоки этого мышления – это этапизм и индустриализм.

Поэтому корабль – это более удачный образ для государства. Если бы речь шла о государстве, то, да, возражений было бы меньше. Он вооружен, руль, капитан... Но что делать, если палуба начинает атаковать капитана? Если между бортами есть противоречия, а поступление воды в трюмы может быть полезно для выживания?

Применяя образ корабля к государству, а не обществу (государство – это все-таки человеческая машина, и в этом отношении она близка другой машине, кораблю), можно утверждать, что когда корабль переворачивается, это не всегда плохо. Это может быть и целебно, потому что смена государственных структур, которые не дают обществу развиваться дальше – может быть полезным для цивилизации. Цивилизация – не есть корабль. Цивилизация скорее Гольфстрим – ни тебе оружия, ни тебе руля, даже капитана нет, при этом Гольфстрим гораздо устойчивее любого корабля и, кстати, любого биологического существа. Кстати, Гольфстрим не может перевернуться, но сила потока может уменьшиться. Тоже полезная аналогия для понимания цивилизации. Это не значит, что я настаиваю на аналогии с Гольфстримом, она тоже уязвима по сравнению с любым анализом собственно социальных структур. Но уж не хуже аналогии с кораблем.

Когда переворачивается корабль – это «конец игры». Когда переворачивается государство – часто возникает импульс к развитию общества, начало нового этапа истории. В 1917 г. «корабль перевернулся», и началось его «великое всплытие» в обратную сторону, да еще с последующим запуском космической ракеты с борта этой «подводной лодки».

Российская империя утонула, и ее, как корабль, не подняли. Поднимали разные блоки и детали, пригодные для конструирования нового. В 20-е гг. подняли одно, что потом, кстати, опять утопили, в 30-е гг. поднимали другое, в 90-е гг., уже перевернув советский «корабль» - третье. Здесь уместнее аналогия не с кораблями, а с прорастанием тех или иных ростков.

«Опрокидывание корабля» не есть опрокидывание культуры. Советское государство исчезло, а советский человек остался. Самое страшное для машины, когда винтики начинают себя вести не как винтики, а как люди. А для общества это может быть хорошо. Из механистического, инженерного представления об обществе вытекают некоторые идеологические выводы. Во-первых, это враждебность миру, потому что в мире вокруг нас одни угрозы – вода, которая нас может утопить. Я согласен, что угроз много, но там есть и некоторые источники выживания. Во-вторых, угрозы таятся не только во внешней среде. «Воды» внутри не меньше, чем снаружи.

Если говорить о познавательной ценности сегодняшней дискуссии, то я хочу вернуться к выводу, который озвучивал после доклада Н. Нарочницкой. Существует два «перпендикулярных» подхода. Первый сегодня предложил Сергей Георгиевич, второй опять - Александр Владимирович. С одной стороны – это преувеличение значения и устойчивости цивилизационных структур, в втором - формационных. Это спор из серии, что важнее – параллели или меридианы? Важно и то и другое. Каждое явление может быть определено в историческом пространстве по его отношению к этнокультурному пути и социальной стадии развития общества. Когда преобладает цивилизационный флюс, естественно возникает соблазн перегнуть палку в обратную сторону и утверждать, что цивилизационных особенностей, сохраняющихся на протяжении всей истории, нет вообще. Конечно, соборность и общинность повлияли на ход отечественной истории так, что она шла иначе, чем развитие тех же стадий развития в Германии и Китае. Но здесь нужно быть осторожным, избегать преувеличений и ложных обобщений, основывать выводы на исследовании и быть трижды внимательным к критическим замечаниям.

Где эта цивилизация как путь народа? Звучал вопрос: что же это, на материальном носителе записано? Да, именно так. Этот носитель называется культура. Советский коммунистический режим отличается от китайского в том числе и потому, что у нас большинство людей воспитывались на Пушкине, а у них – на Конфуции. И отличие культурного кода можно искать, сравнивая «Брата-2» и фильмы Ван Дама, хотя Достоевского или Толстого сравнивать с Шекспиром, наверное, интереснее.

Выводы. Я еще раз призываю всех к балансу, как минимум, этих двух углов зрения. Мы не должны сбрасывать со счетов особенностей пути нашей страны или любой другой

страны, говоря, что все объясняется едиными закономерностями прогресса, перехода от формации к формации. Также мы не можем все свести к особенностям нашей цивилизации, потому что и формационные переходы наблюдаемы и могут эмпирически фиксироваться.

Общество – это не машина, не корабль. Иногда ему полезно переворачиваться или переворачивать какие-то свои части. Если корабль переворачивается, то, как после 1917 г., переворачиваются и вода и небо, т.е. мы начинаем всплывать в другую сторону.

Если задача заключается не только в том, чтобы сплываться вокруг капитана, то перспективы становятся гораздо оптимистичнее.

Шубин (реплика в конце дискуссии):

У меня две очень короткие реплики. Во-первых, я хочу успокоить Степана Степановича: в гуманитарных науках все так же как четко - как у химиков и физиков - при защите диссертаций (мне часто приходится участвовать). Но представьте, если бы химиков и физиков собрали и спросили бы у них, в чем основа мироздания? Вы бы увидели такие же примерно зеленые квадраты.

Во-вторых, цивилизация перевернуться не может. Следовательно, опять я могу Степана Степановича успокоить. Переворот корабля, о котором мы говорим, это – не смерть, потому что «корабль», как я показал, не может быть цивилизацией, а является чем-то другим. Например, государственной структурой.

У каждой идеологической доктрины есть свой набор способов решения одной и той же проблемы. И свои критерии оценки результата. Вот, гуманистический критерий, о котором говорил Александр Иванович. Я предложу два очень четких критерия: во-первых, конечно, качество жизни, и второе – это духовно-творческий потенциал. И то, и другое измеряется. Мы сейчас по этим показателям деградируем. Но есть набор стратегий выхода – и гуманистических, и биоцентричных, и механистических. Это уже вопрос о классификации идеологий.

И последнее - по методике оценки цивилизационных особенностей. Социальные опросы, проведенные сегодня, о цивилизации или о культурных типах, путях культуры – мало что говорят, потому что вы не можете провести эти опросы в XIX в., XVIII в., XVII в.

Мы же говорим о константах, которые сохраняются на протяжении веков.

26.01.2010. Семинар: ответ Шубину

А.В. Шубин начал с метафоры корабля как аналога цивилизации. Особой роли эта метафора в докладе не играет, просто упрощает выделение блоков для анализа. Но, согласно А.В. Шубину, этот образ позволяет ему, как психоаналитику, заглянуть в подсознательное – «образ корабля характеризует не реальность, а мышление». Этот образ якобы мог возникнуть только в механистическом мышлении, это регресс в познавательных средствах по сравнению с образом цивилизации как организма. Взамен А.В. Шубин предложил использовать образ Гольфстрима – цивилизация похожа на него тем, что «ни тебе оружия, ни руля, ни даже капитана». Думаю, он пошутил.

А.В. Шубин видит в корабле только машину (а «цивилизация – это социум»). Это – искажение аналогии, достаточно посмотреть доклад.

Корабль – не машина, а сложная социально-техническая система. Можно ли представить себе корабль без команды? А что такое капитан, который прокладывает курс и контролирует эту команду – это разве машина? Так что критику аналогии я считаю слабой. Сам я, повторяю, большой ценности в этой аналогии не вижу, но аргументы А.В. Шубин неадекватны ее слабостям, потому и комментирую.

Теперь про то, что эта метафора позволяет поставить диагноз «нашему мышлению». Оказывается, оно проникнуто «этатизмом и индустриализмом». «Изм», это, конечно, подозрительно, а тут даже два «изма». Но отбросьте эти суффиксы, они всего лишь ярлыки, выражающие негативное отношение. Ну и что останется? Чем плохо, что мы говорим об индустриальном обществе и о государстве?

Ну, скажите, что «цивилизация – это Гольфстрим». Только удивите людей, а познавательная ценность этой аналогии если и обнаружится, то лишь в каких-то очень специфических срезях объекта. Например, если мы вздумаем развить тему: «Почему цивилизации тянутся к Европе, как Гольфстрим?» или «Почему цивилизованность, подобно Гольфстриму, никак не достигнет России?»

Не могу принять следующего тезиса: «Когда корабль переворачивается, это не всегда плохо. Это может быть и целебно для цивилизации». Врач, назначение которого лечить, не должен брать на себя роль судьи и рассуждать, а не будет ли целебной, с точки зрения высших ценностей, смерть этого пациента.

Мы здесь выполняем долг врача в момент болезни нашей цивилизации и государства. Он аналогичен долгу инженера, цель которого - увеличить живучесть корабля. Не его дело решать, заслуживает ли этот корабль остаться на плаву или его лучше утопить. Да, много людей в СССР мечтали уничтожить «империю зла». Такие люди бывают и на корабле. Но они «в кругу специалистов по живучести» не говорят, как полезно было бы перевернуть и утопить корабль. Для этого у них есть другие собрания.

Люди верили Горбачеву как «капитану», а он заявил: «Историческую задачу мы решили: тоталитарный монстр рухнул». Такое мышление верховного правителя страны приветствуется? Это и называется «целебно»?

А.В. Шубин считает, что из метафоры корабля «вытекают некоторые идеологические выводы». Во-первых – «враждебность миру, потому что в мире вокруг нас одни угрозы – вода, которая нас может утопить».

Да откуда это следует, что за странная идея! Корабль – творение культуры, которое соединяет континенты и людей в один мир и в одно человечество, объявляется символом враждебности миру! Мне это кажется чрезвычайно странным. Я поражен.

В докладе говорилось об угрозе отказа машины или радиолокатора, о неумении или бунте команды, об ошибках или измене капитана – все это «внутренние угрозы». У моряков нет и не может быть ненависти к морю и воде. Внешние угрозы, порождаемые морем, льдами и скалами – штатная ситуация. Цивилизации гибнут в результате внутренних слабостей – вот главный тезис доклада!

Вспомним этот доклад. Вот что сказано о фатальных угрозах для нашей цивилизации:

- «Живучесть СССР как цивилизационной ипостаси России была подорвана ошибочными (или вредительскими) действиями капитанов и офицеров корабля».
- «Непрерывная работа по предвидению и конструированию будущего – индикатор жизнеспособности цивилизации. Функция предвидения, в том числе функция распознавания угроз, угасала в 70-е годы».
- «Удалось выработать технологию профанации самого мировоззренческого понятия вызов. Более того, удалось воспитать у населения ненависть к большим мобилизационным программам предотвращения угроз».
- «Важным индикатором жизнеспособности цивилизации является выполнение функции целеполагания. Она также ставит цивилизацию перед вызовом – но не угроз, а надежд. Это – творение национальной апокалиптики того народа, вокруг которого собралась цивилизация... Когда атрофируется этот нерв, иссякает и жизнеспособность цивилизации».

- «Дом, разделившийся внутри себя самого, не устоит».
- «Целеполагание в России вырабатывается в рамках усеченной, вырожденной когнитивной структуры. Достаточно вспомнить о доктрине деиндустриализации России, которая... имела цивилизационное измерение и мощно повлияла на жизнеспособность России».
- «Смена культурно-исторического типа и предопределила резкую утрату жизнеспособности России как цивилизации».

В докладе внешние угрозы практически вообще не рассматриваются. А гляди, какие «идеологические выводы» находят в твоём подсознании, стоит только произнести слово «корабль». Так копнуть - большое и вечно живое искусство.

В конце А.В. Шубин поднял, подобно Козьме Пруткову, проблему флюса. Цивилизационный подход – флюс, но и формационный – тоже, к сожалению, флюс. Хорошо бы в докладах достичь баланса – сказал о цивилизационных кодах, скажи и о смене формаций. Все-таки два флюса не так противно.

Похоже, прогресс гуманитарного знания крепчает. Хочется плюрализма в одной голове. Я представил, как астрономы договариваются о балансе систем Птолемея и Коперника – и сразу поднялось настроение. Поэтому с благодарностью принимаю замечания А.В. Шубина. Конечно, с флюсами пора кончать.

26.01.2010. Семинар: выступление Неклессы

Думаю, в сфере муниципальной практики, природной солидарности и местнического коллективизма китайца и, скажем, американца окажется более схож, нежели индивидуализм и атомизация, характерные для жителей России, гораздо менее склонных социальному сотрудничеству и муниципальным практикам (разве что в ситуации коллективного бунта). К сожалению, российские социальные стереотипы страдают от мифотворчества и переизбытка клонируемых из текста в текст метафор, которые и принимаются за реальность. Особенность же политической культуры и национальной ментальности в том, что никакие результаты социологических исследований не могут эти стереотипы сокрушить. Социологические данные устойчиво показывают, что многие сложившиеся представления о русском народе, о его чертах, лежат в области мифологии или вообще являются фантастическими. Население РФ весьма индивидуализировано и совсем не склонно к коллективистским формам взаимодействия, по крайней мере, в гораздо меньшей степени, чем американцы. По этому показателю, повторюсь, американцы и китайцы оказываются несколько ближе.

Второе, что хотелось бы отметить: привычка к метафоричности размывает объективное восприятие предмета исследования. Так на протяжении доклада и дискуссии мне не вполне было ясно, о чем собственно идет речь, и не случайно я задавал об этом вопрос. Идет ли речь о некотором русском мире, о русском духе, или же о постсоветском пространстве или же о российском государстве, называемом РФ? Все это достаточно разные объекты, и разговор об их жизнеспособности имеет различную траекторию, идет ли речь о Русском мире, постсоветского пространстве или новом государстве Россия-РФ. Что бы я особо отметил по завершении доклада и дискуссии? К сожалению, основная идея семинара была – определение критериев жизнеспособности. Все, что здесь сегодня звучало, относилось скорее к описанию критериев нежизнеспособности РФ. Наш диалог протекал скорее в негативном, нежели в конструктивном зале.

Позвольте еще несколько методологических замечаний. К сожалению, от семинара к семинару нередко обсуждаются одни и те же проблемы, причем в схожих рассуждениях, используя повторяющиеся примеры. Скажем, такая проблема, как омонимичные категории «цивилизация». Существуют два различных понимания этой категории. Одна категория рассматривает исторический процесс окультуривания общества, возрастания градуса

цивилизированности, оперируя линейкой: архаика – варварство – цивилизация. Другая категория – культурно-исторический тип, к сожалению, кодируется тем же словом – цивилизация. Но это достаточно различные категории, а их смешение ведет к логической невнятице. Отсюда возникает идея «равнозначности цивилизаций», которой они, конечно, не обладают. Трудно поставить на одну доску общество, практикующее человеческие жертвоприношения, ритуальный каннибализм, поклонение стихиям и то, что мы называем «современной цивилизацией».

Еще один практикуемый омоним я хотел бы отметить – это «соборность» и «коллективизм». В российской не слишком образованной массе эти весьма несхожие понятия воспринимаются и употребляются практически как синонимы, что, согласитесь, прискорбно.

Наконец проблема национальной идентичности и оригинальности русского характера. Здесь мне хотелось бы высказать несколько содержательных замечаний. Русская идентичность, русский тип характера обладает определенной оригинальностью. В чем она выражается? Если выразиться достаточно кратко, «в двух словах»: во фронтальной ментальности, склонности к экстремальности, основанием чему служат определенные исторические и культурные предпосылки формирования народа. Имеется еще одна особенность у русского народа – возможно как производя индивидуализированного хозяйства, расположенного в зоне путей миграций. Охватывая в силу склонности к фронтальности и экстриму колоссальные пространства данные хозяйства нуждался в определенной форме протекции. Он не мог бунтовать против этой формы протекции, потому что он оказывается беззащитным. И здесь основа серьезного парадокса. Индивидуалистичность, столь ярко проявляющаяся, к примеру, в казачестве, сочетается в русском характере с весьма особым отношением к государственности. В чем тут парадокс?

Активность в деятельном хозяйственно-индивидуалистическом формате сочетается с фактически повсеместной пассивностью по отношению к государственному производству. Эта психологическая особенность ощущается вплоть до наших дней. Офицер – орел и герой в бою – трепещет перед человеком, у которого несколькими звездочками на погонах больше.

Теперь о жизнеспособности. Не могу согласиться с метафорой государства как корабля, если корабль расшифровывается не как команда, а как машина. Это механистический и, что важно, статичный подход к понятию цивилизации, России, к любому социальному объекту. Отсюда становится ясно, почему из двух категорий «цивилизация» докладчик выбрал не стадийный подход, а культурно-исторический. Первый предполагает историческую и социальную динамику, второй – статику. Именно за это, кстати, славянофилы и критиковали Данилевского, за консервацию реальности и уход от анализа исторической динамики.

Понимание корабля как понятие машины влечет ряд следствий, скажем, его водонепроницаемость. Зачитаю цитату, которая на меня произвела впечатление. «Капитаны после смерти Сталина ошиблись в оценке этого показателя. Они как будто забыли простую истину – водонепроницаемость судна, способность наружной обшивки, некоторых переборок, дверей, крыши и люков судна не пропускать воду, обеспечивающую его плавучесть». Ничего подобного с реальными, живыми социальными объектами не происходит. Социальный объект существует в сложнейшем взаимодействии с окружающей средой. Из представленной же формулы следует, что ошибка была в том, что вместо железного занавеса не изобрели какой-то иной занавес. Это признак пассивного, охранительского сознания, который свой эскапизм, бегство от подвижной и сложной реальности подменяет уплощением, кастрированием ситуации.

В этом как раз и заключалась одна из причин исторической нежизнеспособности СССР, а не в происках внешних врагов. Было бы наоборот – враги обнаруживали бы пробоины (коль уж скоро пользоваться данным сюжетом), а СССР занимал бы плацдарм за

плацдармом. Но СССР не мог положиться в этой борьбе за будущее на лояльность население, ибо исходил не из позиции: «Страна – это люди», а рассматривал население не как граждан, но как подданных. Или даже хуже – в сложившейся в ходе доклада и дискуссии образности – как рабов на галерах.

Настоящая жизнеспособность – это возможность активного взаимодействия с окружающим миром, концептуальное лидерство в нем, присутствие в процессе активного представления/формирования будущего, а не отгораживание водонепроницаемыми переборками.

Серьезный дефект подобной концептуальной позиции - доминирование оборонного типа сознания, отдающего приоритет внешним угрозам над внутренними. Это свойственно мобилизационному сознанию, но расширяется на формы любой общественной активности. Становится своего рода социальной парадигмой. Анализ внешних угроз имеет статус высшей категории. Это постепенно повсеместно проявляется в социальной и политической феноменологии. В качестве основной угрозы воспринимается всякого рода действие враждебного окружения страны. В этих условиях необходима внутренняя консолидация и всячески затушевываются внутренние противоречия, пока они не прорывают все воздвигнутые плотины. Все это имело прямое отношение к разрушению СССР. Динамики подавлялась, статикой объявлялась стабильностью.

Сегодня Россия на очередном историческом рубеже. Но дух перемен на этот раз весьма своеобразен: он порожден скорее последовательно проявляющейся недееспособностью сложившихся институтов, нежели некой социальной альтернативой, образом будущего. Здесь радикальное отличие нынешней ситуации от, скажем, 1917-го или 1991-го гг. – когда существовал яркий образ иного, рельефная альтернатива прежнему порядку вещей.

Если же свести к сухому остатку мое выступление, то суть тезиса такова: основная проблема жизнестойкости социального организма в новом веке - это его способность активно и эффективно существовать в подвижном, комплексном, разнородном мире, населенном сложными людьми, владеющими высокотехнологичными инструментами, причем далеко не только техническими.

Те же, кто предпочитают спастись бегством на корабле, окруженном железной сетью, страшась проникновения чужой заразы на свою территорию, неизбежно приходят к серии катастроф. В России нечто подобное, кажется, ощущается. Несмотря на достаточно голословные призывы к модернизации, мы наблюдаем фактическую ориентализацию страны. В какой-то мере это вызвано и географическим фактором, отсечением от нее таких частей, как Украина, Балтия, ряда других сообществ. Но не только. Социально-активный слой сегодня конвертирован в стране в маргинально-активный слой. Это, пожалуй, основная беда России. Основа страны - люди, страна – это не государство. Само слово «государство» - есть рудимент господства, т.е. подчинения, а не гражданства.

Национальная государственность в современном мире пронизана токами субсидиарности, глокализации, коммунитаризма. И в этих условиях Россия становится все менее исторически конкурентоспособной. Ее внешняя жизнестойкость во все более определяющей роли зависит от закопанных в земле «энергоносителей» (потребляемых, кстати, в значительной мере именно внешним миром, «носителем», которого Россия и утверждает), а не от людей.

Мир, становясь сложным, превращается в соцветие антропосоциальных структур, подвижных структур, перемещающихся в трансграничном пространстве, и вот здесь Россия также демонстрирует весьма слабую жизнестойкость и конкурентоспособность.

оказывается неконкурентоспособной. Пожалуй, свое выступление я закончу следующим тезисом: «основное богатство страны – это люди». Но тут же вспоминается фраза, произнесенная не столь давно одним из руководителей страны: «люди – это наша вторая

нефть». От того какая ментальность в стране возобладает, думаю и зависит ее будущее, ее жизнестойкость.

Коллеги, еще раз благодарю за дискуссию, и в заключение напомним один сюжет из истории коммунистической мысли XX века. Как вы знаете, Лев Троцкий долго сопротивлялся отождествлению сталинского режима в СССР (который он называл «бонапартистским») с режимом Гитлера, главы национально-социалистической рабочей партии Германии. Несмотря на жесткую критику советской «бонапартистской олигархии», Троцкий настаивал на различии классовой основы фашистской и социалистической партийно-государственных систем. Иначе говоря, противился прямому отождествлению сталинизма и нацизма, о чем в те годы много говорилось и писалось (Гуго Урбанс, Макс Истмен, Сидней Хук, Бруно Рицци), да и в войну обе страны вступили, фактически, как союзники. Однако приблизительно за год до гибели Троцкий все же высказывает пессимистичное предположение о возможности «возникновения нового эксплуататорского класса из бонапартистской и фашистской бюрократии». И, в конце концов, формулирует тезис: «СССР минус социальные основы, заложенные Октябрьской революцией, это и будет фашистский режим». Наконец, в одной из предсмертных статей он записывает следующую чеканную формулировку: «Фашизм – это сталинизм минус завоевание Октябрьской революции». Думаю, социальная мысль в наступившем веке совершит немало чудовищных кульбитов

26.01.2010. Семинар: ответ Неклессе

А.И. Неклесса представил в своем выступлении широкую панораму, в которой тема доклада вообще потерялась. Но это не жалко – интересно было его послушать. Тем более приятно, что я могу и реплики сделать. Пунктов очень много.

Во-первых, была поднята проблема менталитета. И высказаны, как говорится, «провокативные» суждения о якобы достоверно установленном сходстве «менталитета американцев и китайцев». А русские, вопреки ложным стереотипам [видимо, навязанным православной и советской пропагандой?], оказались вовсе не коллективистами, а самыми заядлыми индивидуалистами, что и показала реформа. Вот где настоящий homo economicus и «человек человеку волк» - в России.

Откуда этот экстравагантный вывод? Было объяснено, что «социологические данные устойчиво показывают»!

Спорить тут было бы неуместно, А.И. Неклесса – признанный мастер парадоксов. Мне кажется, что он создал свою целостную когнитивную систему: стройный язык, красивый и возвышенный, но для непосвященных малодоступный; свой понятийный аппарат и способ отбора совокупности значимых фактов. Мы с ним видим реальность через призмы разных когнитивных систем - измеряем явления разной мерой и применяем разные нормы логики.

В 90-е годы западных социологов занимал вопрос, каким образом население постсоветских республик ухитряется выживать и даже воспроизводить основные структуры общества. Видимая система распределения доходов теоретически делала это невозможным. Были подключены российские социологи, вышло довольно много работ. Реальность объяснялась возникновением густых сетей социальной взаимопомощи – системой неформального перераспределения денег и натуральных благ. В эти сети были включены и частные предприниматели, и преступный мир.

В середине 90-х годов большое число частных промышленных предприятий расходовало только на содержание жилищного фонда рабочих больше, чем весь их годовой доход. Ради этого они вынуждены были продавать оборудование. В свою очередь рабочие по году и больше работали, не получая зарплату. Мониторинг предприятий в 1995 г. показал, что

68% предприятий увеличили затраты на жизненно важные для работников объекты социальной инфраструктуры (ЖКХ и медицинские учреждения). На 2/3 предприятий увеличились затраты и на содержание детских дошкольных и оздоровительных учреждений. А это был едва ли не самый трудный год.

Эти работы я соотносил с личным опытом и опытом моих друзей, а также со здравым смыслом, и приходил к выводу, что их выводы правдоподобны. А если так, я считал, что русским присущ высокий уровень коллективизма и взаимопомощи, а что там они отвечают на вопросы ВЦИОМ – менее существенно.

Я, например, видел в середине 90-х годов, как группа мальчишек, протиравших стекла автомобилей у светофоров, набрав достаточно денег, бежали по переходу и залу метро и раздавали их нищим, равными долями. Пересчитывали, убавляли порцию, чтобы хватило примерно на всех, и бежали дальше. Я рассказал это социологам в Испании, и они решили, что в Европе этого в принципе не могло бы быть – это не пришло бы в голову никакой стороне.

Не буду приводить здесь эмпирические данные, позволяющие судить о характере и мере коллективизма русских (шире – «постсоветских»). Это значило бы открыть новую тему.

Так же обстоит дело и с противопоставлением соборности и коллективизма: «Соборность не есть коллективизм!» Золотые слова. Но я еще не встречал человека, который бы утверждал обратное. Считается, что это понятия неравноположенные, разного уровня, никто их и не отождествляет. Вообще, было бы интересно поговорить об антропологических моделях разных цивилизаций и культур, но ведь доклад был не об этом. Разве у нас есть сегодня время говорить о соборности?

А.И. Неклесса развивает свое представление о «странностях» России. Индивидуализм... Фронтирная ментальность... Склонность к экстриму... Все это очень интересно, особенно про фронтир и экстрим. Но к чему это все? Какая связь с «кораблем» и живучестью? Мы говорим явно о разных вещах и двигаемся в разных плоскостях. Я фиксирую принципиальное различие когнитивных структур, в рамках которых мы с А.И. Неклессой подходим к предмету.

А.И. Неклесса считает, что неконструктивен сам замысел доклада, поскольку в нем речь идет в основном о нежизнеспособности. На мой взгляд, это казуистика, разные названия одного и того же явления. В критических ситуациях, которые и определяют порог живучести, дело решает способность устранить в системах те слабые места («прорехи»), в которых реализуются угрозы. Диагностика и устранение этих прорех как раз и является конструктивным подходом. Сейчас во многих системах России вывели источники латентных угроз, которые могут быстро реализоваться. Они пока стихийно нейтрализуются массовой «молекулярной» деятельностью людей. А требуется еще и их рефлексия, и методологическое обеспечение этой деятельности.

Можно сказать, что доклад плох, тема разработана слабо. Но считать неконструктивным сам замысел мне кажется нелогичным.

А.И. Неклесса посетовал на то, что «он не понял, о чем идет речь в докладе». Мне тоже грустно, что он не понял. Скорее всего, виноват я - не учел его структуру восприятия. Тут еще омонимы запутали – «привели к логической невнятице». Надо было, наверное, слайды сделать из словаря или из википедии.

Далее. А.И. Неклесса категорически не согласен с тем, что цивилизация как система должна быть отграничена от внешней среды. Он говорит: «Настоящая жизнеспособность – это возможность активного взаимодействия с окружающим миром, ... а не отгораживание водонепроницаемыми переборками».

Тут он глубоко заблуждается. Преодолею мой механицизм и предложу ему биологическую и социальную аналогии. Сможет ли он «активно взаимодействовать с окружающим миром», если с него снимут кожу или хотя бы одежду?

Да и возьмем семью. Разумно ли этой «ячейке социума» не отграничивать свое жилище от внешней среды дверью? Заходите, люди добрые! Никакой социум не может существовать без «занавеса». США строят по Рио Гранде каменную стену – «обшивку, непроницаемую для мексиканцев», а Россия должна сбросить все препоны, чтобы всё в нее легко проникало и легко вытекало.

А.И. Неклесса говорит, что нежизнеспособна та страна, которая защищает свои пространства. Это гротеск. Да как можно не защищать, например, экономическое или информационное пространство? Есть формула: «Не является нацией страна, которая не контролирует собственные СМИ». Ну, пусть Церковь откроет свои алтари и амвоны для проповеди сатанистов! Запрещается запрещать! Вся власть всем! Господа, куда мы придем с такой логикой?

Любая система, а тем более живая или социальная, осуществляет обмен с внешним миром вовсе не «свободно». В ней всегда есть подсистема активного транспорта. Любой объект, проникающий извне, на границе системы встречает «рецептор». Он анализирует пришельца, «распознает» друзей и врагов и сообщает куда следует. Затем появляется «прихватчик» («переносчик»), который крепко берет пришельца за руку и проводит через серию КПП за крепостную стену. Дальше им занимаются другие службы. Так действуют и мембрана биологической клетки, и государственная граница с таможней. Люди, товары, идеи проникают в страну и культуру с помощью механизма активного транспорта, который «проводит» их через защитную оболочку. Мы не видим всех элементов этого механизма, но кроме глаз и пальцев есть и другие средства познания.

А.И. Неклесса видит в докладе «доминирование оборонного типа сознания, отдающего приоритет внешним угрозам над внутренними». Мне кажется, что к докладу это не имеет отношения, что я и объяснил подробно в ответе А.В. Шубину.

26.01.2010. "Семинар": Ответ на разные реплики

Теперь о разных репликах.

Почему-то возникло неприятие понятия «культурно-исторического типа», который как будто принижает роль классов и вообще социальной структуры. Я говорил как раз о том, что концепция Данилевского не годится. Весь двадцатый век показал, что соотношение цивилизации с этим «типом» очень динамичное. Непрерывно идут конфликты, смена культурно-исторических типов, вытеснение одного другим, образование их коалиций. Даже новое поколение изменяется в этом смысле и оказывается иным культурно-историческим типом.

О классовой структуре специально я не стал говорить. Но отметил, что сейчас главная причина нашего кризисного состояния в том, что «разобраны» все социальные общества. Например, произошло деклассирование рабочего класса – разве это не относится к классовой структуре общества? Из 12 млн. организованных сельскохозяйственных работников осталось 1,9 млн. Остальные ушли в архаику на подворье. Разве здесь речь не о социальной общности? Или я должен был все проблемы поднять?

Шубин: Я не об этом говорил. Вы их характеризовали как надклассовые. Вот эти вещи, о которых вы говорили, и социально-классовые – они равноправны или одни важнее других?

В обществе как системе все общности важны. Почка вам нужнее или легкие?

Шубин: Разные критерии оценки просто.

Так речь и идет о разных срезах общества. Я говорю больше о социокультурном срезе, о «надклассовых» общностях.

Шубин: Почему над? Может межклассовой?

Какая разница! Надклассовый точнее, – это как «надэтнический». Надклассовая общность рекрутируется из всех социальных слоев, а «межклассовая» - из тех, между которыми она болтается. Надклассовая не концентрируется, например, в среде рабочих или интеллигенции. Я специально привел пример Гражданской войны, где в оба лагеря были собраны активисты из всех социальных общностей.

Мещанство. Нельзя сказать, что мещанство - это средний класс. Мещанство – это именно культурно-исторический тип, который тоже таился во всех классах, хотя и в очень разных пропорциях. Среди аристократов меньше, а уже среди интеллигенции присутствие стало очень заметным. Нельзя сказать, что мещанство - социальная группа. Вообще, слово «мещанство» очень неудачное, но лучше пока не нашлось. Да, раньше мещанство было сконцентрировано как отдельный социальный слой, но потом-то оно обрело мировоззренческую базу и характер активного общественного субъекта.

В ряде реплик проводилось сравнение Украины и России и говорилось, что положение Украины более благоприятно и открывает перед ней более широкие перспективы, чем для России. К этому вопросу мы подходим, видимо, с разных позиций. Я поясню свою точку зрения. Обе системы, Россия и Украина, конечно, больны. Но то, что говорилось о преимуществах украинской ситуации - свободы, многопартийность, - это все рябь на той огромной волне, которая всех нас накрывает, все постсоветское пространство. Это не те факторы, которые определяют сейчас нашу судьбу.

Более того, «украинская» рябь, на мой взгляд, гораздо хуже российской. Я не представляю, что может быть благоприятного [для Украины!] в том культурном и национальном расколе, который искусственно создан на Украине, в нагнетаемой властью русофобии и вражде к России, в вытеснении русского языка. Легитимность власти очень низка. Какие все это открывает «перспективы модернизации»? Это даже перспективы сближения с Европой ухудшает, не говоря уж об угрозе провинциализации культуры, оторванной от общего цивилизационного корня. Это, впрочем, дело критериев.

Теперь о преемственности с советским строем. Конечно, очень много элементов советской системы сохраняется и сейчас. Даже можно сказать, что и сейчас мы живем в советском строе, в котором господствующее положение занял «антисоветский культурно-исторический тип». По своему внутреннему устройству предприятия пока мало изменились оттого, что там изменили собственника. И живем мы на тех же самых больших системах. Возьмите теплоснабжение - огромная система, и ее никак не могут переделать! Все пытались переделать с 90-х годов, но ни одной большой системы переделать не смогли. Мы живем на деформированных, уродливых советских системах. И они пока влияют на мышление, способ действия и поведения. Но долго ли прослужат эти изуродованные системы, долго ли сохранятся полученные в советское время культурные нормы, квалификация и пр.? Деградация всех систем, материально-технических и духовных, продолжается, строительство запаздывает и, в целом, равновесие неустойчиво.

27.01.2010.Если кому-то надо сослаться на материалы семинара

Которые я выложил вчера, то вот выходные данные сборника:

"Критерии успешности страны, цивилизации, человечества. Материалы научного семинара. Выпуск 8. М.: Научный эксперт, 2010 г."

А мои тексты можно использовать, если нет прямой просьбы подождать до публикации. Иногда редакции журналов или газет сердятся, когда материал начинает расходиться до того как они его напечатали.

Март

24.03.2010. Кому интересно - мое интервью о Зиновьеве

<http://rutube.ru/tracks/3064668.html?v=1d6d34cf69c0b7e759f91ed0d20e9d8d>

29.03.2010. Видеозапись прошлогоднего курса лекций

Кому интересно, вот ссылка:

<http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=2851395>

29.03.2010. Доклад на семинаре у Сулакшина. Дискуссия позже /Социализм и коммунизм в России: история и перспективы/

С.Г. Кара-Мурза

Социализм и коммунизм в России: история и перспективы

Наша тема – социализм и коммунизм как два проекта жизнеустройства и два учения. Оба они сыграли и будут играть важную роль в судьбе России. Оба тесно связаны с трудом Маркса. Понятия эти расплывчаты и перекрывают друг друга. Даже в словах часто путаемся. Социальный - значит общественный, коммунистический - значит общинный. Огромная разница.

Маркс в Призраке коммунизма видел трансцендентное отличие от социализма. Вступление в коммунизм - завершение цикла цивилизации, конец «этого» света, «возврат» к коммуне, к жизни в общине, где преодолено отчуждение, порожденное грехом частной собственности. Социализм же - всего лишь общество, где разумно устроена совместная жизнь людей.

Запад за призраком не погнался, «Гамлет умер!». Запад ограничил себя социал-демократией. Время социал-демократов линейное, рациональное: «Движение - все, цель - ничто!» Время коммунистов - цикличное, эсхатологическое, устремлено к идеалу, Преображению мира. Социал-демократов толкает в спину прошлое, а коммунистов притягивает будущее.

Социал-демократия выросла там, где человек прошел через горнило Реформации и стал индивидом. Постепенно он добивался социальных прав, а личные рождались вместе с ним, как «естественные». История для социал-демократии - уход от дикости капитализма - без его отрицания.

Русский коммунизм исходит из другого представления о человеке, между ним и социал-демократией духовная пропасть, хотя в политике можно и надо быть союзниками. Западные коммунисты - это левое крыло социал-демократов, в котором сохранилась мечта о «призраке коммунизма». Когда прошел испуг от фашизма и стала ясна невозможность повторения пути советской России, они ушли в еврокоммунизм и исчезли.

Социал-демократия произвела огромную работу, изживая раскол между обществом и «расой отверженных», превращая подачки в социальные права. Но в России коммунизм начинался с иной базы - с человека общинного. Это – иная траектория. Здесь ребенок рождался с коллективными правами как член общины, а личные права надо было завоевывать.

В этом суть развода коммунистов с социал-демократами: массы сочли, что могут не проходить через страдания капитализма, а проскочить сразу в пост-рыночную жизнь. Идея народников победила в большевизме.

Может ли социал-демократия «очеловечить» наш «капитализм», не порывая с ним? Имеет ли она шанс на успех? Чтобы разобраться, надо вспомнить историю.

Весь XX век Россия жила в силовом поле русского коммунизма. Это сплетение разных течений, иногда даже враждебных друг другу. В самой грубой форме это синтез двух блоков. Первый – «крестьянский общинный коммунизм» (Макс Вебер). Второй – русская социалистическая мысль, которая взяла как свою идеологию марксизм.

Общинный коммунизм питался «народным православием», со многими ересями. Социалисты исповедовали прогресс и гуманизм. Революция 1905 г. – дело общинного коммунизма, зеркало ее – Лев Толстой. После нее произошел раскол у марксистов, и их «славянофильская» часть пошла на смычку с общинным коммунизмом. Возник большевизм.

Так, под знаменем марксизма в России возникло два разных (и даже враждебных) социалистических движения. Маркс предсказывал приход коммунизма, как пророк. Крестьянский коммунизм принял пророчество Маркса, но отверг идею о благодати капитализма. Большевики примкнули к коммунизму, меньшевики остались ортодоксами.

Грамши писал об Октябрьской революции: «Это революция против “Капитала” Карла Маркса... Большевики отвергли Маркса. Они доказали делом, что каноны исторического материализма не такие железные, как могло казаться и казалось».

В русской революции стали формироваться два типа государств – буржуазная республика и Советы. Они находились на двух разных и расходящихся ветвях цивилизации. Маркс это предвидел и предупредил, что считает «преждевременную» революцию реакционной. Это положение заложено в марксизм, как постулат.

В отличие от этого в России создавалась теория превентивной революции, предотвращающей капитализм (Бакунин, Ткачев и народники, позже Ленин). Она была средством спасения от втягивания страны в периферию западного капитализма. Это – часть другого представления о мире и человеке, нежели у Маркса. Возник когнитивный конфликт, потом политический. Большевикам приходилось маскироваться под марксистов, что привело к тяжелым деформациям процесса.

Суть Октября как цивилизационного выбора сразу отметили многие левые идеологи России и Европы. Чернов считал это воплощением «фантазий народников-максималистов», лидер Бунда Либер видел ее корни в славянофильстве, на Западе сторонники Каутского определили большевизм как «азиатизацию Европы».

В Грузии премьер социалистического правительства меньшевиков Жордания, марксист и член ЦК РСДРП, разоружал Советы и объяснял: «Наша дорога ведет к Европе, дорога России – к Азии. Я знаю, наши враги скажут, что мы на стороне империализма. Поэтому я должен сказать со всей решительностью: я предпочту империализм Запада фанатикам Востока!»

Вот выдержки из «Политического завещания» лидера меньшевиков Аксельрода: «Самой главной ... изменой является сама большевистская диктатура для водворения коммунизма в экономически отсталой России в то время, когда в экономически наиболее развитых странах еще царит капитализм. ... Где же выход из тупика? Ответом на этот вопрос и явилась мысль об организации интернациональной социалистической интервенции против большевистской политики... в пользу восстановления политических завоеваний февральско-мартовской революции».

Суть конфликта в «точке бифуркации» ясна. Из той точки Россия пошла по пути коммунизма (хотя он и назывался социализмом).

Какие главные задачи смог решить большевизм? Что из этих решений можно использовать в будущем?

1. Большевизм преодолел цивилизационную раздвоенность России, соединил «западников и славянофилов». Он дал большой проект модернизации России, но не в конфронтации с традиционной Россией, а с опорой на ее главные культурные ресурсы. Прежде всего, об-

щины. Этот проект был в главных чертах реализован – в виде индустриализации, модернизации деревни, культурной революции и создания системы народного образования, научной системы и армии. Этим «подкожным жиром» мы питаемся до сих пор. Будем питаться и в будущем – если ума хватит. Пока что другого источника не просматривается (нефть и газ – из того же «жира»).

2. Большевики на целый исторический период нейтрализовали западную русофобию и ослабили накал противостояния с Западом. С 1920 по конец 60-х годов престиж СССР на Западе был очень высок, и это дало России важную передышку. Россия в облике СССР стала сверхдержавой.

Панарин сказал: «Русский коммунизм наделил Россию колоссальным «символическим капиталом» в глазах левых сил Запада — тех самых, что тогда осуществляли неформальную, но непреодолимую власть над умами... Русский человек стал партнером в стратегическом «переговорном процессе», касающемся поиска действительно назревших, epochальных альтернатив».

3. Большевики нашли способ «пересобрать» русский народ и вновь собрать земли «Империи» – как СССР. Способ этот был фундаментальным и новаторским. Качество проверено абсолютным экзаменом – войной.

Давайте трезво оглянемся вокруг: видим ли мы после уничтожения русского коммунизма хотя бы зародыш мышления, адекватного задачам тех же масштабов и сложности?

4. Русский коммунизм спроектировал и построил большие технико-социальные системы России, которые позволили ей вырваться из исторической ловушки периферийного капитализма начала XX века, стать индустриальной и научной державой и подтянуть быт всего населения к современному уровню развитых стран. Мы не понимали масштабов и сложности этой задачи, потому что жили «внутри нее».

Кейнс сказал, что в России тогда была главная лаборатория жизни, что Советская Россия, как никто, близка и к земле, и к небу.

Все мы – наследники русского коммунизма, никакая партия не имеет монополии на его явное и тайное знание. Но антисоветизм отвращает от этого знания, и это глупо.

С 60-х годов в умах заметной части горожан начался отход к социал-демократии. Главная причина - модернизация России, переход к городскому образу жизни, европейское образование, раскрытие Западу. Идеология не позволила людям понять этот сдвиг. Антисоветским идеологам Горбачева и Ельцина не пришлось ничего изобретать, все главные тезисы они взяли у Маркса почти буквально. Более того, даже сегодня муссируется тезис о «неправильности» русской революции «в одной стране».

Каковы перспективы использования структур социализма и коммунизма в России на путях из «точки 2010»? Дело видится так.

Кризис, который переживает Россия – эпизод русской революции. Ее заряд не был исчерпан в первой трети XX века, процесс был лишь «заморожен» сталинизмом и войной. Он начал оттаивать в «оттепели», снова слегка «подморожен» Брежневым, но вырвался наружу в перестройке.

Какова же социокультурная «карта» общества в свете нашего вопроса? Грубо, ее надо представить в плоскости скрытых чаяний и в плоскости расхожих суждений. Такая «карта» не публикуется, мои оценки основаны на отрывочных данных и на интуиции.

Важны два факта: легкость свержения советской власти под социал-демократическими лозунгами – и в то же время невозможность осуществить реформы.

Первый факт я объясняю тем, что в ходе урбанизации иссяк ресурс общинного крестьянского коммунизма, который легитимировал советский строй. Обновить средства легити-

мации КПСС не смогла. Подорвать остатки легитимности «сверху», давя именно на стереотипы советской идеологии и возбуждая расхожие суждения, было нетрудно.

СССР был ликвидирован, но оказалось, что реформа в главных установках противоречит чаяниям большинства. Это большинство, не имея средств остановить реформу, оказывает ей «молекулярное» сопротивление. Каков его вектор? Исходит ли он из системы ценностей социал-демократии или из коммунизма?

Я считаю, что из коммунизма, как и сто лет назад. Панарин писал: «Современный «цивилизованный Запад» после своей победы над коммунизмом открыл «русское народное подполье», стоящее за коммунизмом и втайне питавшее его потенциалом скрытой общинности... В тайных нишах народной общинности находил укрытие жизненный мир с его до сих пор скрытыми законами, может быть, в принципе не переводимыми на язык прогрессизма».

Первые же шаги реформы оживили и резко усилили коммунистические «архетипы». Уже в предчувствии реформы общественное мнение стало жестко уравнительным.

Каким может быть проект «нового коммунизма» (или, не используя шокирующий термин, «нового советского строя»? Уход активного крестьянского коммунизма на подсознательный уровень «архетипов» меняет матрицу желаемого жизнеустройства. Если смена вектора нынешнего развития произойдет до катастрофы, то будущий строй будет складываться как система с принципиально большим разнообразием, нежели «первый советский строй».

Большинство ограничений, которые предопределили тип жизни в старом СССР, утратили свою силу, нет нужды их восстанавливать. Коммунизм СССР - в отличие от социал-демократии – обладал потенциалом «туннельного эффекта» для прорыва в постиндустриализм. Этот потенциал можно оживить и быстро провести модернизацию, создать эффективную инновационную систему. Нынешний «переходный» тип государства и экономики таких возможностей не имеет.

Политический механизм «перехода» требует для разработки больших усилий, нежели конструирование «образа будущего». Можно ожидать возникновения сильной партии, «социал-демократической на российский манер» - совмещающей стереотипы (расхожие суждения) социал-демократии с подсознательными архетипами русского коммунизма. Такие гибриды возможны и эффективно действуют, не вступая в борьбу с устоями национальной культуры.

К несчастью, этого не могло быть в начале XX века, но сейчас этого вполне можно достигнуть. Такая партия, достаточно интеллектуальная и честная, завоевала бы культурную гегемонию, и вокруг нее сложился бы исторический блок, способный изменить ход событий.

Это был устный доклад, полный текст – по ссылке [http://www.vif2ne.ru/nvz/forum/files/K-m/\(100329103540\)_CUP-seminar-26_marta.doc](http://www.vif2ne.ru/nvz/forum/files/K-m/(100329103540)_CUP-seminar-26_marta.doc)

Апрель

4.04.2010. Образ мыслей

О том, что является основанием надеяться на лучшее в период всеобщего упадка, мы беседуем с ученым в Москве.

«Зло как будто утомилось и дремало»

- *Сергей Георгиевич, как бы вы охарактеризовали последнее десятилетие?*

- Конечно, оно могло быть хуже, но ненамного. Зло как будто утомилось и дремало, но добра сотворили гораздо меньше, чем ожидалось. Под злом я понимаю не только волю людей, но и деградацию материальной культуры (например, производственной базы). Защитные системы, которые выстраивались в советское время, чтобы сделать нас неуязви-

мыми для кризисов разного рода, в основном демонтированы, а новых, способных их заменить, так и не было создано. Те системы не доставляли нам особых удовольствий, но они защищали нас. Когда они хорошо работали, их не замечали. Что же имеем сейчас? Правовые нормы – ослаблены, правоохранительные органы коррумпированы, культурные нормы отпали. В страну хлынул новый, авантюрный капитал, который питается хаосом. Он, как раковая клетка, переделывает здоровые клетки нашего общества.

- *Это же вы, кажется, сказали, что мы «питаемся трупом убитой советской системы»?*

- Это, конечно, метафора. Советская система не убита. Теплоснабжение, здравоохранение, армия имеют еще многое от того же, советского, типа. Тенденции не слишком радужные, но не фатальные. Пространство для маневра пока есть.

- *Пять лет назад в рамках экспертной дискуссии «Проекты для России» вы представили «Новый советский проект», как возможный путь развития России. Как с тех пор поменялись ваши взгляды?*

- Принципиально взгляды не поменялись. И в рамках «Нового советского проекта» возможны существенно разные варианты. Испытанные в советской практике матрицы могут быть изменены согласно новым свойствам индустриального общества, опыту катастрофы СССР и рыночной реформы, мировоззренческим сдвигам и новым международным условиям.

Другое дело, что люди еще не готовы к тому, чтобы собраться для «общего дела». Они еще не «нагулялись». Мы вернемся в «новый Советский Союз» только тогда, когда в обществе будет явный перевес сил у тех, кто этого хочет.

«Соединить землю, солнце и свободные руки»

- *В одном из своих выступлений вы сказали, что кризис – то время, когда необходимо создавать новые социальные формы бытия. Какими могли бы быть эти формы бытия?*

- Это будут, конечно, не формы возврата в казарменный социализм, историческая необходимость жить в состоянии такой аскетической мобилизации ушла в прошлое (надеемся). Новые социальные формы предполагают синтез того, что накопила наша культура и в советское время, с опытом «глотка капитализма». Речь о строительстве новой системе, соответствующей знаниям, разуму и совести современного человека. Он ведь набрался уму-разуму, набил себе новых шишек, осмыслил новые утраты.

Ценность кризиса в том, что он расшатывает старые догмы и отношения, укреплявшие старые формы. Кризис – бедствие, но часть вызванных им страданий можно окупить тем, что новые социальные формы можно воплотить в жизнь сравнительно безболезненно. Кризис ломает и силы сопротивления новому. Во время кризиса все понимают, что надо прежде всего оживить ресурсы, которые были омертвлены в прежних формах. Это побуждает к творчеству и сотрудничеству.

Сейчас, к примеру, множество людей потеряли работу либо переведены на неполную рабочую неделю. Их способность к труду «дремлет» и угасает, это огромные личные и социальные потери. Этим людям нужно дать возможность трудиться. В России выведено из оборота 44 млн. гектаров посевных площадей. Это бесплатные ресурсы. Солнечная энергия – еще один огромный бесплатный ресурс. В советское время почти каждое крупное предприятие имело подсобное хозяйство в сельской местности на правах цеха. Продукты, которые там производились шли, в основном, в столовые предприятий, детские сады, что-то продавалось. Эту дееспособную систему в девяностые годы ликвидировали. Но сейчас заводы, у которых имеется избыточная рабочая сила, могли бы людей не увольнять, а воссоздать такого рода цеха в виде сельскохозяйственных предприятий. По два-три месяца простаивающие работники могли бы там работать. Это оздоровило бы предприятие и

оживило село. Сельским жителям самим организовать такие фермы нереально, у них нет ресурсов и организационных возможностей - и земля дичает. Завод вместе с селом мог бы это сделать. Но никаких попыток активно противодействовать кризису не видно. Кризис иногда сравнивают со стихийным явлением, а это не что иное, как попытка оправдать собственное бездействие. На нашей памяти это первый кризис в России, который не вызывает творческого подъема в ответ на угрозу.

«Благосостояние каждой культуры нам выгодно»

- *Что хорошего мы можем перенять у западного общества?*

- Много чего! Например, здравый смысл и расчетливость. Похоже, кстати, что эти качества больше развиты у белорусов, чем у жителей больших городов России. может быть, именно потому, что у белорусов было больше контактов с Западом на низовом уровне. Люди не питали иллюзий относительно «рынка», как горожане России в начале 90-х годов. В книге «Куда идем? Беларусь, Россия, Украина» динамика главных показателей позволяет видеть, как переживали кризис 90-х годов и 2000-2007 годы народы и хозяйства Беларуси, России и Украины. В Беларуси эти годы прошли гораздо лучше – даже самые трудные годы начала реформ.

Второе, чему можно учиться у Запада – это привычка к размеренному труду. Русские, украинцы, белорусы – народы очень трудолюбивые, но у нас еще сильна крестьянская привычка к труду ударному - как работают крестьяне во время страды. Потом бывает период расслабления после этой «страды». В современном индустриальном обществе это ведет к постоянным перегрузкам и стрессу, мы все живем в ощущении острой нехватки времени, нам кажется, что мы что-то важное упустили. Надо учиться той размеренности и бесстрастности, с которой выполняют свою работу жители западных стран. Это хорошо организованные люди, которые ничего не пускают на самотек. Конечно, слишком в этом усердствовать не стоит, но вряд ли нам это грозит.

- *Сейчас много говорится о растущей мощи Китая, о той роли, которую он будет играть в мировой экономике...*

- Китай набирает обороты в промышленном производстве и коммерции. Но одним этим не определяется сила государства. Так что совокупную «мощь» Китая оценить пока трудно. Они ко многим «источникам силы» чужих культур относятся очень осторожно или даже пока от них отказываются. Наверное, разумно, они – расчетливый народ. Ведь бывает, что обладание «чужой» силой может повредить каким-то устоям собственной культуры. Это проблема сложная.

Реальность такова, что за четыреста лет Запад стал самой активной «формообразующей» цивилизацией, создающей очень важные институты, технологии, образ мыслей и типы знания. Поскольку это цивилизация очень агрессивная, склонная к экспансии и накопившая огромные ресурсы, все остальные вынуждены перенимать у Запада многие формы и достижения – модернизироваться. Так мы «привязаны» к Западу, за что платим высокую цену. Но еще важнее то, что любой кризис Запада порождает кризис любой незападной культуры, который часто оказывается гораздо более болезненным, чем на Западе.

Но в принципе, конечно, благосостояние каждой культуры нам выгодно. В эпоху благосостояния люди становятся немного лучше, у них появляется досуг, чтобы задуматься, снижается уровень агрессии, им легче договориться. Однако все это именно «в принципе», а на деле благосостояние иногда порождает национальное нахальство.

«Нынешняя молодежь гораздо лучше готова к тому, чтобы действовать, чем предыдущие поколения»

- Вы в свое время выступали резко против замены экзаменов централизованным тестированием. В Беларуси тоже немало противников такой системы проверки знаний абитуриентов...

- Замена экзаменов тестированием меняет тип мышления школьников, они утрачивают навыки рассуждения и объяснения или доказательства. Их мышление перестает быть диалогичным. Принятый ранее в школе экзамен в форме диалога школьника с комиссией был нашим национальным достоянием. Такой экзамен дороже, но он – очень важная часть всего процесса обучения. Человек учился четко формулировать свои мысли, высказывать их перед аудиторией. Сейчас этот навык будет утрачиваться.

- Вы – серьезный аналитик, имеете дело с реальными цифрами и показателями, но, тем не менее, оставляете надежду на лучшее. Каковы основания для такого настроения?

- В девяностые годы была большая опасность, что сам культурный тип нашего общества сломается. Этого не произошло. Выросло поколение людей, свободное от иллюзий. Они изжили в себе доверчивость, инфантильность советского типа, и в то же время изжили утопию «рынка». Они трезво оценивают обстановку и готовы к получению новых знаний. Эта молодежь гораздо лучше готова к тому, чтобы действовать, чем предыдущие поколения.

- К слову, эту молодежь, очень беспокоит желание властей контролировать Интернет...

- Невозможно механически подавить инакомыслие, разнообразие идей. Это иллюзия! Другое дело, что не надо лезть напролом, вступать с властью в тупой конфликт и тем более идти по пути провокаций. Заставить себя быть услышанным можно и нужно другими способами.

- Сергей Георгиевич, а ваше мнение бывает услышано государством?

- На этот вопрос отвечаю так: государство всё слышит, даже чириканье любого воробья. Но об этом не сообщает.

- Когда ждать от вас новых книг?

- В скором времени должны выйти две книги, посвященные угрозам для России [первая уже вышла]. Они будут интересны и для белорусского читателя. Нам только кажется, что мы автономны друг от друга. На самом деле мы крепко «повязаны». Даже динамика рождаемости схожа – а ведь рождаемость определяется культурой, общим настроением. Думаю, отношения России и Беларуси будут развиваться примерно так, как и развивались в последние годы – постепенно, без резких скачков, следуя общим стратегическим интересам.

Алиса Ксенович

4.04.2010. Интервью башкирам /о терактах/

Сергей Кара-Мурза о терактах:

«Для самозащиты надо прежде всего восстановить в мышлении чувство меры».

Новое интервью С.Г. Кара-Мурзы

сайту традиционалистов Башкортостана «РБ – XXI век»

Трагедия в Москве и в Кизляре ставит перед людьми новые вопросы. В дни траура мы приостановили публикацию собственных материалов, т.к. сочли невозможным для себя занимать страницы сайта полемикой. Но жизнь продолжается. Нужны трезвые голоса, способные перевести разговор в рамки обдуманного и осторожного анализа произошедшего. Мы обратились к частому гостю нашего сайта, профессору Сергею Георгиевичу Ка-

ра-Мурзе, автору известных «Тезисов о терроризме», с просьбой вкратце ответить на некоторые вопросы, касающиеся постигшего нашу страну несчастья.

РБ – XXI век. Уважаемый Сергей Георгиевич. Сейчас, в эти трагические дни, часто вспоминают террористические взрывы в начальный период правления В.В.Путина. Видите ли Вы критерии для сопоставления данных терактов и реакции на них? Что изменилось в стране и в восприятии террористических актов государством и людьми?

Сергей Кара-Мурза. - Сходства немного – меняются и люди, и государство. В целом, общество стало устойчивее, терроризм воспринимается как политехнология, которую встроили в нашу изуродованную жизнь. Придется перетерпеть, пока не вылезем на берег. За безумные утопии люди не хватают-ся.

РБ – XXI век. Вы уже говорили о системах безопасности, которые утратило наше общество со сломом советского строя. Какие системы самозащиты пригодны для наиболее форсированной «починки» и использования сейчас?

Сергей Кара-Мурза. - Для самозащиты надо прежде всего восстановить в мышлении чувство меры. Терроризм подпитывается страхом. Надо иметь мужество пережить этот период, тратя силы и чувства на изменение жизни. Как и в какую сторону менять – предмет низового диалога. Такой диалог нужен и для того, чтобы составить разумное представление о терроризме. Действуя неразумно, можем даже ухудшить ситуацию.

РБ – XXI век. Вы упоминали о структурной разнице «карты страхов» в нашем и западном обществе – и действительно, «готического» страха у нас никогда не было, психологию терроризма и культуру ужасов пришлось завозить из-за рубежа. Но последние события вызывают опасения и в этом на-правлении. При облаве на небольшую группу преступников, совершивших с обрезом и монтировками ограбление продуктового склада в маленьком городке Октябрьском (ее лидер, некий Башир Плиев из Ингушетии, пойманный вчера в Челябинской области, именовался, по версии ФСБ и к изумлению му-сульман Башкортостана, «эмиром Башкирским»), было задействовано более 500 человек милиции, ОМОНа, ФСБ. Слухи, несогласованная информация МВД и ФСБ – все это привело к тому, что через городок Туймазы потоком пошли машины людей, желавших уехать от греха подальше. Для спокойных, консервативных жителей Башкортостана такое обычно несвойственно. Не принесла ли свои плоды разрушительная «атомизация» общества, не произошли ли в нем культурные изменения, которых от него добивались реформаторы?

Сергей Кара-Мурза. - Для опасений жизнь дает много оснований. Случай, о котором Вы рассказали, пока что говорит о том, что власть настороже, но действует импульсивно, как необстрелянное подразделение. Слава Богу, опыта пока мало – у всех. Это пройдет. Конечно, культурные навыки утрачивают-ся, приобретаются новые. По-моему, о сломе главных устоев пока говорить нельзя. Главное, чтобы восстановился диалог поколений и молодые осознали, что на них наваливается ответственность за будущее. Бесплезно будет ссылаться на ошибки царя, Сталина или Ельцина.

РБ – XXI век. Вы неоднократно упоминали, о главной опасности, грозящей нашему обществу как цивилизации – расколе между православными и мусульманами, между русскими и нерусскими народами России. Между тем, в Интернете функционируют совершенно откровенные проекты, направленные на разжигание межнациональной розни, причем под «патриотическими» личинами: например, «защиты русских» (или народов Кавказа, мусульман во-обще и т.д.). Признание экстремистским по суду, скажем, КавказЦентра или в более мелком случае - так называемых «помойных сайтов» типа «Уфагубь» у нас в Башкортостане, носит совершенно формальный и неэффективный характер – конечно, ресурс экстремистским признали, но сайт просто клонируется, меняет адрес и продолжает работу. Не считаете ли Вы, что следует более решительно пресекать преступления и просто провокации в информационной сфере, разжигающие межнациональную и

межконфессиональную конфликт-ность? Наше законодательство не обладает достаточной адекватностью новым вызовам, например, преступлениям в Сети Интернет. Провокаторы могут лег-ко прикрываться ссылками на свободу слова, апелляции к «мировой общественности» в виде докладов Госдепа США и т.д. Как реагировать обществу в такой ситуации?

Сергей Кара-Мурза. - Негодовать на противника за то, что он старается добиться своего, бесполезно. «Проекты, направленные на разжигание межнациональной розни» - одно из главных боевых средств информационно-психологической войны. Такую форму пока принимает та гражданская война, которая идет в России. Надо постараться удержать ее в этих рамках, для чего осваивать присущие ей виды оружия. «Провокаторы могут легко прикрываться ссылками» на далекие от жизни виртуальные сущности только потому, что имеют отклик у влиятельной части общества. Надо их потеснить «ссылками на реальную жизнь», но для этого требуется сильно повысить мастерство. «Более решительно пресекать преступления» с помощью государства пока нет возможности – само государство разлажено и боится связываться с «мировой общественностью». Мы же не у ворот Берлина стоим с Жуковым и Рокоссовским.

У тактики «выгрызания пространства» свои приемы, и понемногу равновесие сдвигается в нашу пользу (разумеется, не на всех участках фронта). Маги-ческих средств резко переломить ситуацию, кажется, нет.

РБ – XXI век. Спасибо, Сергей Георгиевич!

Беседу вел Азат Бердин.

4.04.2010. Интервью словакам

Верите ли Вы в справедливость, каково Ваше краткое определение справедливости, как соотносится со справедливостью исторический процесс?

Для меня справедливость – не потустороннее явление, а земное, выработанное людьми и в среде людей, как часть культуры, хотя и под сильным нравственным воздействием религиозной веры. Но это было именно влияние религии на культуру, а не Откровение. Оно осваивалось разумом. Поэтому, огрубляя вопрос, я сказал бы, что я не «верю в справедливость», а знаю, что она существует и пронизывает все наши мысли и чувства, она – постоянный фон нашей жизни. Справедливость – пробный камень, на котором мы непрерывно проверяем (в большинстве случаев автоматически, бессознательно) свои побуждения и действия.

Мы живем в постоянном конфликте интересов и идеалов, выгоды и совести. О совершенно чистой совести мы можем только мечтать. Однако рациональные нормы справедливости, которые нам навязывают невыражаемые угрызения совести, служат нам инструментом для достижения приемлемого компромисса между множеством интересов. Этот компромисс – не точка, а зона приемлемых решений. За границей этой зоны – запрещенные действия. Без этих инструментов мы бы и шагу не смогли ступить.

Думаю, что в основании представлений о справедливости лежат чувства любви и сострадания. Дальше на них наслаиваются философские рассуждения, разумные расчеты и логика, культурные и социальные нормы, идеология и законы.

Исторический процесс – это постоянная борьба «бессовестных» за расширение зоны приемлемых решений, за освобождение от диктата совести. Наступление идет на всех фронтах – от поэзии до законов. В общем, культура этому сопротивляется, люди чувствуют, что уступки шкурным интересам и рост несправедливости подавляют духовную жизнь каждого, заглушают важные источники радости, принижают и сокращают моменты сча-

стыя. Уступая несправедливости, все мы несем непропорционально большие потери. Это невыгодно и глупо и, я думаю, в глубине души все это понимают. Однако борьба идет с переменным успехом.

2. Я живу в Словакии больше двадцати лет, много езжу по Европе, в том числе и как словацкий политик, и не могу понять одного: почему больше всего искренних, убежденных русофобов именно в России, откуда, казалось бы, уехали и уезжают все, кто этого захочет. Почему русофобы не уезжают из России?

По-моему, это нормально. В России все к ней равнодушно. Ненависть часто есть оборотная сторона любви и ревности, как это мы видим нередко и в личной жизни. Как можно ждать искренней, убежденной русофобии от чужих? С какой стати они будут тратить свои драгоценные нервы и душевную страсть на ненависть к русским? Поэтому русофобы и не уезжают из России – они без нее жить не могут.

Конечно, вывернутая в ненависть любовь и жгучая ревность – страшная сила, много от нее горя. Но, может быть, это плата человечества за дар любви?

3. Что такое для Вас славянство? Может ли славянство снова стать реальной политической идеей, как это было в 19 веке?

Славянство для меня – как колыбельная песня или сказка. Когда где-нибудь в Праге или Любляне читаешь на столбе какое-нибудь объявление о пропавшей собаке, каждое слово вызывает поток образов и смыслов, как будто пробегаешь мысленно всю «свою» жизнь за последнюю тысячу лет. И это поднимает на момент волну счастья. Странное состояние. Начинаешь думать, что под скорлупой культуры что-то все-таки есть в человеке то ли от зверя, то ли от Бога. Кажется, все нам объяснили – этносы, нации, языки. Но как услышишь славянскую речь и слова, которых ты не знаешь, но ясно, что они где-то записаны в недрах памяти, за душу берет. Братья-славяне, несмотря на распри и политическую суету. Сам я считаю панславизм XIX века именно политическим проектом, который больших шансов на успех не имел, но политика – это все-таки лишь рябь на больших океанских волнах многих веков. Славяне широко расселились на Земле, и еще больше расселятся. Они вошли и прижились в разных цивилизациях, в Евразии даже стали ядром целой цивилизации. Эти культурные различия славян при любви к общему смутному преданию – богатство и сила славянства. В обозримом будущем мы его не утратим (если совсем не поглупеем).

4. Европейская цивилизация разлагается на глазах и все быстрее. Можно ли и нужно ли пытаться сохранить эту цивилизацию?

В принципе, надо пытаться сохранить любую цивилизацию, в каждой таятся уникальные «гены», которыми обогащаются все культуры. Тем более надо помочь цивилизации, которая болеет – даже если в болезни она становится капризной или даже начинает буянить. А уж Европа тем более заслужила всеобщее участие и заботу. Многие вещи, без которых мы не мыслим нашу жизнь, были созданы умом, чувством и даже безумием Европы. Если ей не помочь, когда она «разлагается на глазах и все быстрее», то как бы все эти сокровища и все эти «гены» вдруг не исчезли. Вдруг все ноты Бетховена сгорят и все музыканты в одну ночь их забудут! Это, конечно, суеверие. Но мы здесь моделируем наши установки. А вообще-то, цивилизации, как звезды, мерцают. Они пульсируют, то укрепляясь, то разлагаясь, а что там внутри вызревает, трудно сказать. Наверное, такова природа этих больших систем.

5. В моем понимании деньги в том виде, в котором люди их знают, уже

не существуют. Каким будет мир после денег, что придет на смену этому „универсальному инструменту“?

В моем понимании деньги в том виде, в котором люди их знают, пока еще существуют, но их маловато – у людей. Однако жить можно! Каким будет мир после денег, я не представляю. Думаю, что будет скучновато – нечем заплатить за пиво! В России-то еще как-нибудь устроимся - тут нальют бесплатно, если по-хорошему попросить. А вот в Европу уже не сунешься. Может, тогда «славянские ручьи сольются в русском море», и мы что-нибудь придумаем. Если, конечно, национализируем пивную промышленность.

6. Как Вы видите будущее европейских стран бывшего Варшавского договора и СЭВ?

В ближайшем будущем, я думаю, они изживут остатки «социалистического идеализма» и романтического «бархатного постмодернизма». Войдя в Европу, они в среднесрочной перспективе трезво и хладнокровно поймут и освоят все лучшее и благородное, что создала культура современной Европы. Соединив это с ценным опытом утопий и разгрома 90-х годов, наши бывшие политические союзники (и, несмотря ни на что, братские народы) воспитают новое поколение молодежи. Эта молодежь разумом и совестью будет на высоте того вызова, перед которым поставит всех нас вызревающий кризис индустриальной цивилизации. Здесь народы стран СЭВ имеют ряд преимуществ перед «старыми нациями» Европы. Иной опыт, иная коллективная память, большой потенциал в проектировании новых социальных форм. К тому времени и Россия переболеет и приступит к своим служебным обязанностям. Есть шанс войти в новый трудный исторический период подготовленными.

Надо только не расслабляться и тем более не объедаться. Как сказал Макс Вебер, «сытые народы не зацветают будущим».

7. Вы писали, что бывали в Чехословакии. Как Вы относитесь к Словакии и словакам?

Словакия (страна) и словаки (народ) – это нечто столь большое, что говорить о моем отношении было бы нахальством. Я не могу объять мысленно такие сущности. Протокольные слова никому не нужны. У меня есть робкое ощущение (без аргументов), что словаки больше открыты «иным», чем чехи. Они немного более «евразийцы». Но если ответить не думая, само имя «словак» воспринимается с симпатией, с теплым чувством.

4.04.2010. Ответ читателю о религии

Здравствуйте, Сергей Георгиевич!

Только что прочитал Вашу книгу "Маркс против русской революции" и у меня возникло несколько вопросов следующего характера.

Во-первых, как Вы считаете, могли ли большевики, придя к власти, не вести борьбу против религии (православия) и нужно ли было это для нормального развития социализма? Ведь причиной борьбы с православием были не только установки Маркса в отношении религии, но и реакционность оной. Вы же сами указывали, что важными частями мировоззренческой матрицы, на которой был собран имперский русский народ, является православие, государственность и общинность. Большая часть духовенства стояла на позициях государственности монархического типа и поддерживала белое движение (хотя почти никто из лидеров белого движения монархистом не был). То бишь, борясь с религией, большевики просто уничтожали оппозиционное мышление.

Во-вторых, Вы являетесь коммунистом или нет?

С уважением, Киселев.

Уважаемый Артур!

Вопрос «могли или не могли» не годится. Никто не ведет борьбу, если может ее не вести. Но сегодня мы обдумываем то время с нового уровня знания и опыта, и для нас важно понять, почему произошло то-то и то-то, чего в тот момент не смогли увидеть большевики (меньшевики эсеры, царь и пр.). В совокупности решений руководства большевиков я вижу ряд ошибок, которые привели к важным издержкам, трудностям в будущем и избыточным страданиям людей. Я это не ставлю им в вину, поскольку ошибки были допущены не из корыстных побуждений, не по халатности и не из лени.

Конкретно по вопросу.

1. С церковью избежать борьбы было нельзя, поскольку она была важным идеологическим и политическим институтом и ее руководство сознательно взяло курс на борьбу с советской властью.

2. Проблема в том, что борьба с церковью и борьба с религией – разные вещи. В идеале эти две вещи следовало развести. Но это не то чтобы не удалось. Напротив, конфликт с церковью, в принципе, временный, был распространен на религию, на религиозный способ осмысливать мир. Это вызвало тем более тяжелые последствия, что сама русская революция (как и все большие революции) питалась религиозным чувством. В этом смысле религиозное мышление как часть мировоззрения не являлось оппозиционным советскому.

Напротив, из-за подавления религиозной компоненты сознания советская идеология стала внутренне противоречивой и постепенно выхолащивалась, сводилась к призыву «догнать Америку по мясу и молоку». Кроме того, это привело к массовым страданиям людей, которые были глубоко привержены советскому проекту - из идеальных, религиозных побуждений. Они не стали врагами советской власти, но этот удар «подрезал им крылья». Они работали и воевали, но «замолчали». Поэтому они не смогли воспитать себе смену, и уже после войны, когда этот тип людей сошел со сцены, таких людей стало страшно не хватать – и к власти пришла «комса и фарца».

3. Даже если трудно было разделить церковь и религию в политической борьбе, средства борьбы с религией были негодными, что во многом и породило нынешний антисоветизм верующих. Решение поручить ведение этой борьбы Троцкому и его команде было ошибочным (вероятно, вынужденным, но на этот компромисс нельзя было идти). Борьба велась с демонстративными святотатствами и оскорблением чувств верующих. Я думаю, что в этом пункте влияние марксизма было существенным.

4. Я коммунист, но в партиях не состою.

С уважением

С.Г.К-М

4.04.2010. Интервью "Русскому журналу"

01. Существует ли, на Ваш взгляд, в России, на Западе и в развивающихся странах Азии и Латинской Америки бюрократия как реальный социальный слой, отличный, с одной стороны, от бизнеса, с другой стороны - от интеллектуального класса? Какими характерными чертами отличается этот слой, можно ли считать его классом или сословием? Не считаете ли Вы, что бюрократия в какой-то своей части может быть идентифицирована со средним классом?

- Понятия слой, класс или сословие малопригодны для характеристики бюрократии (чиновничества). Это – профессиональное сообщество (как, например, офицерство или инженеры). В разных обществах оно может принимать и сословные, и даже кастовые черты.

Это сообщество «перекрывается» и взаимодействует с другими, в том числе с интеллигенцией и бизнесом. Средний класс – понятие-амёба, можно его пристегнуть и к чиновникам, но для понимания это ничего не дает.

02. С XIX века существует устойчивое противопоставление (особенно в России) бюрократии и общества. Не считаете ли Вы, что это противопоставление устарело сегодня? И что на сегодняшний день не существует рациональных оснований, по которым можно было бы так жестко противопоставлять общество и класс управленцев?

- На мой взгляд, это противопоставление вовсе не так уж устойчиво. В периоды высокой социальной мобильности и слабения сословных барьеров позиция чиновника (руководителя, управленца) пользовалась уважением и престижем. Например, в 30-50-е годы XX века. Неприязнь возникает не к функции, а к ее социальному обустройству (привилегии номенклатуры, коррупция чиновников и пр.). Восприятие обществом какого-то сообщества, даже если оно мистифицировано, является реальным социальным явлением, а значит, имеет под собой рационально познаваемые основания.

03. Со времен Макса Вебера существует разделение бюрократа и политика. Бюрократ ищет средства для выполнения не им поставленных целей, политик же ставит цели обществу. Насколько это разделение сохраняет свое значение в современных политических системах?

- Это разделение – абстракция, служащая для анализа. В реальности любой политик – бюрократ, т.к. не существует вне организации. А бюрократия как влиятельное сообщество, не может не быть политизировано (вспомним хотя бы ученых, внешне далеких от политики). Например, сейчас в России политики демонстративно снимают с себя функцию целеполагания, а бюрократия следует целям (пусть замалчиваемым), вытекающим из ее интересов и идеалов. Это разделение сохраняет свое значение, но не стоит его преувеличивать.

04. На Ваш взгляд, президент Медведев с его пафосом правового общества может ли считаться идеальным типом русского рационального бюрократа? Кто из других государственных деятелей постсоветского времени может быть взят бюрократией за образец?

- Президент Медведев, хоть с его пафосом правового общества, хоть без пафоса, никак не может считаться идеальным типом русского рационального бюрократа. Тут, по-моему, все слова не при чем. В этом вопросе, наверное, есть скрытый смысл, но он от меня ускользнул.

Никто из других государственных деятелей постсоветского времени не может быть взят бюрократией за образец – потому что бюрократия в образцах не нуждается. Она гораздо умнее, чем у нас принято думать. Ей надо приспособливаться к меняющейся обстановке, а образец задает жесткие рамки.

05. Объектом атак российских либералов часто оказывается <<бюрократическое сознание>>. Является ли этот феномен специфически российским? Как он может быть описан? Может ли быть у бюрократии собственная идеология? Кто, на Ваш взгляд, может считаться современным идеологом бюрократии, существует ли подобная фигура?

- Вообще-то, объектом их атак оказывается любое сознание, прежде всего их собственное. Бюрократическое вызывает особую ненависть потому, что оно относительно более устойчиво и когерентно, чем у интеллигенции. Этот феномен не является специфически рос-

сийским, но сейчас он в России выражен в гипертрофированной болезненной форме. Он может быть описан как история непрерывных нападков на всякую государственность, проникнутых искренней злобой. Собственной идеологии у бюрократии нет (или слово «идеология» надо понимать как метафору?). Есть система профессиональных норм, часть которых носит идеологический характер, но создать идеологию как целостную систему отдельному профессиональному сообществу не под силу, да и нет в этом необходимости.

Об. Согласны ли Вы с утверждением, что реформаторская идеология в России имела и имеет своей целью лишение силовой бюрократии контроля над властью, а затем и над собственностью? Если Вы согласны с подобным утверждением, то не считаете ли Вы, что бюрократическое сопротивление рыночным реформам имеет свое основание? Что в отсутствие иных механизмов защиты человека от рынка (сильные профсоюзы и т.д.) бюрократия в таких странах как Россия невольно оказывается единственной силой, противостоящей пауперизации части населения и гибели определенного сегмента производства?

- Нет, не согласен. Перечисленные задачи по своему типу не являются целями идеологии, они относятся к сфере тактики и политических технологий. Они ставятся и решаются при любых идеологиях. Но, хотя я и не согласен с исходным утверждением я считаю, что, конечно же, бюрократическое сопротивление рыночным реформам имеет свое основание – как и у большей части населения, организованное в разные социальные и профессиональные группы. С другой стороны, бюрократия отнюдь не оказывается «единственной силой, противостоящей» и т.д. Напротив, она и становится силой потому, что включена в систему сопротивления. Да и «механизмов защиты человека от рынка» есть множество, их пока «человек» почти и не начал применять.

4.04.2010. Интервью белорусскому журналу

Вопросы С.Г. Кара-Мурзе для журнала "Беларуская Думка":

1. Источники Великой Победы: цивилизационные, нравственные, экономические и др.

- Война со стороны Германии («и примкнувшим к ней частям Европы») была прежде всего цивилизационной («Запад против варварства»). А со стороны СССР - прежде всего Отечественной («не смеют крылья чёрные над Родиной летать»), а потом и цивилизационной («отребью человечества сколотим крепкий гроб»). Соответственно источниками силы в этой войне были и накопленные исторически цивилизационные ресурсы, и новые, созданные уже в XX веке структуры СССР как «социалистического Отечества».

Разделить эти источники трудно. Новые, уже советские структуры и институты (школа, армия, наука, тип межнационального общежития, общественные отношения по вертикали и по горизонтали) обновили и резко усилили фундаментальные свойства культуры, которые отбирались и совершенствовались веками. Мы мало задумывались над тем фактом, что приняли войну на стадии общего, массового духовного подъема и оптимизма. Этот подъем (выраженный, например, в классической литературе и музыке) сделал возможной революцию, а она расчистила дорогу для следующего рывка (для школы, науки, управления).

2. Итоги и процессы в преддверии 65 летия Великой Победы. Подмена понятий.

- Сейчас наша культура как «победитель в Отечественной войне» - на ветви спада и «пересборки», она переживает кризис, вызванный сменой цивилизационной матрицы в 60-80-е годы (переход от крестьянской цивилизации к индустриальной, от деревни к городу). Это – трудный и болезненный период в любой культуре, он был эффективно использован противником в «холодной войне» (тоже цивилизационной). Кризис был резко усугублен поражением, разрушением государства и хозяйства, большими контрибуциями, наложен-

ными победителем, организацией внутри страны хищной и алчной команды «полицаев». Стихийное сопротивление ведется из «болот и лесов», хотя есть и очаги «партизанского края», и патриоты в среде «старост и бургомистров». Пока что держится неустойчивое равновесие.

Что касается Великой Победы, то «информационно-психологические полицаи» перешли от ее огульного охаивания и фальсификации к мягкой тактике ее принижения и даже «приватизации». Проблематика войны и Победы деформируется, память о ней представляется как дань благодарности старикам-ветеранам и «общечеловеческая» скорбь о погибших. Вместо размышлений о природе этой особой войны и тех формах социальной организации, в которых советский народ смог мобилироваться для победы, эфир заполняют потоком выступлений ветеранов, в которых эти главные вопросы обойдены и подменены бытовыми воспоминаниями. В большинстве их акцент делается на тяготах войны с общим рефреном «будь ты проклята, война». Какая же война «будь проклята»? Отечественная, священная. То, что в момент тяжелого кризиса всему обществу требуется как материал для самопознания и раздумий, выхолощено из пространства памяти о Победе.

3. Победа в 1945 г.: достижение русского народа или всего советского?

- Смысл этого вопроса мне не вполне ясен. Отечественную войну вел СССР, который практически всеми народами воспринимался именно как отечество (небольшие меньшинства ряда народов имели другое мнение, но общей картины это не меняет). Но СССР был в то же время формой существования исторической России, то есть весь он воспринимался русскими как «родная земля». В этом смысле русское и советское слились, и общность диссидентов этой целостности была небольшой, хотя ее наличие – важный факт, который надо учитывать. Даже небольшие «дремлющие» общности в новых условиях могут размножаться.

4. Раскрыть понятие "Отечественная", которое сейчас размывается.

- Это понятие приложимо именно к войне, причем войне большой, когда буквально каждый гражданин (или подданный) вынужден определить для себя позицию в этой войне. Признать ее «отечественной», значит, во-первых, осознать свою воюющую страну именно своим отечеством (а не «мачехой» или «угнетательницей» или «тюрьмой народов»). Скрытые враги или изгои (отщепенцы) этой страны ее отечеством не считают, даже если «угораздило в ней родиться». Во-вторых, каждый быстро или натужно взвешивает все обиды, полученные от своего отечества. Он должен понять, идет ли он умирать за отечество по зову сердца или поневоле, чтобы избежать расстрела как дезертира. Уходя на Отечественную войну, человек «замораживает» свою память об обидах – хотя бы на время войны.

Сейчас многие «прогрессивные» деятели наперебой пытаются разделить мотивы тех, кто воевал: этот – за СССР, а этот – за Россию (с фигой в кармане). Думаю, это ерунда, изобретение перестройки. Перед лицом смерти такие вещи, как крепостное право или отсутствие многопартийности человека не занимают, и образ Отечества теряет свои конъюнктурные черты.

5. Чем обоснованы нападки на историю войны и попытки ее исказить и принизить подвиг советского народа.

- Тем, что память об Отечественной войне как «Общем деле» держит народ и страну (даже поверх СНГ и Таможенного союза) и не дает добить нашу почти разделенную государственность и почти утраченную независимость.

6. Роль личности на войне (Сталин, Жуков).

- На войне нельзя без командиров, а они всегда – личности, их не заменить комиссиями, парламентами и партиями. Им надо подчиняться, даже если их приказы ошибочны, каж-

дому важна победа, а не момент. В мирное время можно и поинтересоваться, поинакомыслить и даже слегка побунтовать. Тут нам, правда, чувство меры часто изменяет.

7. Роль Беларуси в сохранении исторической памяти о Великой Победе.

- Беларусь – это и есть «партизанский край», который станет плацдармом большого цивилизационного наступления. Здесь и по «организационным» причинам легче сохранить историческую память о Великой Победе в чистоте и боеготовности. Относительно больше людей ее хранят по сугубо личным причинам, а власть сильно ограничила возможности манипуляторов. С ними, конечно, надо вести диалог, но нельзя же позволять им отравлять колодцы.

23.04.2010. Кому интересно - пресс-конф ко дню рождения Ленина в РИА-новости

Участвовали Новиков (КПРФ), Гейдар Джемаль и я. Вот ссылка:

http://www.rian.ru/press_video/20100421/225092390.html

23.04.2010. Спичрайтеры Президента перешли на язык социал-дарвинизма

Надо бы его предупредить, а то "Новая газета" прицепится

«... Готовиться к условиям жизни в высококонкурентной среде, то есть уметь бороться за себя... У нас длительное время считалось, что человек должен раскрывать свои лучшие способности в коллективе, а коллектив должен помогать человеку, это нормально. С другой стороны, каждый человек сам должен заниматься своей карьерой, думать о своём будущем и исходить из того, что ему придётся конкурировать с другими людьми. Это некая смена парадигмы, в том числе образовательной. Думаю, что мы действительно должны в известной степени поменять наши установки, может быть даже и ценностные установки на эту тему».

Д.МЕДВЕДЕВ - <http://kremlin.ru/transcripts/7530>

128

23.04.2010. Замечательно само начало речи

«Сегодня, в условиях, когда наша страна перешла к новому формату своего развития, когда мы занимаемся модернизацией нашей экономики...»

23.04.2010. Да и это интересно

"Чтобы наши талантливые люди, талантливые ребята, дети чувствовали, что они могут воспользоваться разными возможностями".

Именно так - чтобы они "чувствовали", а есть ли сами возможности - вещь второстепенная.

23.04.2010. А вот как мы теперь понимаем конкуренцию

"Во всём мире 90 процентов, а то и 95 процентов игрушек, которыми пользуются дети и в России, и в Соединённых Штатах Америки, – это китайские игрушки, так сегодня устроен рынок. Но качество этого материала – я сейчас говорю не об их экологической стороне, не обсуждая их медицинские показатели, потому что там тоже есть вопросы, а именно качество – оно запредельно низкое, это правда".

Китайские игрушки покупают не потому, что у них лучше цена/качество, а потому что "так сегодня устроен рынок". И президент хочет своими заявлениями этот рынок научить уму-разуму.

24.04.2010. О Законопроекте №308243-5

Законопроект №308243-5 "О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием правового положения государственных (муниципальных) учреждений"

Суть законопроекта в том, что с 1 января 2011 года для бюджетных учреждений всех уровней: школ и других учебных заведений; больниц и поликлиник, медицинских центров и др.; библиотек, музеев и др. прекращается бюджетно-сметное финансирование. Работа переводится на коммерческую основу, т.е. предоставляется право получать доходы (от госзаказов и на рынке) и распоряжаться ими. Небольшая часть государственных (муниципальных) учреждений будет преобразована в казённые учреждения (органы власти, силовые ведомства, СИЗО, детские дома, лепрозории и противочумные учреждения) с сохранением бюджетного финансирования.

Этот законопроект с зашифрованным названием является принципиальным и означает переломный момент в ходе кризиса. Он был принят так тихо и в первом, и во втором чтении, что почти никто этого даже не заметил. А те, кто заметил, не поверили, что он может быть введен в действие.

Вероятно, в замысле этого законопроекта объединились разные типы интересов: от геополитических до криминальных. После первого этапа реформ, когда удалось, без явных социальных протестов и даже без осознания обществом этого факта, вывести государство из хозяйственной сферы, начинается новый этап – вывод государства из социальной сферы. После отстранения государства от хозяйства Россия, как пишут некоторые западные наблюдатели, стала самым слабым в мире государством в отношениях с частным бизнесом. Надо бы сказать, в «видимых отношениях», но и это очень важно.

Радикальная постановка вопроса в этом законопроекте, который означает новый шаг в отступлении государства, на мой взгляд, может быть продиктована только победителем в холодной войне. Этот шаг – почти капитуляция (если только государство не намерено выполнять свои социальные обязательства средствами партизанской борьбы). Ни одно, самое коррумпированное, но мало-мальски независимое правительство не предприняло бы такой акции. Это вынужденная мера, демонстрирующая степень утраты суверенитета.

Что касается внутренних интересов господствующего меньшинства и бюрократии, мы наблюдаем принятие (или угрозу принятия) уже не первого превентивного закона подобного рода. Подобные законы принимаются и висят над обществом подобно дамклову мечу. К ним, кстати, относится и жилищный кодекс. Этих законодательных актов не замечают, потому что законы не начинают действовать сразу же. Но они могут вводиться в действие постепенно, не производя на общество шокового эффекта, или же действовать как инструмент угрозы.

Так, регулярно сообщается о намерениях создать законодательную базу для изъятия средств у населения через обязательное страхование жилья. Председатель Госстроя Н.Кошман называл цену страховки – 2% рыночной стоимости в год. А пресса («Коммерсантъ») сообщала: «Эксперты предполагают, что тарифы на обязательное страхование жилья составят 3% от рыночной стоимости квартиры в год». Рыночная оценка городского жилищного фонда – 2-2,5 триллиона долларов, при 2% годовых страховка будет стоить гражданская России 40-50 млрд. долларов в год. Это уже оставляет без крыши над головой значительную часть населения.

Говорилось и о налоге на недвижимость в размере 0,2-0,6% от рыночной стоимости. Это еще 10-15 млрд. долларов. Эти законы не принимаются, но о них постоянно говорят, что «они готовы». Возможно, цель в том, чтобы отучить общество удивляться. Оно уже воспринимает подобные инициативы без какой либо реакции.

Новый закон предполагает резкое сокращение обязательств государства. Государство снимает с себя ответственность за самые массовые системы, предоставляющие населению жизненно важные социальные блага. Лишение госфинансирования систем образования и здравоохранения – это удар и по необеспеченной части населения, и по среднему классу. Криминальные интересы такого изменения известны. При рассмотрении законопроекта по

реформированию науки, в частности, говорилось, что в случае банкротства большого числа финансируемых государством научных учреждений и организаций на рынок будет выброшена огромная масса недвижимости, которая будет присвоена теневым бизнесом и коррумпированными группами чиновников.

Похоже, что в продвижении этого законопроекта применяется старая аморальная политтехнология: напугать – помиловать, придавить – ослабить. То же было и с монетизацией льгот, и с налогом на недвижимость, и с налогом на транспортные средства. Сначала второе слушание, которое должно было состояться в апреле, было отложено на неопределённый срок. Говорили, что об угрозе объявлено, но «доброе правительство» не даёт её реализовать. Опыт показывает, что такое привыкание действительно происходит. И вот, закон был проведен во втором слушании вечером 21 апреля!

Сейчас, как и после принятия закона о монетизации льгот, звучат заявления, что это провокация, что правительство не могло одобрить такой законопроект, что он может вызвать социальный взрыв.

Что касается возможных последствий, было уже достаточно таких экспериментов и проверок, из которых следует, что ни организационной базы, ни идеологии для социального взрыва сейчас нет. Никакой революции произойти не может, а волнения обывателей и учителей с врачами для власти не опасны. Власть, похоже, не понимает, что это и есть самое страшное – отсутствие «среднего диапазона» средств протеста.

Отсутствие организации, идеологии и возможности диалога – это условия возникновения «молекулярной гражданской войны», то есть бессистемного социального мщения. Это – война не за справедливость, а против всего. Против этого государства, этого общества, всей этой жизни. В 90-е годы этот механизм задвигался, но был остановлен инерцией советской культуры. Сейчас произошла смена поколений, эта инерция сильно ослабла, и если маховик социального мщения будет запущен, остановить его не удастся очень долго. Он равнодушен к яйцам Фаберже и гламуру Ксении Собчак, а уж тем более к дубинкам ОМОНа.

26.04.2010. Кстати, политкорректно о терроризме

http://rusrand.ru/mission/moment/moment_465.html

С.Г. Кара-Мурза

Терроризм по своей сути является частью не диверсионной войны, а информационно-психологической. Полезно было бы, воспользовавшись поводом последних терактов, составить и дать рациональное описание этому явлению, его истокам и современному состоянию. Хотя, подобное объяснение, вероятно, затруднит для власти возможность манипулировать сознанием граждан, используя терроризм в пропагандистских целях, однако стабилизирует массовое сознание и позволит гораздо более эффективно вести диалог с обществом по этим вопросам.

На мой взгляд, большая ошибка массового сознания, которая поддерживается СМИ, это утверждение о генетическом родстве нынешнего терроризма с теми его видами, которые были известны в истории ранее. До конца XX века мы были свидетелями идейного терроризма. Терроризм был средством борьбы за определённую цель - для народовольцев и эсеров, для этнических групп - за национальное освобождение. Нынешние теракты никакого сходства, не по форме, конечно, а по сути, с теми явлениями не имеют.

2001 год был переломным моментом для понимания этого феномена, хотя и раньше публиковались работы по этой теме. После акта в Нью-Йорке ведущих мировых философов попросили дать комментарий событию. Почти все пришли к выводу, что этот терроризм – явление постмодерна, феномен совершенно иного типа, нежели теракты, что мы знали до

того. Главные идеологи и организаторы современной террористической угрозы – это часть глобальной элиты, а вовсе не обездоленные слои населения, ищущие отмщения.

Терроризм стал крупным бизнесом, породившим транснациональные корпорации, которые по контракту и ради любой цели оказывают услуги, используя эту мощную политическую технологию. Мы наблюдаем процесс приватизации вооруженных сил (возникновение частных армий, предоставляющих услуги клиентам, включая государства), но мы видим и приватизацию терроризма. Террористическая корпорация «Гладиатор» была создана в 1951 г. и непосредственно подчинялась высшему руководству НАТО, но куда она делась после 1991 года? Куда делась организация Бен Ладена, когда у ЦРУ отпала надобность в ее услугах? Эти предприятия стали негосударственными. Возможно, их дочерние фирмы имеют хороший доход от производства и продажи, например, металлоискателей и оборудования для сканирования багажа в аэропортах. Чтобы создать колоссальный рынок, потребовался пяток терактов на авиалиниях.

Другое дело, что в мире существует большое количество социальных ниш, наполненных действительно отчаявшимися, обездоленными людьми, которые поставляют пушечное мясо для этого бизнеса. А нарядить их можно в любые одежды.

Чем государство попустительствовало тому, чтобы терроризм пришёл в наше пространство? Мы помним, что в начале XX в. Россия пережила вспышку очень интенсивного терроризма, несравнимого с нынешними взрывами. Тем не менее, после 1920 г. посредством масштабных программ по созданию новых социальных и культурных форм, новых общественных и человеческих отношений, эффективных государственных служб, удалось на долгое время избавиться от терроризма как общественного и политического явления. Даже кавказские народы, которых в 1944 г. погрузили в теплушки и отправили в Казахстан и Узбекистан, не прибегли к терроризму как средству мщения – и не потому, что боялись. Взрывать людей в метро было для них недостойным и абсурдным делом. Не было терактов и после того, как в 50-е годы эти люди вернулись на свою землю. Это было колоссальным культурным достижением, в это надо вдуматься сегодня.

В конце 80-х, во время перестройки, власть сняла все главные защиты против терроризма и открыла доступ к механизмам госуправления агентам сети той транснациональной террористической корпорации, которая начала тогда складываться. Терроризм был принят как политическая технология для управления общественными процессами в России.

Второй важный момент заключается в том, что государство своей социально-экономической политикой создало нишу, заполненную озлобленными, отчаявшимися людьми с разрушенной мировоззренческой основой. Там, где их обида и оскорблённое достоинство соединились с уязвленным этническим сознанием, возник крупный потенциал для превращения этих людей в инструмент политтехнологии терроризма. Большую роль сыграло принятие закона «О репрессированных народах» - вот предмет для исследования культурологов, социологов и следователей по особо важным делам. Государство само создало источник пушечного мяса для терроризма. Видимо, политики посчитали, что выгоды превышают издержки.

В то же время, в культурной среде СМИ активно работали на то, чтобы узаконить в массовом сознании культ силы и идею войны «всех против всех». В сознании людей произошёл сдвиг от культуры солидарности и взаимопомощи к идеалам конкуренции и борьбы. Надо признать хотя бы в среде экспертов и политиков, что на переходный период, длящийся уже 20 лет и только набирающий обороты, терроризм стал неизбежным фактором нашей общественной среды. Это надо принять и примириться с этим – ведь мы так мечтали об этих свободах! Скажем прямо: подержанные иномарки и терроризм приходится глотать «в одном флаконе». Надо думать, как смягчить воздействие этого фактора, потому что преодолеть его быстро - невозможно. Когда подобные явления уже раскручены, ника-

кими силовыми методами – бомбёжкой, уничтожением домов, взятием заложников – их не остановить. Здесь требуется большая работа во всех системах жизнеустройства.

На мой взгляд, необходимо снять параноидальный страх перед терроризмом. В социальном измерении потери от терроризма невелики в сравнении со смертностью от палёной водки и в автокатастрофах. Этот страх культивируется с помощью телевидения. Телевизионные «рыночные» СМИ являются самым мощным пособником террористов. Если взглянуть на Запад, то там действует абсолютный запрет на предоставление террористическим группировкам и их членам трибуны для какого бы то ни было заявления. Но вид крови, растерзанных тел на телеэкране – как раз и является таким «заявлением» и служит достижению целей террористов. Терроризм – дитя СМИ, это известно со времен Великой Французской революции.

Если бы картинка «ужаса», не была растиражирована и передана в каждый дом телевидением, психологический эффект теракта был бы нулевым. Государству, которое всерьез желает снизить интенсивность терроризма, следует ввести целый ряд запретов на медиаобразы терактов. И, конечно, надо срочно ликвидировать условия, пробуждающие идею социального мщения. Этот фактор развивается по нарастающей – страна полна не растраченным гневом. В ближайшее время эта чаша может переполниться.

Как только появится терроризм не под этническими, а под социальными лозунгами, он охватит практически всю территорию России, поскольку среди молодёжи идея мщения «несправедливому обществу» становится популярной.

Май

7.05.2010. Всех поздравляю с Днем Победы. Интервью к случаю

Вопрос: Чем ближе 9 мая - День Победы, тем сильнее проявляется странное явление: вопреки кампании по дискредитации Сталина и его роли в Великой Отечественной войне, среди молодёжи усиливается тяга к изучению того времени. Более того, в связи со скандалом вокруг плакатов с изображением Сталина, молодёжь в разных городах организуется и за свои деньги пытается разместить плакаты с его изображением на автобусах. Что выражают эти символические действия?

Ответ: Сегодня Сталин – образ того, чего желает большинство народа России. Образ, выраженный в одном слове, краткий и простой, как флаг. Не все принимают Сталина за символ, но чаяния – те же. Так и под одним флагом идут в бой люди, которые сильно различаются в отношении к флагу, но соединенные чем-то более важным. Сталин вновь соединил народ, потому его имя так ненавидит меньшинство, которое старается рассыпать этот народ. Тут, я думаю, установки и старых, и молодых, различаются мало. А День Победы – праздник, в который мы снова переживаем то столкновение Добра и зла, которое выпало на долю нашего народа и стало Великой Отечественной войной. 9 Мая это столкновение происходит уже как битва символов в нашем сознании. Ну, и в СМИ, где мы находимся в глухой обороне. Ничего, это не единственный фронт.

Но перед молодежью стоит особая трудная задача, которая и объясняет тягу к изучению «времени Сталина». Сегодня Сталин – это предание. Но под ним – жесткая основа, ее и требуется изучить. В отличие от туманных проектов «силиконовой долины», здесь мы имеем исторический факт: в России был создан такой тип соединения государства и народа, в котором честный труженик обрел небывалую силу и достоинство. Труженик смог сбросить гнет денежного мешка и его подручных. Именно за это Сталина и любили, и ненавидели, а все остальное – идеологическая декорация.

Сталин был создан советским человеком. И обратно – он создал советского человека. Вместе они выстроили такие социальные формы, которые подняли Россию, да и весь мир, включая и Запад. Мы в России не удержались, сорвались, но из памяти это уже не вытра-

вить. А главное, из того проекта можно извлечь много уроков, необходимых нам и сегодня.

Конечно, пытаясь разместить портреты Сталина на автобусах, граждане хотят выразить свое отрицание того пути, на который нас толкнули Горбачев с Ельциным и по которому страна катится и сегодня. Это – способ волеизъявления людей, лишенных доступа к СМИ для выражения своего несогласия. Зная настроение этой части общества, власти Москвы сделали в этом году небольшую отдушину. Разумно.

Вопрос: Что означает рост интереса к урокам прошлого - попытку найти в том времени ответы на нынешние проблемы? Можно ли считать это поиском того цивилизационного пути России, о котором Вы часто пишете и говорите? Ведь многие считают, что поворот с того цивилизационного пути произошел с приходом к власти Хрущёва и с началом борьбы с "культулой личности Сталина".

Ответ: Сталин – человек времени революций, мировых и гражданских войн. Это – вождь в годы народного бедствия и катастроф. Критики «эксцессов сталинизма» делают вид, что этого не понимают. Но в благополучное время такой режим действительно не нужен и невозможен. Перед войной или во время войны было ясно: или Гитлер – или Сталин. Но в 50-е годы из мобилизационного режима надо было выходить. Эта операция очень сложная, это мы и по НЭПу знаем. Хрущёв был не на высоте задачи и нанес по всей советской системе тяжелый удар. Сыграли свою роль и его личные качества, и отсутствие теоретической базы, и общий низкий уровень гуманитарной культуры партии и всего общества – не успели мы ее нарастить, да и война повыбила людей, которые сочетали высокую культуру с любовью к советской стране и, главное, к простонародью.

Поиск того цивилизационного пути России, отрезок которого мы прошли со Сталиным, осложняется иллюзией, что логику и методы Сталина можно с успехом применить и на другом отрезке, с людьми существенно другой культуры. Сам Сталин, мне кажется, так не думал и даже предвидел большие трудности. Нам надо изучать и цивилизационный путь России, и «время Сталина» не для того, чтобы сегодня имитировать социальные технологии 30-40-х годов, а чтобы понять философию, принципы и критерии принятия стратегических решений, которые тогда были выработаны. Знание о них в готовом виде нам не оставили, надо его реконструировать.

А если и дальше дело пойдет, как сейчас, то есть риск, что денежный мешок и его подручные вновь призовут глобального Гитлера. И тогда нам понадобятся и технологические уроки Сталина.

Вопрос: Вы говорите, что есть серьезное непонимание сталинизма. Многим тоже так кажется. Со всех сторон слышим о Сталине, но все не то. Как будто что-то главное упускают. Даже профессиональные историки больше спорят о вещах несущественных. Какие бы Вы дали ориентиры для изучения той эпохи?

Ответ: Думаю, тут дело не в Сталине, а в том, что в целом у нас создали очень упрощенное представление о первой половине XX века. А это время было очень сложное и слишком «спрессованное». Современники сами не успевали его осознать и выразить, а официальная история, видимо, была вынуждена его выхолостить – из политических соображений. Надо было примирить людей, переживших такие множественные гражданские конфликты и войны. Соответственно, мы и о Сталине мало знаем и не представляем, какие задачи приходилось решать, с какими ресурсами и какими методами. Может, лучше и не знать об этом, во всяком случае, слишком много. Но главное узнать все равно придется, и понемногу мы к этому изучению приступаем.

А ориентиры простые – брать главное, отсеивать побочные вещи. Все-таки мы можем себе представить, какие угрозы перед нами вставали, если война была всего лишь одной из целого ряда таких угроз. Надо стараться додумывать до конца, а не успокаивать себя

оценками с высоты нашего знания и комфорта. В целом, сейчас кажется чудом, что удалось пройти столько опасных узких мест. С большими потерями, но прошли, сумели собраться, и Сталин в своем деле был на высоте. Из тех, кто был в наличии, трудно назвать другого, кто смог бы с этими задачами справиться. Наверное, были люди помягче и подобрее, но это не компенсировало тех нужных качеств, которых им не хватало.

Вопрос: Почему именно Сталин сейчас становится символом советской эпохи, вытеснив Ленина?

Ответ: Ленин выполнял задачи менее «видные», менее драматические и более далекие от наших современных проблем. В принципе, его и Сталина надо было бы брать как «систему», один без другого не работает. Не будь Сталина, труд Ленина, думаю, пошел бы насмарку – Троцкий и оппозиция выполняли иной проект, а не ленинский. Но если бы Ленин не решил ряд принципиальных задач в русской революции, то не было бы и этой необычной системы – советского государства.

А сейчас Сталин стал именно символом. Он – полное отрицание нынешнего строя и того пути, по которому нас тянут. Коротко и ясно. Он – несомненный факт, что мы, тот же народ, на той же земле, еще с несравненно меньшими средствами, могли быть мощной непобедимой силой, способной за десять лет поднять страну до уровня сверхдержавы. Раз это было возможно, значит, это возможно в принципе. Значит, отдышимся, оглядимся – и соберемся снова. Коротко и ясно. Иметь такой символ – половина дела.

27.05.2010. О планах введения налога на жилье

Политика Правительства в сфере ЖКХ с 1992 года является откровенно антисоциальной и антинациональной. Она неуклонно превращает все большую часть России в «цивилизацию трущоб». Будучи собственником инфраструктуры, а в 90-е годы и собственником большей части жилищного фонда, государство изыало из основных фондов ЖКХ (это треть всех основных фондов страны) практически все амортизационные отчисления, доводя износ до критического состояния.

Был почти прекращен капитальный ремонт жилищного фонда (обязательство государства – сдать дома частным владельцам отремонтированными). Жилье России быстро ветшает и переходит в аварийное состояние, а Правительство фальсифицирует реальность, произвольно изменяя критерии отнесения жилья к категории ветхого и аварийного.

Тяготы по поддержанию и ремонту изношенных основных фондов ЖКХ власть возложила на население, и над всеми повис дамоклов меч немислимых платежей (инвестиционная составляющая тарифов, налог на недвижимость, исчисляемый по ее рыночной стоимости, обязательное страхование жилья). Этот меч опускается постепенно, но опускается.

Риторика Правительства в жилищной политике иногда кажется издевательством. Приоритетный национальный проект назвали «Доступное жилье», и сразу (за 2005-2007 гг.) цена жилья возрастает с средним по РФ в 2,14 раза на первичном и в 2,2 раза на вторичном рынке.

При объявленной на 2008 г. смете капитального ремонта 1 кв. метра в среднем по РФ 19,5 тыс. руб., Правительство отчитывается о выполнении капитального ремонта со средними затратами 2,7 тыс. руб. на 1 кв. м – вместо капитального ремонта производится косметический.

А вот справка Росстата из регионов: «В Калининградской области стоимость ремонта 1 кв. метра капитально отремонтированного жилья составила 302 рубля, Мурманской области - 538 рублей, Томской области - по 597 рублей, Удмуртской Республике - 608 рублей, Калужской области - 685 рублей, Челябинской области - 755 рублей, Республике Саха (Якутия) - 824 рубля, Вологодской области - 870 рублей, Сахалинской области - 862 рубля, Тверской области - 884 рубля. Столь низкая стоимость ремонта 1 кв. метра жилья косвен-

но свидетельствует о несоблюдении необходимого регламента ремонтных работ и, как следствие, о низком его качестве».

Не «косвенно свидетельствует», а вопиет.

Теперь, по сообщениям ведущих газет и информационных агентств, Правительство объявляет о «введении налога на недвижимость по западным образцам!» Это якобы «позволит значительно упростить систему налогообложения в интересах налогоплательщика». В пример приводят Германию, Данию и пр. В сфере ЖКХ эти примеры не обладают минимальным подобием России – как же мы должны расценивать эти доводы чиновников? Разве это не издевательство?

Что означает введение этого налога для обывателя?

В 2008 г. средняя зарплата после вычета подоходного налога составляла в РФ 15 тыс. руб. Средние величины тут, в принципе, не годятся, поскольку в 2008 г. 45% населения имело средний доход на душу менее 10 тыс. руб., а 65% - менее 15 тыс. руб. В РФ в среднем доход равен начисленной зарплате после вычета подоходного налога. Но примем для простоты среднюю величину.

Средняя по РФ цена 1 кв. м на вторичном рынке жилья – 56,5 тыс. руб. За всю годовую зарплату средний гражданин РФ мог купить 3 кв. м среднего жилья. Рядовая квартира из 2 комнат площадью 60 кв. м стоит всей зарплате за 20 лет.

Весь жилищный фонд России в 2008 г. составлял 3,12 млрд. кв. м. Введение налога на квартиры (предположительно, в размере 1% от рыночной стоимости в год) означает изъятие у населения огромной суммы – стоимости 30 млн. кв. м на вторичном рынке жилья. В ценах 2008 года это равно 1700 млрд. руб. Неужели Правительство всерьез полагает, что население России в состоянии ежегодно выплачивать такие суммы? Почему в заявлениях чиновников никогда не называются реальные числа, а даются туманные ссылки на интересы налогоплательщика? Свои интересы мы как-нибудь сами сформулируем.

Перейдем от «России в целом» на уровень типичной семьи из трех человек, которая, взяв в долг все, что можно, у родственников и друзей, купила эту самую квартиру площадью 60 кв. м, за которую будет расплачиваться всю жизнь. Когда ее уговаривали купить это «Доступное жилье» и завести троих детей на благо России, ее не предупредили, что в 2013 г. она станет выплачивать каждый год по 1% стоимости квартиры в качестве налога. В среднем по России – это 33,9 тыс. руб., а в Москве 93 тыс. в год.

Возможно это при зарплате 15 тыс. в месяц, особенно если из-за рождения ребенка работает только отец? В какое «более скромное жилье» должна переехать эта семья, чтобы выплачивать налог? Ведь если она переедет в картонный ящик, отец (врач или инженер) не сможет заработать и свою скромную зарплату.

Правительство не должно поручать чиновникам запускать такие пробные шары, которые потрясают общество. А ведь еще готовится закон об обязательном страховании жилья. Будучи председателем Госстроя, Н. Кошман называл и цену страховки – 2% в год. Но аппетиты растут, и вот сообщение газеты «Коммерсантъ»: «Эксперты предполагают, что тарифы на обязательное страхование жилья составят 3% от рыночной стоимости квартиры в год». Эта угроза отложена, но с повестки дня не снята.

Если положение России угрожающее и всем (!) требуется подтянуть пояса для очередного спасения банковской сферы, обратиться к гражданам должен Президент. И даже не по телевидению, а лично – с Лобного места Красной площади. Нынешние инсинуации чиновников и прессы оскорбительны. За ними проглядывает какой-то неприглядный спектакль, который готовится к выборам 2012 года.

Все больше предчувствий, что эти политические спектакли скоро станут трагедиями.

<http://sg-karamurza.livejournal.com/>

Июнь

16.06.2010. Вчера был на премьере спектакля "Арена жизни"

Постановка Н. Губенко, по рассказам Салтыкова-Щедрина.

Класс! Совершенно новое художественное явление, новый язык, новый профессионализм актеров (и, поразительно, их огромный энтузиазм и подъем). Я лично просто не ожидал. Что-то меняется, совсем новый этап, новое дыхание. К деталям можно придирается (все-таки - тексты 19 века), но это мелочи. Главное - сила и ощущение целостности.

Советую пойти, кто сможет.

Информация на сайте театра (и там же небольшая рецензия).

http://www.taganka-sat.ru/?ITEM_ID=5348